
ОГОНЁК
№ 44 ОКТЯБРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ДАЛЕКИЙ И БЛИ

Китобой.

ОГОНЁК НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

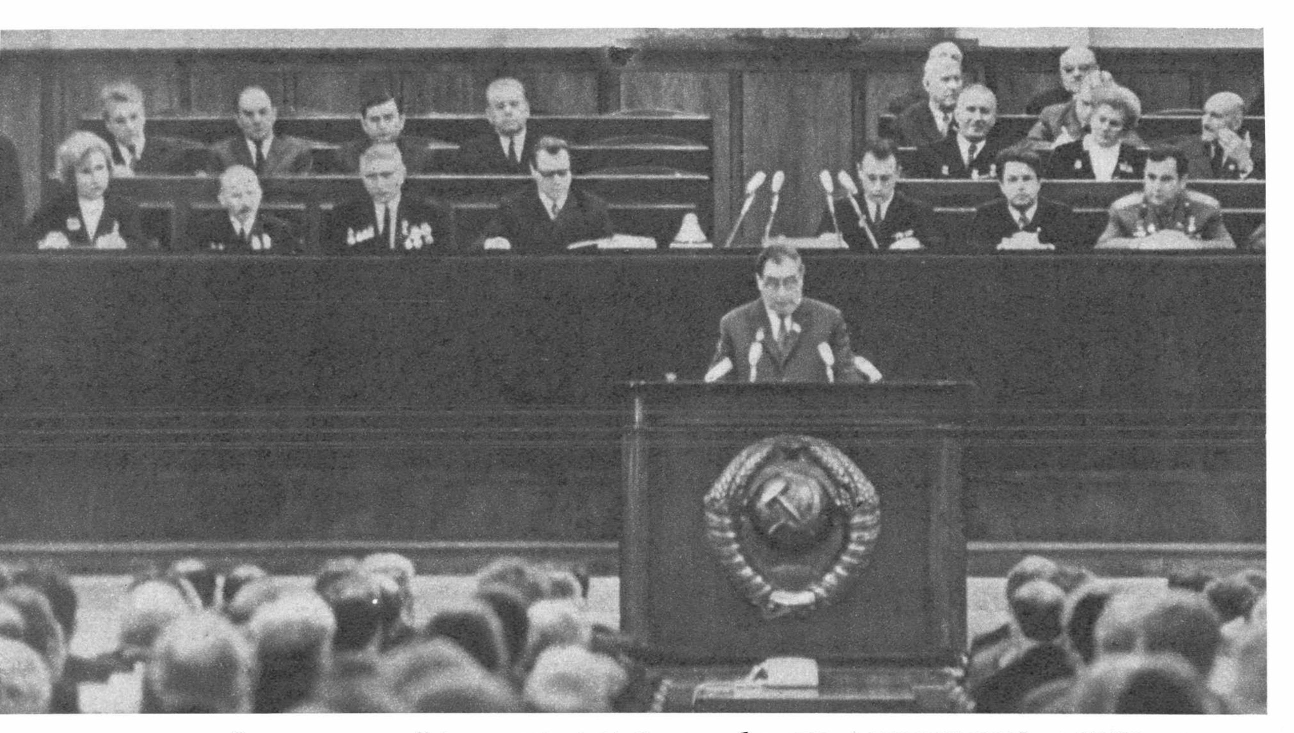
Как сказал поэт, «здесь каждый с детства с морем обручен».

Фото В. Кузнецова.

В прошлом году «Огонек» начал путешествие по Сибири и Дальнему Востоку. В нескольких номерах журнала были опубликованы репортажи наших корреспондентов о славных делах сибиряков. Сегодня мы начинаем рассказ о дальних краях нашей земли, отмечающих 25 октября знаменательную дату — 50 лет с того дня, когда было завершено освобождение Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев.

Продолжение см. на стр. 9—14.

В президиуме Всесоюзного совещания работников государственной системы профтехобразования.

Ветераны труда вносят в зал заседаний красное знамя.

СМЕНА, ДОСТОЙНАЯ ВРЕМЕНИ

Они сидели рядом — герои труда, директора заводов и фабрик, передовики производства и совсем еще юные ребята в форменных костюмах ПТУ. У старших на пиджаках сияют ордена, медали, знаки отличия, у молодежи на форменках только комсомольские значки. Разные поколения, разные судьбы. Но есть в этих судьбах общий, очень важный момент: одни давно, другие совсем недавно начинали свою рабочую судьбу в стенах технических училищ. И вот теперь здесь, в кремлевском зале, ветераны вручают своей смене красное рабочее знамя — символ преемственности поколений.

Три дня в Большом Кремлевском дворце шло Всесоюзное совещание работников государственной системы профессионально-технического образования.

Аплодисментами встретили участники совещания товарищей А. П. Кириленко, К. Т. Мазурова, А. Н. Шелепина, П. Н. Демичева. В президиуме — председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, министры СССР, ответственные работники ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС, министерств и ведомств.

Здесь же ветераны рабочего класса, легендарные герои пятилеток.

С большим подъемом собравшиеся избирают почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС.

Слово предоставляется кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву. Он зачитывает приветствие Центрального Комитета партии участникам совещания, которое было встречено бурными, долго не смолкающими аплодисментами.

В работе совещания приняли участие руководители организаций и ведомств системы профтехобразования всех союзных республик, лучшие педагоги, мастера, ученики профтехучилищ, гости из социалистических стран.

Совещание рассмотрело проблемы совершенствования методов подготовки квалифицированных молодых рабочих. Этим вопросам партия и правительство придают огромное значение. За годы Советской власти в школах, училищах и других учебных заведениях профтехобразования подготовлено 30 миллионов 200 тысяч квалифицированных рабочих. Пополнение рабочего класса за счет системы ПТО быстро растет; в нынешнем году, например, эти учебные заведения выпустили около двух миллионов специалистов, а за пятилетку число выпускников достигнет девяти миллионов. Произойдут не только количественные, но и качественные изменения — обучение в системе ПТО будет вестись глубже, разностороннее.

В наше время профтехучилища становятся основной базой подготовки трудовой смены. Выпускникам ПТУ предстоит работать со сложнейшим современным оборудованием, участвовать в решении ведущих производственных проблем. Это значит: молодой рабочий должен получать в своем училище и техническую и интеллектуальную подготовку. Справятся ли училища с такой задачей? Готовы ли они к переходу на новую, более высокую ступень обучения? Этими вопросами занималось совещание.

С докладом о роли профтехобразования в обеспечении народного хозяйства квалифицированными рабочими кадрами на совещании выступил председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию А. А. Булгаков.

Рубежи профтехобразования определены — их наметили Директивы XXIV съезда КПСС. Итоги нынешнего совещания показали, что училища в состоянии отвечать тем высоким требованиям, которые предъявляют к ним партия и правительство, советский народ. Участники совещания единогласно приняли обращение ко всем работникам профессионально-технической системы обучения, призвали их мобилизовать все силы для решения главной задачи — подготовки высококвалифицированной рабочей смены, достойной нашего времени.

Б. СМИРНОВ,
фото А. БОЧИНИНА.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

24 октября в Москву по приглашению Советского правительства с официальным визитом прибыл Председатель Совета Министров Италии Джулио Андреотти.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Италии и Советского Союза, Д. Андреотти и сопровождающих его лиц встречали Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, первые заместители Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров и Д. С. Полянский, министры СССР А. А. Громыко, Б. П. Бугаев, С. А. Оруджев, Н. С. Патоличев, А. М. Тарасов, другие официальные лица.

В числе встречавших был посол Италии в Советском Союзе Федерико Сенси.

На летном поле был выстроен почетный караул войск Московского гарнизона, исполнены государственные гимны двух стран.

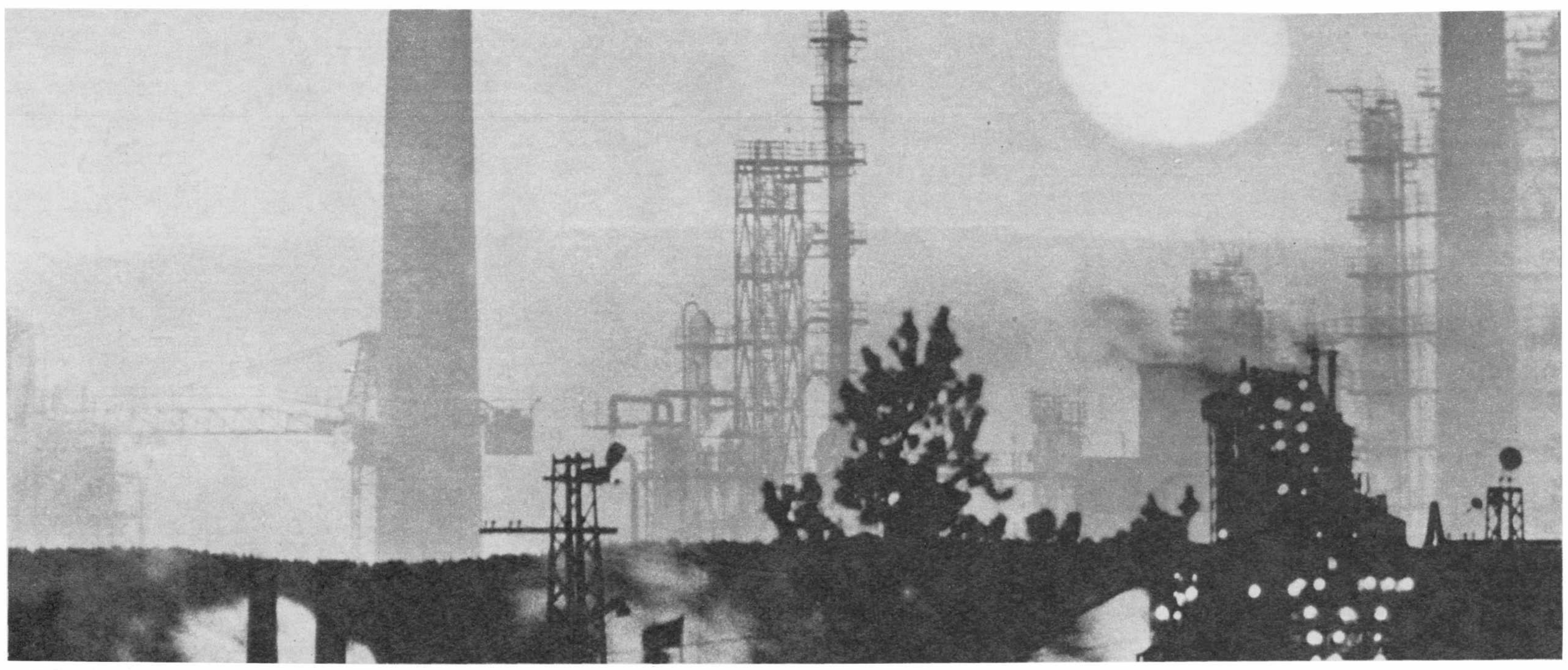
Д. Андреотти и А. Н. Косыгин обошли строй советских воинов. Высокого гостя приветствовали представители трудящихся Москвы.

Вместе с главой правительства Италии в Москву прибыли министр иностранных дел Джузеппе Медичи, управляющий банком Италии Гуидо Карли и другие официальные лица.

В тот же день начались советско-итальянские переговоры.

Советско-итальянские переговоры.
Фото А. ГОСТЕВА.

Ангарский нефтехимический комбинат — один из крупнейших в Сибири. Фото Г. КОПОСОВА.

УСПЕШНЫЙ ФИНИШ ГОДА

Трудящиеся Советского Союза! Настойчиво боритесь за дальнейший подъем социалистической экономики — основы могущества Родины и неуклонного роста благосостояния народа!

Шире развертывайте социалистическое соревнование за успешное выполнение заданий девятой пятилетки!

Из Призывов ЦК КПСС к 55-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Всего два месяца осталось до конца года. Повсюду в нашей стране нарастает в эти дни размах соревнования за достойную встречу 55-й годовщины Великого Октября и 50-летия образования СССР, за успешное выполнение заданий второго года пятилетки. Плоды трудовых усилий миллионов нашли всестороннее отражение в опубликованном недавно сообщении ЦСУ СССР об итогах работы промышленности за минувшие три квартала.

Индустрия страны выполнила план девяти месяцев по объему реализации и производству большинства важнейших видов продукции. Примечательно, что девятимесячный план выполнили все союзные республики... Прирост производства по сравнению с тем же периодом прошлого года составил 6,7 процента, что свидетельствует о высоких и устойчивых темпах развития ведущей отрасли нашей социалистической экономики.

За минувшие девять месяцев освоен и начат выпуск свыше двух с половиной тысяч новых видов изделий, поднялась производительность труда, улучшились технико-экономические показатели работы предприятий.

Сейчас перед промышленными предприятиями стоят сложные и ответственные задачи. Чтобы успешно завершить год, надо в четвертом квартале выпустить всех важнейших изделий больше, чем в среднем за каждый из трех минувших. Успех дела зависит от умелой мобилизации новых резервов, неуклонного роста эффективности производства.

Сейчас особенно дороги не только дни, но и минуты, не только тонны, но и граммы сырья, материалов, топлива. Следует усилить борьбу за повышение производительности труда, строго соблюдать режим экономии, по-хозяйски ценить рабочее время. Пусть каждый агрегат, каждый станок даст стране больше добротной продукции!

СИБИРСКИЙ КАРАВАЙ

Комбайнеры Иван и Василий Медведевы и Федор Лапшин — представители многотысячной армии хлеборобов, отличившихся на алтайской жатве.

Фото Е. ЛОГВИНОВА (ТАСС).

Хлеб Алтая — еще один подарок земледельцев к 50-летию образования СССР. В закрома Родины засыпаны новые 5 миллионов тонн зерна. Это в полтора раза больше, чем планировали алтайцы в начале года. В очень сложных условиях года труженики алтайских сел проявили умение, упорство, высокую производственную культуру. Победу в дни сибирской жатвы обеспечили прежде всего механизаторы и шоферы. Без машин, без людей, владеющих машинами, такого хлеба не взять. Всей стране стали известны имена Леонида Волкова, Петра Кошкина, Анны Ильичевой, Власа Морозова, намолотивших за сезон пшеницы больше других комбайнеров. В степи работали плечом к плечу отцы и сыновья, братья и сестры, мужья и жены! Таких семейных экипажей на комбайнах было уже около пятисот.

Н. БЫКОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 44 (2365)

Основан 1 апреля 1923 года

28 ОКТЯБРЯ 1972

Герой Социалистического Труда Алексей Исаевич Майстренко, вот уже семнадцать лет он возглавляет рисосовхоз «Красноармейский».

РИС

Н. БЫКОВ

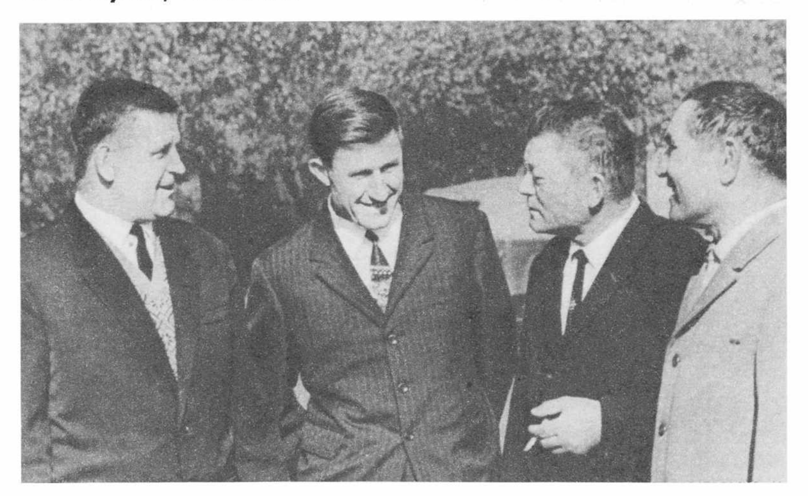
Фото А. ГОСТЕВА.

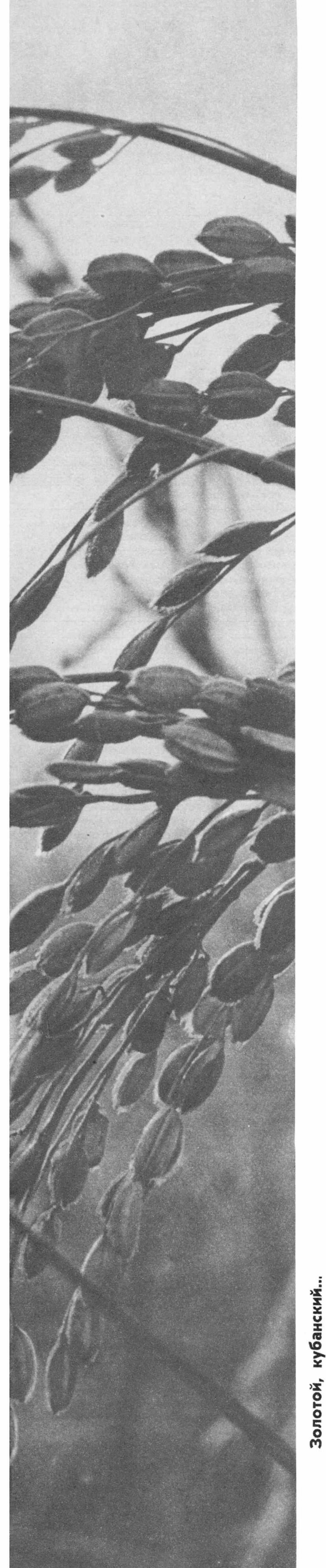
Октябрь на юге Кубани — это еще не поздняя осень. Но грачи прилетели. Чаще всего они здесь и зимуют, и только в редкие, понездешнему белые зимы эти сытые крикливые птицы откочевывают еще дальше на юг. Какой зима будет нынче, никто не берется предсказать, даже словоохотливые старожилы. За три дня жизни в рисосовхозе «Красноармейский», Краснодарского края, в полной мере ощутил я и прелесть погожего осеннего дня, и тяжесть навалившегося темного ливня с градом, и майское озорство оглушающей грозы.

И только поэтому удалось застать уборку риса. Один дождливый час останавливал комбайны на день и еще на полдня. Рис занимает четкие квадраты, обвалкованные высокими межами,— чеки. Так вот в иной день в чек не ступишь ногой. И стоят, стоят комбайны на гусеничном ходу, и трудно, трудно разговаривать с комбайнером, которому никак не удается добить оставшиеся гектары. Самые нелегкие, выматывающие душу — эти последние гектары.

У рисосовхоза «Красноармейский» риса так много и намоло-

Лучшие механизаторы В. М. Белоконь, М. А. Белый, А. С. Булах, И. Г. Няк.

Золотой, кубанский...

ты его так высоки, что ни дождь, ни три дождя (даже с градом) не могут выбить хозяйство из экономического седла. И все же душа болит у всех... Реальность такова: урожай нынче — это уже ясно — составит в среднем не менее шестидесяти центнеров с каждого гектара (их под рисом более пяти тысяч шестисот!), а вот потери в середине октября достигли чуть ли не десяти центнеров... Шестьдесят центнеров на такой площади — уровень, пока недостижимый ни для тех, кто выращивает пшеницу, ни для тех, кто занимается кукурузой. Это одна сторона медали. А вот и другая: рис даже в благополучном «Красноармейском», не говоря уже о крае, еще не сказал своего последнего слова. Нет, не сказал. Биологический потенциал риса практически безграничен в условиях сегодняшних агротехнических возможностей. Рис может давать и сто и сто двадцать центнеров. Рис, равный по урожайности пшенице,— это не тот еще рис, если за похвальбой видеть сущность, то есть подлинные силы риса.

«Кубань» и «пшеница»— синонимы. Так было, так есть. Год на год не приходится, но в Краснодарском крае уже не один колхоз намолачивал по пятьдесят центнеров лукьяненковских пшениц с гектара. Таков урожай Усть-Лабинского района в целом! Это отличный фон, на котором видны все плюсы и минусы работы рисоводов. У них-то в руках оружие более мощное. Кубанские рисоводы еще только учатся им владеть. И тем не менее две трети риса, собираемого в нашей стране,— уже теперь кубанские! Львиная доля обязывает ко многому. Вот почему можно утверждать, что мы накануне того времени, когда «Кубань» и «рис» станут синонимами. Такое вовсе не исключено. Нет, рис не потеснит пшеницу, чего многие, кажется, опасаются. Но валовой сбор заставит даже скептиков уважать и рис и рисоводов. Сейчас на Кубани под рисом более ста тысяч гектаров. К концу нынешней пятилетки он займет площадь вдвое большую. Для обеспечения небывало огромного числа рисовых чеков водой сооружается так называемое Кубанское море.

Выгодно ли было такое затевать: отдать под рис более двухсот тысяч гектаров кубанской земли? Тут мнения самые разные. Опыт и бесспорные успехи таких хозяйств, как рисосовхоз «Красноармейский», показывают, что рис выгоден лишь при серьезном к нему отношении. Он требует не только преданности и душевности, но и как бы инженерного мышления от растениеводов, так как тут огромную роль играют собственно технология и вообще техника создания урожая. Рис — культура как бы более рукотворная, чем все иные.

Для чего я все это, узнанное в совхозе «Красноармейском», пишу? А вот для чего. Повторяю, рис выгоден при одном условии — если его урожай выше пшеничного потолка. Пусть поливная пшеница может дать до семидесяти — восьмидесяти центнеров (возьмем возможный предел!), но рисовод просто обязан собрать не меньше, ибо капитальные и прочие затраты на рис слишком велики. Рисовода преследуют не только опасности природные, но еще и чисто технические, экономические — можно и не вернуть вложенных денег!..

Рис и риск... Поединок очень интересный. А дыхание риска (агрономического и экономического) затылком ощущают рисоводы края. Судите сами: средний урожай пшеницы, какого достиг край,— тридцать шесть. А риса — сорок шесть. Разрыв в пользу второго достаточно убедительный. И все же он не настолько пока велик, чтобы бить в литавры. Да никто, правду сказать, и не бьет,— вся работа с рисом впереди.

В гостинице рисосовхоза «Красноармейский» нелегко получить койку. Гостиница забита приезжими: посланцы крымских хозяйств, работники чуть ли не пяти научно-исследовательских учреждений, корреспонденты, рисоводы дальних республик. И все приехали с одной целью: узнать «секреты» знаменитого совхоза — кавычки обязательны!

На току седьмого отделения я обратил внимание на женщину, следящую за погрузкой семенного риса. (Будто драга на золотоносной жиле, работал новехонький зернопогрузчик Василия Симакина.) Как я и предполагал, это была агроном, но не здешний, а из дальнего совхоза — из «Чебургольского». Что же привело ее в «Красноармейский»? Алла Васильевна Васильченко приехала за семенами. Берет первую репродукцию, то есть рис без сортовой примеси, чистый. Нынче у них в «Чебургольском» собрали чуть больше тридцати центнеров (при плане двадцать восемь). Тридцать — это же вдвое меньше, чем в «Красноармейском». Да, но план-то перевыполнен, значит, заработки у соседей не пострадают оттого, что они намолотили вдвое меньше. Вдвое! Но, может быть, в «Красноармейском» заработки будут вдвое больше? Нет, не будут. Потому что план здесь пятьдесят центнеров. Как же так? А вот так...

Агроном из «Чебургольского» ясно знает программу, осуществленную в лучшем рисоводческом хозяйстве и не осуществленную пока дома: лучшее инженерное решение мелиоративных сооружений, удобрения полной мерой, правильный севооборот. И вода — проблема воды! Оказалось, чеки «Красноармейского» расположены в верховьях рисовой реки. Вся вода сначала ему. Приходит вода в «Чебургольский» поздненько, с повышенным содержанием соли. Причина серьезная для оправдания тех, у кого урожай пока не столь высок. Главная же причина отставания — неотработанная технология, незаинтересованность рисоводов, низкая культура.

«Красноармейскому» огромные прибыли дает именно рис — его высокая урожайность. Но не только. Себестоимость центнера риса даже в этом году не превысит... десяти рублей. А государство за тот же центнер платит и тридцать, и тридцать два, и больше рублей. Почему? Прибавки за сортовую чистоту, за высокую классность позволяют взять хорошую цену — почти двести процентов рентабельности! Вот отчего я назвал урожай риса в отличие от пшеничного рукотворным. Ибо он зависит не только от неба и даже не только от воды. В этом же году, несмотря ни на что, прибыль ожидается колоссальная — не менее восьми миллионов рублей! И тут уж слово директору рисосовхоза Герою Социалистического Труда Алексею Исаевичу Майстренко:

— Вот и вы все про секреты... Еду я как-то домой, с охоты возвращаюсь, а разговор в машине все о том же, о рисе. Заметил трактор — в «Чебургольском», кажется, зябь поднимали. Стой!— говорю, посмотрим, как соседи пашут! Ну, и что же мы увидели? Нагоняет! Нагоняет гектары, блинчики снимает, а не пашню пашет... Вот вам и секрет. У нас пашут на полный штык. Это закон. Удобрения полной научной мерой — это второй закон. А третий? У большинства соседей царит сдельщина, у нас уже давно узаконена оплата от урожая. Каждый дождь во время уборки — драма для наших комбайнеров, и тот же дождь — досада для соседей, не больше. У нас даже план вдвое превышает урожай во многих хозяйствах. Бывает даже обидно...

Алексей Исаевич прав в том, что людям искушенным давно известно: с полным напряжением душевных, физических сил в сельском хозяйстве подчас работать вовсе и не обязательно, в более выгодной ситуации — в смысле снабжения и предъявляемых требований — сплошь и рядом оказывается как раз те, кто не проявляет большого беспокойства...

— У нас только что полностью закончена инженерная реконструкция рисовых чеков,— продолжал Алексей Исаевич,— так что мы сами себя лишили последней возможности ссылаться на несовершенство полей и технологии. Гербициды заставили проводить тщательную планировку площадей в чеках... Да, ссылаться больше не на что, разве только на стихию...

И директор перечислил решающие факторы высокой урожайности: нет ни одного руководящего лица со средним образованием — все с высшим; достаточно техники, хотя нагрузка на комбайны все еще велика; легковые машины, например, есть у каждого специалиста.

«Даже быка здесь только на машине возят»,— усмехнулся я про себя.

— Ну, и теснейшая связь с наукой, в частности с Всесоюзным институтом риса.

А главное, подумал еще я, забота о рисоводах; она проявляется здесь ярко и разнообразно (в год одному только мединституту выплачивается тридцать тысяч рублей за обязательные медицинские обследования работников совхоза).

— Мы ждем от селекционеров более мощных сортов, с урожайностью до ста пятидесяти — ста семидесяти центнеров!

Пожалуй, рисосовхоз «Красноармейский» готов взять на себя ответственность выращивать рис вот таких возможностей! Именно ответственность. Потому что не все понимают, что рисоводство в общем-то недостойно людей с низкой производственной культурой.

Кубань уверенно идет к ежегодному миллиону тонн риса. И впереди знаменосец рисоводов — ордена Трудового Красного Знамени совхоз «Красноармейский».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПРАВОЕ ДЕЛО ПОБЕДИТ!

Владимир НИКОЛАЕВ

На Ближнем Востоке снова прозвучали выстрелы и пролилась кровь. Израильские агрессоры возобновили свои налеты на территорию Ливана и Сирии. Весь мир содрогнулся, узнав об уничтожении мирных селений, о гибели ни в чем не повинных женщин, детей, стариков.

Новые преступления израильской военщины были столь вопиющими, а волна вызванного ими возмущения оказалась столь мощной, что даже западные наблюдатели вынуждены сегодня писать о случившемся несколько в ином тоне, чем они обычно это делали. Вот, например, как пишет американский журнал «Тайм» о поездке своего корреспондента Скотта по местам, где прошли с огнем и мечом воинские соединения Израиля: «Деревни по пути израильского рейда были безлюдными и горели... Танковая колонна раздавила на шоссе полдюжины автомобилей. В одном из них была семья из семи человек».

На текущей сессии Генеральной Ассамблеи ООН при рассмотрении положения на Ближнем Востоке большинство выступавших в общей дискуссии высказывалось против террора во всех его формах, а в Израиле террор начал теперь проводиться как государственная политика. Премьер-министр Израиля Голда Меир так прямо и говорит, что нападения на соседние арабские страны представляют собой «новую политику». Раскрывая суть этой «новизны», министр иностранных дел Израиля Эбан заявляет, что теперь вопросы мира отошли «на второй план». А израильский министр обороны Даян устраивает прием в честь вернувшихся из бандитского рейда убийц мирных жителей. Не тех ли самых, кто раздавил танком автомашину с семьей из семи человек?

Эта «новая политика» проводится под треск и вой пропагандистской кампании, цель которой выдать черное за белое, поставить факты с ног на голову. Израильские фальсификаторы вопят о «массированном возмездии» (имея в виду недавние трагические события в Мюнхене) и о том, что налетам подвергаются только лагеря палестинского движения сопротивления. Но вот еще одно свидетельство: американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» сообщает о том, что израильская авиация обрушилась на одну из деревень через сорок восемь часов после того, как оттуда ушли отряды палестинцев.

Газеты и журналы всего мира обошли фотографии разрушенных израильскими бомбами селений и погибших мирных жителей. Смотришь на эти обличительные документы и узнаешь знакомый почерк агрессоров. Мне довелось побывать в египетском городе Суэце, когда израильские вооруженные силы еще продолжали бомбить и обстреливать его. Уже в то время там не было ни одного уцелевшего здания, но тем не менее авиационные налеты и артиллерийские обстрелы продолжались. Агрессор пытался сломить волю египтян к борьбе. Не вышло! Сегодня агрессор предпринимает новые отчаянные попытки терроризировать, запугать борющихся патриотов. Не выйдет!

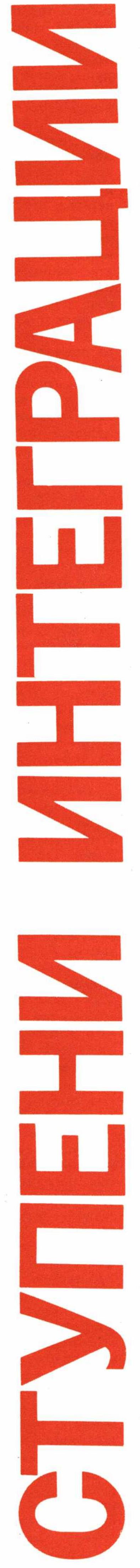
В совместном советско-египетском коммюнике, подписанном на днях в Москве, говорится о том, что Израиль усилил свою политику военного террора на Ближнем Востоке, осуществив целый ряд военных нападений на арабские страны. «Советский Союз,— подчеркивается в коммюнике,— будет и впредь делать все возможное, чтобы добиться полного вывода войск Израиля со всех оккупированных арабских территорий, а также для ограждения законных прав арабского народа Палестины».

Советский народ всегда был и будет на стороне арабских народов, борющихся за свои законные права. В этой дружбе большое значение имеет советско-египетское сотрудничество, оно является важным фактором в борьбе против империализма и сионизма. Об этом убедительно свидетельствуют результаты завершившихся в Москве советско-египетских переговоров.

Незадолго до своей смерти Гамаль Абдель Насер дал интервью корреспондентам «Огонька», в котором, в частности, сказал: «Во время израильской агрессии 1967 года Советский Союз полностью поддержал нас. И сегодня Советский Союз с нами в нашей борьбе. Это один из самых главных факторов, говорящих о том, что мы ликвидируем последствия агрессии».

Итоги московских переговоров еще раз подтвердили эту мысль и разоблачили инсинуации относительно советско-египетских отношений, распространяемые в последнее время на Западе. «Советский Союз и Египет занимают общую позицию в борьбе против империализма и колониализма»,— пишет египетская газета «Аль-Ахрам». «Коммюнике отражает силу советско-египетской дружбы, которая не является преходящей или временной. Это прочная дружба, основанная на совместных принципах и целях»,— говорится в газете «Аль-Ахбар».

Правое дело народов Египта и других арабских стран победит! Новые происки израильской военщины — это отчаяние зарвавшегося агрессора. Они обречены на провал.

Юрий ПОПОВ

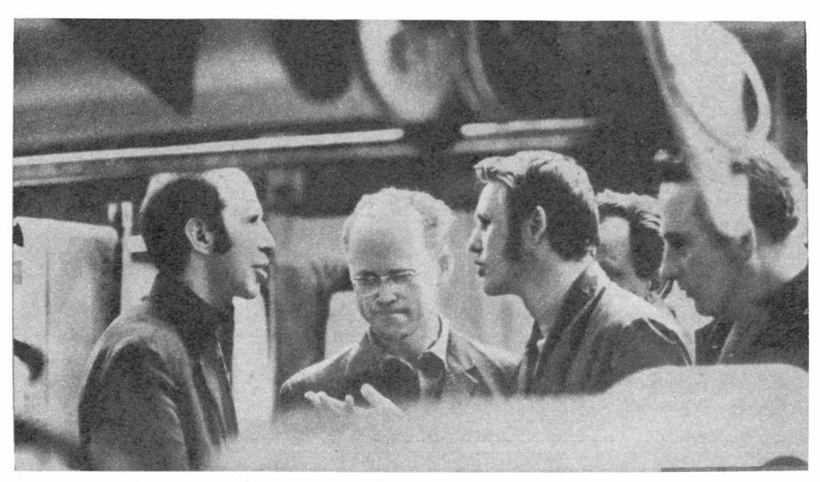
У каждой эпохи — свои проблемы. По их характеру распознается сама сущность того или иного периода человеческой истории. Современная эпоха решает самую сложную задачу человечества — проблему перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Этим и определяется ее облик: для наших дней характерен набирающий силу стремительный поток революционных перемен — и в науке, и в материальном производстве, и в социальных отношениях, и в мировоззрении людей. Таких масштабов и темпов общественных сдвигов история еще не знала.

Социалистические государства доказывают на практике, что именно новый общественный строй — наиболее эффективный путь к национальному и социальному прогрессу народов. Под воздействием их примера в глазах населения капиталистических стран все большую привлекательность приобретает истина: социализм является единственной альтернативой политике империализма. Этот постепенный, но неотвратимый поворот в сознании людей толкает капитализм ко все большему извращению существа и социального смысла процессов, происходящих в социалистическом содружестве. С буржуазными идеологами происходит эволюция, которую предвидел В. И. Ленин. «Когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет,— писал он,— буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете».

Нынешний рецидив этой хронической болезни защитников старого строя проявляется в том, что за главную пружину побуждений и действий страны социализма они выдают «вирус национализма». «Национализм,— вещает профессор Индианского университета Р. Бирнс,— является решающей силой в Восточной Европе». Его коллега из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе А. Корбонский еще более конкретен. «Скорее конкуренция, чем кооперация, по-видимому, становится преобладающей формой отношений между странами — членами СЭВ»,— уверяет он.

Цель этих вымыслов видна как на ладони — умалить великие достижения социализма, создать впечатление, что в социалистическом сообществе нет единодушия, что верх в нем берут центробежные силы.

Однако историческая сцена не театральные подмостки, на которых желание легко выдать за реальность. В самом деле, факты говорят, что развитие разносторонних отношений между странами социализма идет в направлении непрерывного совершенствования. Важная особенность и преимущество нынешнего периода их хозяйственного сотрудничества состоят в том, что оно наполняется качественно новым содержанием: как известно, братские государства приступили к осуществлению программы социалистической экономической интеграции. Она предполагает координацию усилий социалистических государств на всех

Братская помощь и сотрудничество — закон взаимоотношений трудящихся ГДР и Советского Союза. Фотография сделана на шинном заводе в Нейбранденбурге. Леонид Клуфт (слева) и Лев Сырайщиков (второй слева) помогли предприятию быстро установить прибывшее из СССР новое оборудование и досрочно приступить к выпуску продукции.

Фото АДН — ТАСС.

этапах материального производства — от создания продукции до обмена и потребления.

Сообща, объединенными силами — вот в чем главный смысл новой программы. В начале этого года, например, семь социалистических стран договорились о сотрудничестве в производстве некоторых видов металлорежущих станков. По подсчетам экономистов, это сокращает сроки производства на 3—5 лет по сравнению с тем, если бы такие работы велись порознь.

Прошло чуть больше года после принятия программы интеграции. Срок явно небольшой, особенно если его измерять глубиной и интенсивностью тех благотворных процессов, которые зародились в это время в лоне экономических отношений братских государств. Уже начат путь объединения материальных и финансовых ресурсов для создания совместных промышленных объектов, уже разрабатываются планы их строительства в металлургической, химической, целлюлозно-бумажной промышленности. Объединяются силы для расширения специализированных и кооперированных производств, международных транспортных линий. Впервые заключены многосторонние соглашения по производству грузовых автомобилей, морских и речных судов, по увеличению выпуска продукции тракторного и сельскохозяйственного машиностроения и других товаров.

Что касается интеграции в области науки и техники, то подписаны и реализуются соглашения о сотрудничестве по 18 научно-техническим проблемам. Образовано семь научно-координационных советов, два международных коллектива ученых, одно научно-производственное объединение. Среди новых организационных форм сотрудничества особенно быстрое развитие получили координационные центры, которых уже насчитывается два десятка. В их работе участвует более 500 научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций стран, входящих в СЭВ!

Можно сказать кратко: на почве социализма семена интеграции дали обильные всходы. Страны социализма на практике убедились в жизненной необходимости тесного взаимодействия своих экономик. Свой хозяйственный прогресс братские государства во все большей степени связывают с расширением и углублением взаимовыгодного, равноправного сотрудничества друг с другом на основе совместно выработанной Комплексной программы. Вот еще приметы несомненных преимуществ социалистической интеграции: расширяется участие СФРЮ в работе органов СЭВ, а три месяца назад в его состав вошла Республика Куба, и министр Революционного правительства Карлос Р. Родригес заявил, что этот шаг республики «окажет решающее влияние на дальнейший подъем ее экономики, расширение экономических, научно-технических и культурных связей с социалистическими странами...»

Но важны не только материальные результаты новой ступени экономического сотрудничества братских стран. Ценно также и то, что их совместная работа над решением ведущих проблем социалистического хозяйствования способствует упрочению их сплоченности и единства, укреплению духа глубокого взаимопонимания, коллективизма, подлинно товарищеской взаимопомощи.

Изображая в кривом зеркале социалистическую действительность, творцы западной пропаганды, по сути дела, хотят скрыть от населения своих стран одно из величайших достижений исторической практики — рождение нового типа отношений, которые сложились между странами социализма. Его непоколебимая основа — гармоничное сочетание интересов отдельных государств с общими, интернациональными интересами всей социалистической системы, последовательное применение принципа социалистического интернационализма. Во внешнеполитической области это предполагает согласование позиций государств социализма по тем или иным проблемам для выработки единой линии действий.

«Наш принципиальный курс,— говорит тов. Л. И. Брежнев,— активная защита мира, свободы и безопасности народов. Его мы проводим вместе с нашими друзьями и союзниками, координируя наши шаги на международной арене. Мы имеем общую согласованную линию стран социалистического содружества практически по всем основным вопросам мировой политики».

По существу, все важные проблемы, представляющие общий интерес, обсуждаются странами социализма коллективно, а намеченный внешнеполитический курс проводится в жизнь сообща. Примером может служить целеустремленное решение ими таких задач исторического масштаба, как закрепление итогов второй мировой войны, территориальных и социально-политических изменений на европейском континенте, происшедших в послевоенный период, и создание необходимых условий, позволяющих практически рассматривать вопросы безопасности и сотрудничества в Европе. «Заключение договоров с ФРГ и их ратификация, несмотря на сопротивление сторонников «холодной войны»,— подчеркивает Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек,— а также подписание и вступление в силу соглашения по вопросу о Западном Берлине и соглашений, заключенных ГДР с ФРГ и сенатом Западного Берлина, являются большим успехом совместной внешнеполитической линии государств Варшавского Договора, и в первую очередь последовательной и дальновидной политики СССР».

Из социалистического мира исходят все более мощные потоки энергии, все более захватывающие инициативы, направленные на обеспечение безопасности народов. Особую силу и динамизм придает им крепнущее политическое единство братских стран. В последние годы углубилась система взаимных консультаций и контактов между ними по всем крупным вопросам, которые выдвигаются мировым развитием. Стала эффективней деятельность главного центра координации их внешней политики — организации Варшавского Договора. Все чаще происходят многосторонние встречи партийных и государственных руководителей стран социализма, на которых вырабатывается общий подход к внешнеполитическим проблемам. Только в нынешнем году состоялись заседание Политического консультативного комитета в Праге и дружеская встреча руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран в Крыму, получившие огромный международный резонанс.

Дружеские визиты в нашу страну партийных руководителей Я. Кадара, Э. Хонеккера, И. Тито, Ф. Кастро, встречи Л. И. Брежнева с тт. Н. Чаушеску, Ю. Цеденбалом и другими руководящими деятелями братских партий и стран; посещение Советского Союза президентом Республики Куба О. Дортикосом Торрадо и правительственной делегацией КНДР, подписание нового договора о дружбе между Венгрией и Румынией, чехословацко-болгарские переговоры, поездка Г. Гусака в ГДР — таков лишь краткий перечень крепнущих контактов братских стран последнего времени. Все они убедительно доказывают усиление единства, упрочение братского союза между нашими партиями, государствами, народами.

Эти факты дают возможность увидеть новое явление в жизни стран социалистического общества: они вступили в полосу углубления разносторонних связей, укрепления интернациональной взаимопомощи, развертывания социалистической интеграции.

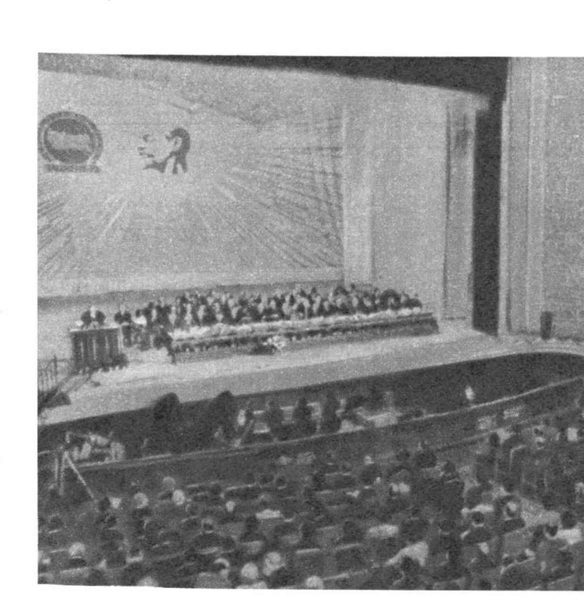
КОНФЕРЕНЦИЯ В ТАШКЕНТЕ

С 16 по 19 октября в Ташкенте проходила Международная научная конференция, посвященная 50-летию образования СССР. Около четырехсот ученых, общественных и политических деятелей Советского Союза, ряда других социалистических государств, а также многих стран Азии, Африки и Латинской Америки изучили и обобщили на конференции плодотворную деятельность Советского государства по подъему экономики и культуры ранее отсталых наций и народностей, по формированию новых межнациональных отношений, основанных на дружбе, братстве и сотрудничестве. Этот представительный форум был созван Академией наук СССР, Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки, Академией наук Узбекской ССР.

Как подчеркивали участники конференции в своих выступлениях, ленинская национальная политика КПСС оказывает огромное воздействие на мировое развитие, они говорили о том, что пример Советского многонационального социалистического государства придает силу всем борцам за социальное и национальное освобождение. Опыт социалистических преобразований в СССР, особенно в республиках Советского Востока, имеет большое практическое значение для освободившихся от колониальной зависимости стран Азии и Африки, стремящихся к экономическому и социальному прогрессу.

В адрес конференции поступило теплое, вдохновляющее приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, которое было воспринято всеми с огромным воодушевлением.

С большим подъемом участники Международной научной конференции в Ташкенте приняли приветственное письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, в котором они, в частности, высоко оценили последовательный антиимпериалистический и интернационалистский курс, который проводит СССР на международной арене в интересах мира, безопасности и дружбы между народами.

В зале заседаний.

Телефото ТАСС.

ДОРОГА О ДВУХ КОНЦАХ

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Дорогу ведут с двух концов. Один недалеко от моря и немногим выше уровня моря. Другой упирается в центральную часть Большого Кавказского хребта. Длина дороги всего 136 километров — путь не столь долог, сколь крут. С одной стороны пробивается вверх со своей техникой и людьми Феликс Изория. С другой — пробивается вниз со своими ребятами Джобэ Курдиани.

Сначала о нижнем конце. Здесь — плотина. Высотная арочная плотина Ингурской ГЭС и рабочий поселок Джвари. У плотины, в маленьком дощатом доме — резиденция Феликса. Вокруг все грохочет и лязгает: едут самосвалы, шипят мощные гидравлические насосы, скрипят кабель-краны, укладывая в тело плотины бетон. Река Ингури давно уже загнана в отводной канал. Дно реки, скалистое, многомиллионнолетнее дно, все ободрано, раздвинуто и углублено. Мы стоим на сорок метров ниже бывшего русла Ингури, а над ним еще сорок метров скальных склонов. Снизу виден маленький белый волдырь, выскочивший на скалах. Кружим по дорогам, поднимаемся к «волдырю», а это, оказывается, большущий бетонный завод, каким-то чудом уместившийся на горной площадке.

Дороги здесь начали строить раньше, чем плотину. И та, которая идет круто вверх к бетонному заводу, стала началом новой дороги в Сванетию. Старую, ту, что вьется где-то глубоко в ущелье, у самых берегов Ингури, придется затопить. Когда арочная плотина ГЭС поднимется во весь свой исполинский рост — 275 метров! — и река наполнит ущелье до самого села Хаиши, новая магистраль окажется у берегов длинного горного озера с его неизменной прохладой, голубыми тенями и белыми пятнами — отражением блуждающих облаков.

Теперь о другом конце, о верхнем. Здесь Местиа, столица Сванетии. Некогда недоступный для пришельца край. Ущелья и непроходимые перевалы... Узенькие тропы... И сторожевые башни — высокие красавицы башни, загадка древней архитектуры...

Хлеб сванов всегда был нелегок. Солнца и плодов мало, снега и опасностей много. Особые условия жизни сделали сванов мужественными, выносливыми, храбрыми.

Сванетия дала нашей стране великолепных спортсменов, альпинистов. Здесь вырос прославленный подводник, Герой Советского Союза Ярослав Иосселиани. Из Сванетии выходят ученые, художники.

Где она, эта страна? Вот Эльбрус с Казбеком. Между ними лежит самая высокая часть Большого Кавказа. Между главным водораздельным хребтом и параллельным ему, Сванетским, бежит в глубоком желобе Ингури, а на склонах расположились наиболее многолюдные села Сванетии. Расположились так, чтобы поймать побольше солнца, чтоб иметь хоть немного пахотных земель и чтоб пошире видеть вокруг. А видеть можно отсюда Шхару, Казбек, Джангу, Тетнульд, по крайней мере десять вершин выше знаменитого Монблана в Западных Альпах. Ничуть не умаляя достоинств Монблана, просто хочется отметить, насколько грандиознее картина, если на одном пятачке умещаются десять Монбланов...

Над Сванетией сейчас довольно шумное небо: по двенадцать — четырнадцать челночных авиарейсов в погожий день. В Местии есть все, что приличествует районному центру: школы, техникумы, больница, магазины, музей, асфальт, базар, такси. Здесь можно жить почти как внизу. Я говорю «почти», потому что для полного соответствия не хватает хорошей дороги и высоковольтной линии передач. И то и другое идет сюда.

С дорогой было так. В начале 20-х годов красноармейцы-саперы слегка расширили старую вьючную тропу. Это уже было большим подарком сванам от Советской власти. В конце двадцатых начали строить колесную дорогу в Местию. Строила вся республика, а больше всего сами сваны. В пространном очерке «По Сванетии», вышедшем в Тбилиси в 1931 году, читаю такие строки:

«Интересно отношение сванов к сооружению дороги. Они в полном смысле этого слова захвачены начавшимся строительством, целыми селениями выполняют дорожную повинность и любое задание заканчивают значительно ранее назначаемого срока... Сванетское шоссе — первая реальная отдача нашей культуры, навсегда рушащая преграды к экономическому и социальному подъему сванов, приобщающая их к единой социалистической семье трудящихся Советского Союза».

Грузинский журналист, сопровождавший кинооператора, который снимал в 1929 году фильм «Горцы Кавказа», побывал в штабе стройки и на участках дороги. И вот вздрогнули скалы, писал он, нехотя зашевелились, накренились, взлетели ввысь тяжелой тучей и покатились уродливыми глыбами и щебеневой массой в глубокое русло Ингури. Кинооператор улыбался, радуясь удачному кадру...

И ныне, через сорок лет, картина взрывов почти такая же, только значительно мощней. Но, к сожалению, не могу сказать: «Мой спутник, фотокорреспондент Тункель, улыбался!..» Во-первых, он не улыбается, пока не проявит пленку. Во-вторых, Феликс Изория, с которым мы стояли на двадцать восьмом километре, сказал: «Разве это взрывы? Вот будет взрыв 150 тонн аммонита!» «Когда?» «Недельки через две...» Но разве мы можем ждать? Мы же торопимся, как все вокруг. Как все!..

Торопились вверх машины с продуктами и промтоварами для сванских сел. Торопились в верховья реки порожние лесовозы, чтобы забрать древесину для Ингурского бумажного комбината. Прямо в пути спешно монтировали свою дизель-электростанцию участники геологической партии, разведчики, которые исследуют склоны Ингури на предмет строительства второй плотины ингурского каскада. Спешила накормить лесорубов, дорожников, шоферов хозяйка рабочей столовой Пация Мгеладзе. С осторожностью поспешали вдоль опасных откосов грузовики с красными флажками: они везли взрывчатку.

Все это скапливалось в районе двадцать восьмого километра, где ухали взрывы, и, упираясь в скалу (Все! Пути больше нет!), работал экскаватор, сваливая глыбы вниз, на старое шоссе. С утра движение было закрыто, и потому на старой дороге, по обе стороны гигантской осыпи,— вереницы заждавшихся машин. Но вот прозвучал последний свисток, и на заваленную камнями старую дорогу с двух сторон набросились бульдозеры, кое-как расчищая или приминая ее. Наконец, Феликс дал команду пропустить машины сверху. В пыльной мгле медленно проплыли мимо нас лесовозы с громадными бревнами, рейсовые автобусы из Местии, машины с туристами — они добирались сюда пешком с Северного Кавказа.

И еще одна выдержка из старого очерка о Сванетии:

«Громадное впечатление произвели на сванов впервые доставленные сюда колеса и первая арба, сколоченная в этом крае. Сваны сами впряглись в арбу и, груженную, по нескольку раз протаскивали ее по шоссе. Сванки же, в большинстве своем никогда не выезжавшие за пределы Сванетии, словно дети, следили за кружением колес, брали их на ощупь и вскакивали на арбу, чтоб испытать незнакомое ощущение...»

Что же было здесь до колесной дороги, какой транспорт? Был, да и сейчас есть, род салазок — по-свански «сав»: два даже не зачищенных бревна с плетеными бортами — кузовом. Быки тащат бревна по снегу, по камням, по траве. И хотя по сванетским проселочным дорогам бегает все больше всяких автомашин, сав еще служит людям на крутых склонах, где растет картофель, где убирают сено...

Инженер Джобэ Курдиани — сван, тихий, деликатный человек — строил дороги в Дарьяльском ущелье, в Хевсуретии. Теперь строит в своих родных горах. Министерство автомобильных дорог Грузии поручило ему и пятидесятикилометровый участок от Местии вниз до Дизи, где расположены карьеры знаменитого мрамора. В январе 1970 года вместе со своими бульдозеристами, бурильщиками, скалолазами, бетонщиками, взрывниками он вышел из Местии. Джобэ не надо прокладывать новую трассу, надо расширить вдвое и втрое старый путь. Задача как будто простая. Но сколько тут всяких трудностей! А морозы и снега? Ведь когда у моря еще загорают, здесь в разгаре зима!

Об инженере Джобэ и его богатырях ходят по Сванетии легенды. Рассказывают, как они расчищают путь от ненароком свалившейся скалы, как бесстрашно лезут вверх к невзорвавшемуся аммониту, как стоически чинят свою порядком истрепавшуюся технику. Дорога для свана — это жизнь. И если что не ладится у Джобэ, идут к нему на помощь целыми селениями. Вот так, «на энтузиазме», реконструировано уже восемь мостов, расширено 18 километров до села Бечо под Ушбой. Едешь сейчас по этому участку, и не верится: неужели это то самое страшное сванетское шоссе, где двум машинам невозможно было разминуться?!

Пройдет еще года два. Высоковольтная линия, которую тянет за собой экскаватор Феликса, поднимется до Местии. Дорогу начнут пропитывать битумом, и будет она что надо. И уже зашевелились разные ведомственные организации: «Ах, дорога? Это — дело. Тогда будем внедряться!» Составлены планы превращения Местии в курорт: здесь же чудесные минеральные источники! «Интурист» облюбовал для гостиниц место около аэродрома. Редкостный заповедник природы и столь же редкостный заповедник архитектуры станут доступны многим. Жизнь местийцев тоже станет куда лучше.

Одна только тревога: дорогие архитекторы, да не поднимется у вас рука в спешке, в лихорадочной гонке испортить каким-нибудь штампом этот подарок земли!..

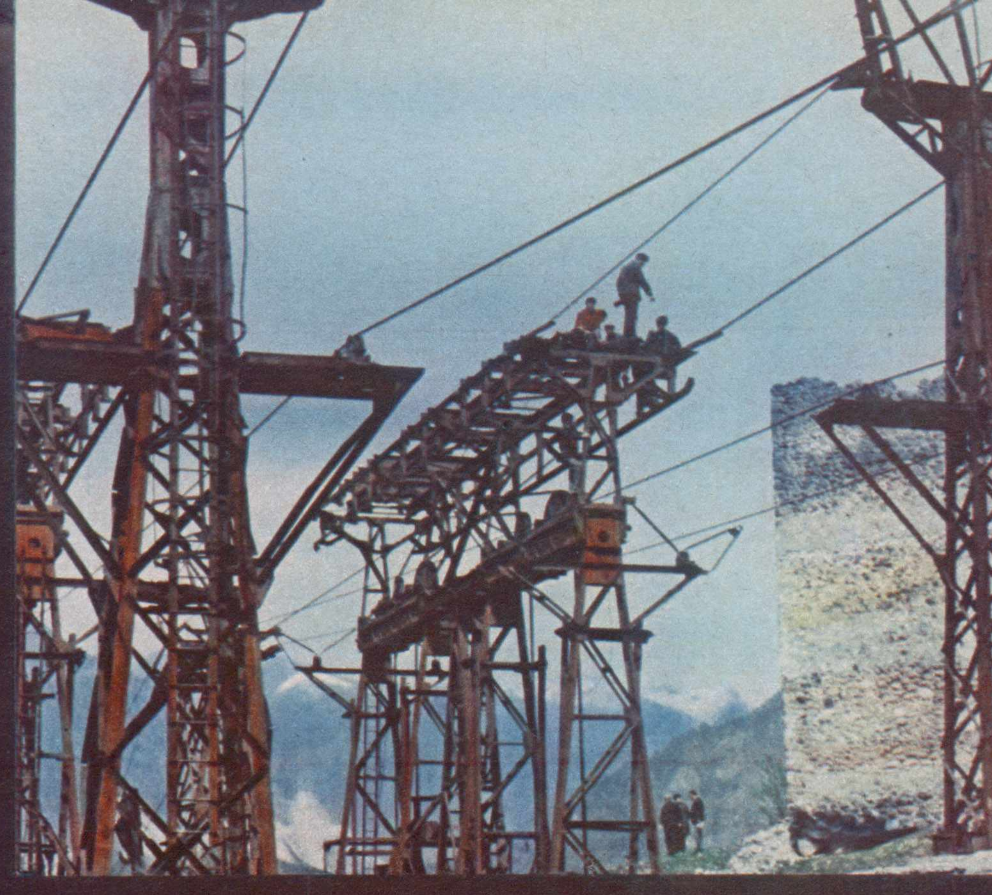
Отари Курдиани и Ивери Челидзе — скалолазы из Сванетии. Они строят дорогу сверху.

Расступись, ущелье!

Монтируются линии канатных дорог.

Геологи продолжают изыскания.

Дорога уже трудится...

Начало см. на 2-й стр. обложки.

ОГОНЁК НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

В. ЛОМАКИН,
первый секретарь Приморского крайкома КПСС

Фото В. КУЗНЕЦОВА.

ВОПРОС. Когда едешь из аэропорта во Владивосток, то на пути встает перед тобой Ростральная колонна с начертанными на ней ленинскими словами: «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский». Не смогли бы вы напомнить читателям «Огонька» о событиях, по поводу которых были сказаны эти слова? Ведь эта крылатая ленинская фраза иным молодым людям известна лишь понаслышке...

ОТВЕТ. Да, пожалуй. В нашем крае все, каждая пядь земли, дома, улицы, города, корабли, монументы — все говорит о событиях тех дней, чья «не смолкнет слава». И все же надо чаще напоминать, рассказывать молодежи и о «Волочаевских днях» и о «штурмовых ночах Спасска». Тем более что в нынешнем, праздничном году незадолго до всенародного торжества — полувекового юбилея образования СССР — мы отметим 50-летие освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев, незабываемую героическую веху в истории Советского государства.

В январе 1918 года во Владивостокскую гавань вошли корабли интервентов. На Дальнем Востоке началась гражданская война. Она длилась более четырех лет. Священную русскую землю топтали американские и японские, английские и французские захватчики. Огнем и мечом пронеслась по ней белогвардейская нечисть банд Семенова и Калмыкова. Но враг не смог подавить сопротивление партизанских отрядов, частей Народно-Революционной Армии, поднявшихся по зову большевиков на борьбу с иноземными захватчиками.

Отважные солдаты революции оставались непокоренными. Их терзали, расстреливали, вешали, жгли, а они продолжали тяжкий бой за власть Советов. Легендарный вожак приморских партизан, коммунист Сергей Лазо дерзко проникает на остров Русский, в логово белогвардейских офицеров, и, как бомбу, бросает огненные слова: «Мы, революционеры, русскую душу не продавали по заграничным кабакам, мы ее не меняли на заморское золото и пушки... Мы не наемными, мы собственными руками защищаем нашу землю... Вот за эту русскую землю, на которой я сейчас стою, мы умрем, но не отдадим ее никому!»

И не отдали! В начале октября 1922 года на широком фронте началось победоносное наступление частей Народно-Революционной Армии, активно поддержанных партизанами. Враг пытался сорвать это наступление под Спасском. Воздвигнутые там японцами укрепления считались неприступными. Штурм их длился трое суток, днем и ночью. 9 октября был взят Спасск, а 25 октября, радостно приветствуемые трудящимися города, во Владивосток вошли части Народно-Революционной Армии и партизанские отряды. Так был завершен разгром интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке. Победа досталась дорогой ценой. Тысячи коммунистов, партизан пали в неравном бою, были зверски замучены. Никто не забыт нами! Мы с волнением и гордостью называем имена бесстрашных вожаков приморских коммунистов, партизанских отрядов, имена Константина Суханова, Сергея Лазо, Всеволода Сибирцева, Алексея Луцкого... И, обращаясь к молодежи, говорим ей: вот «делать жизнь с кого»!

16 ноября 1922 года ВЦИК объявил территорию Дальнего Востока «нераздельной составной частью РСФСР». Такова была просьба Дальневосточной республики, буферного государства, созданного по инициативе В. И. Ленина, пристально следившего за ходом событий на Дальнем Востоке. В те дни В. И. Ленин, в речи на пленуме Моссовета, и произнес крылатую фразу о далеком, но «нашенском» Владивостоке. И еще были сказаны в той речи многозначащие слова: «...Взятие Владивостока... показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям. И здесь и там — РСФСР».

И здесь и там — РСФСР! Пусть задумаются над этими ленинскими словами те, кто нет-нет да и позарится на наши дальневосточные, исконно русские земли.

ВОПРОС. За последние годы Дальний Восток, в частности Приморье, стал еще ближе к сердцу нашей Родины. А если под словом «ближе» иметь в виду не только географию, но и святое чувство семьи единой, материнскую заботу, патриотическую гордость всех советских народов за могучий форпост социализма на Дальнем Востоке?

ОТВЕТ. Что касается географии, то технический прогресс в авиации уже сказал свое веское слово. Да, мы стали ближе к центру страны, к столицам союзных республик. Это приятно отметить. Но нас еще больше радует другой, более глубокий смысл слова «ближе».

Советский Дальний Восток, его люди, его радости и горести, дела и заботы всегда были дороги, близки всем народам СССР. Мы знаем, что для молодых советских людей любой национальности примером стойкости, отваги и поныне служат молдаванин Сергей Лазо, заживо сожженный белогвардейцами в топке паровоза, и вожак приморских комсомольцев русский паренек Виталий Боневур — озверевшие белогвардейцы вырвали сердце из груди комсомольца, так и не узнав от него планы партизан... Подвиги героев Хасана вдохновляли защитников Бреста...

Край наш многонациональный. На боевых кораблях Тихоокеанского флота, на судах торгового и рыбного флотов, в геологических экспедициях, на шахтах, в научных институтах есть представители почти всех союзных республик. Есть в Приморье десятки сел, по-украински названные, украинцами заселенные,— так сложилось исторически. Есть у нас рыболовецкий колхоз «Новый мир», где большую часть рабочих составляют эстонцы. Есть у нас рыбокомбинат, названный именем Шалвы Надибаидзе, человека, отдавшего много лет приморской рыбной промышленности...

Партийная организация края много занимается воспитанием трудящихся в духе ленинской дружбы народов, в духе ленинского интернационализма. Приморцы гордятся той помощью, которую они оказывали и оказывают многострадальному Вьетнаму. Десятки наших судов доставили вьетнамским друзьям миллионы тонн грузов — муку и медикаменты, машины и оборудование. Было здесь как на войне, были тут и жертвы. В скорбном молчании стояли люди на Владивостокском морском вокзале, встречая изрешеченный пулями «Туркестан». Механик Николай Рыбачук погиб на этом корабле от бомбы американского агрессора. Но советских моряков не запугаешь. Они до конца остались верны своему интернациональному долгу.

На земле нашей везде и во всем явственно ощущаешь плоды братства единомышленников, творящих одно великое дело. Советское Приморье строила вся страна. Сюда по зову партии и правительства в свое время приехали тысячи партийных, комсомольских, советских, хозяйственных работников, специалистов, рабочих, колхозников. В далекий край из Москвы и Ленинграда, с Украины и Белоруссии шли тысячи эшелонов с машинами, станками, строительными материалами. Страна вложила громаднейшие средства, чтобы Приморье, некогда отсталая окраина царской России, стало могучим форпостом социализма на Дальнем Востоке. Приморцам известно, что рабочие Владивостока работают у станков, сделанных руками москвичей; что рыбаки уходят в море на судах, сошедших со стапелей Ленинграда и Николаева; что на полях наших — тракторы с Украины и Белоруссии. И труженики края стараются как можно лучше использовать эту технику.

За годы Советской власти в Приморье производство промышленной продукции возросло в 127 раз. Благодаря неустанной заботе партии, правительства, с помощью всей страны у нас заново создан крупный хозяйственный комплекс с мощной горнорудной, деревообрабатывающей, рыбной промышленностью, с энерге-

Таким был и таким стал транспорт гор.

тической и топливной базой, год от года крепнущими производствами, которые обслуживают население,— я имею в виду пищевую, легкую индустрию, сельское хозяйство. Весомо зазвучало у нас новое слово «ДВНЦ» — Дальневосточный научный центр со своим неповторимым лицом, с прекрасными кадрами ученых-энтузиастов, активно вторгающихся в гущу жизни края.

Меняется облик Приморской земли. Там, где шумела девственная тайга, поднялись новые города, поселки, заводы. А «нашенский» Владивосток, город моряков и рыбаков, стал и городом строителей. За последние 10 лет здесь построено столько жилья, сколько Владивосток получил за предыдущие 100 лет. А главное, мы твердо стали на путь индустриального домостроения. Амфитеатром спускаются к заливу многоэтажные корпуса микрорайонов. Нашим архитекторам не без творческой помощи москвичей и ленинградцев удалось успешно решить сложную градостроительную задачу: почти сплошь деревянный, разбросанный островками по сопкам город превратился в современную благоустроенную столицу Приморья с красивыми архитектурными ансамблями.

Директивы XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану подчеркивают, сколь важно «дальнейшее ускоренное освоение природных ресурсов и наращивание экономического потенциала восточных районов страны». Решая эту задачу, ЦК КПСС и Совет Министров СССР наметили обширную программу дальнейшего комплексного развития производительных сил Дальневосточного и Восточно-Сибирского экономических районов. За пять лет объем промышленного производства в нашем крае возрастет в 1,6 раза. Приморцы восприняли эту программу как еще одно проявление огромной заботы о нас, дальневосточниках. И в ответ мы дадим стране как можно больше того, чем богата земля приморская, чем богаты моря и океаны, ставшие «голубой целиной», осваиваемой нашими «пахарями».

ВОПРОС. Нельзя ли подробнее о «голубой целине», об идущих к столу советского человека дарах морей и океанов?

ОТВЕТ. Рассказ об этих дарах — рассказ о ведущей отрасли народного хозяйства края: рыбная индустрия дает 40 процентов всей промышленной продукции Приморья. Ныне каждый двадцатый приморец — моряк. Его встречаешь в море и вблизи заснеженных вулканов Камчатки и у окутанных туманом Курил, на знойном экваторе и в «ближнем» Японском море, он ведет промысел на огромной акватории Мирового океана. Страна вооружила его первоклассной техникой: сейчас один большой траулер добывает столько рыбы, сколько добывалось во всем крае в 1913 году. А сколько таких траулеров в Приморье! Рыбная промышленность края — это мощная индустрия, 500 промысловых судов, 3 китобойных, 13 краболовных флотилий и плавучих рыбоконсервных заводов, около ста рефрижераторных судов.

Технический прогресс в рыбной индустрии вызвал ломку многих традиций, психологии людей. Рыбацкая интуиция уходит в отставку. Созданный при «Дальрыбе» вычислительный центр разрабатывает программы наиболее рационального размещения флота в водах бассейна, намечает наиболее оптимальные режимы работы. Наши суда получили электронную аппаратуру управления, поиска скоплений рыбы.

Новая техника — это и новая география. Недавно в Одесском порту стало под разгрузку наше рефрижераторное судно «Карское море» — оно пришло сюда от рыбопромыслового района около Аляски: за кормой свыше 16 тысяч миль, 11 морей, три океана. Этим экспериментальным рейсом открыта новая трансокеанская линия Дальний Восток — Одесса. Когда-то считался выдающимся событием активный лов в Беринговом море. Теперь маршруты такого лова пролегают у берегов Калифорнии и Гавайских островов, Австралии и Новой Зеландии. А это означает расширение ассортимента, появление южноморских деликатесов.

Мы сейчас по-новому оцениваем качество работы рыбаков. Еще сравнительно недавно главным показателем был вал. Сегодня — пищевая ценность улова: что предложите к столу советского человека? Многое тут уже сделано. Вместе с министром рыбной промышленности СССР товарищем Ишковым я был на Приморской выставке даров моря. Есть чем порадовать любителей рыбных блюд: копчености, соления, вяленая и кулинарная продукция. В результате освоения новых районов промысла на прилавках магазинов появились такие рыбы, о которых не только потребители, но и рыбаки не имели понятия: нототения, пристипома, скваама, путассу, тунцы, меч-рыба... Появились и другие дары моря — кальмар, осьминог, креветки. Тем не менее мы считаем, что в ход еще не пущены все резервы. Наши рыбаки могут и должны значительно увеличить добычу креветок, лангустов, омаров, кальмаров, сайры, скумбрии... Есть у нас для этого техника, есть прекрасные кадры — и молодые и ветераны, передающие свой опыт молодежи.

Далеко за пределами Приморья известен Герой Социалистического Труда Петр Илларионович Житников — капитан-директор плавучего рыбоконсервного завода. За многое уважают Житникова, но прежде всего за то, что десятки его учеников могут теперь соперничать с ним, а такие, как Николай Воронин, Виктор Кориков, уже поднялись на капитанские мостики. Да и три сына его пошли, как говорится, по рыбацкой тропе...

ВОПРОС. Уж если зашла речь о капитанах, то нельзя, видимо, не рассказать о Дальневосточном морском пароходстве?

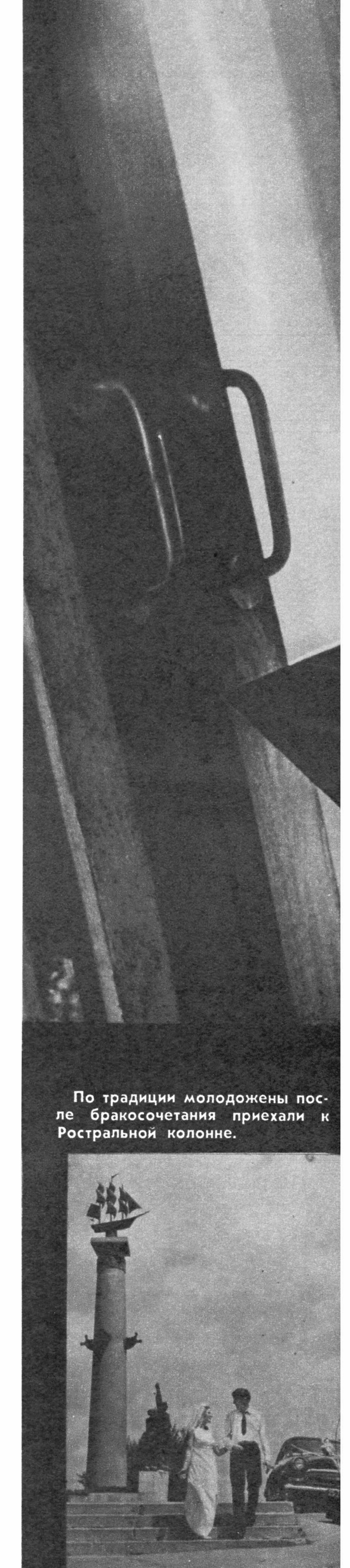
ОТВЕТ. Это гордость Приморья. Через наши порты центральные районы СССР связываются с такими важными и весьма отдаленными краями, как Сахалин, Колыма, Камчатка, Курилы, Восточная Арктика. Плавать туда трудно, воды там коварные, и лишь богатый опыт дальневосточных капитанов и штурманов позволяет одолевать все «ухабы» на этих трассах.

От незамерзающих портов Приморья с их весьма удобными бухтами начинаются морские дороги в заморские страны. Десятки наших судов ежедневно находятся в портах Японии. Открыта регулярная линия, связывающая Владивосток и Находку с портами стран Юго-Восточной Азии. Суда нашего пароходства курсируют на международных линиях между Японией, Канадой и США.

Страна дает большие средства для развития морского транспорта на Дальнем Востоке. Только в годы восьмой пятилетки пароходство получило сто новых судов. Рядом с первоклассным Владивостокским портом появился еще один — Находка. Еще шла война, а здесь уже начиналась всенародная стройка, на которую люди приезжали со всех краев Союза. Еще шла война, а у первого причала уже швартовались корабли. Сейчас от причалов порта суда уходят в десятки стран мира. Теперь нефть доставляется в Японию и в другие страны Азии из Находки, где вступила в строй крупная нефтегавань. А приморцы шагают дальше. Недалеко от Находки, в бухте Врангеля, строится еще один большой глубоководный порт, где, например, судно грузоподъемностью в сто тысяч тонн смогут загрузить лесом менее чем за сутки.

По трудным морским путям-дорогам ведут наши большие корабли прокаленные ветрами всех широт знаменитые приморские капитаны. Есть среди них и такие, для которых «Волочаевские дни» — это не строчка из песни, а строчка из биографии. Почетный гражданин Владивостока, бывший матрос, большой знаток морского дела Николай Борисович Артюх, бывалый моряк, стоявший на капитанских мостиках первых судов пароходства, Виктор Ананьевич Ляшенко — оба они начинали жизнь с партизанских боев в Приморье. Это люди особого склада, крепкой закалки, они принадлежат к той когорте приморцев, о которых прекрасно сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, когда вручал нашему краю орден Ленина: дальневосточники пользуются всеобщим уважением и почетом в народе. Это люди сильных характеров, способные на подвиг, не боящиеся трудностей...

Приморцы горды такой оценкой, они постараются быть достойными ее, быть достойными бессмертной славы отцов, дедов, тех, кто 50 лет назад на Тихом океане свой закончил поход.

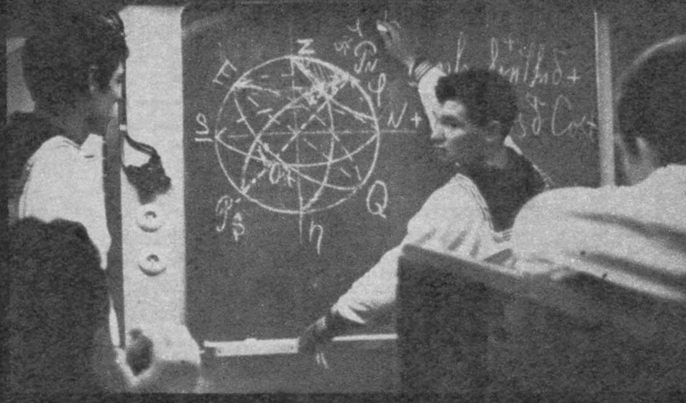

По традиции молодожены после бракосочетания приехали к Ростральной колонне.

Нина Усцова строит дома Владивостока.

Преподаватель Дальневосточного педагогического института искусств М. Я. Михлин.

В мореходном училище.

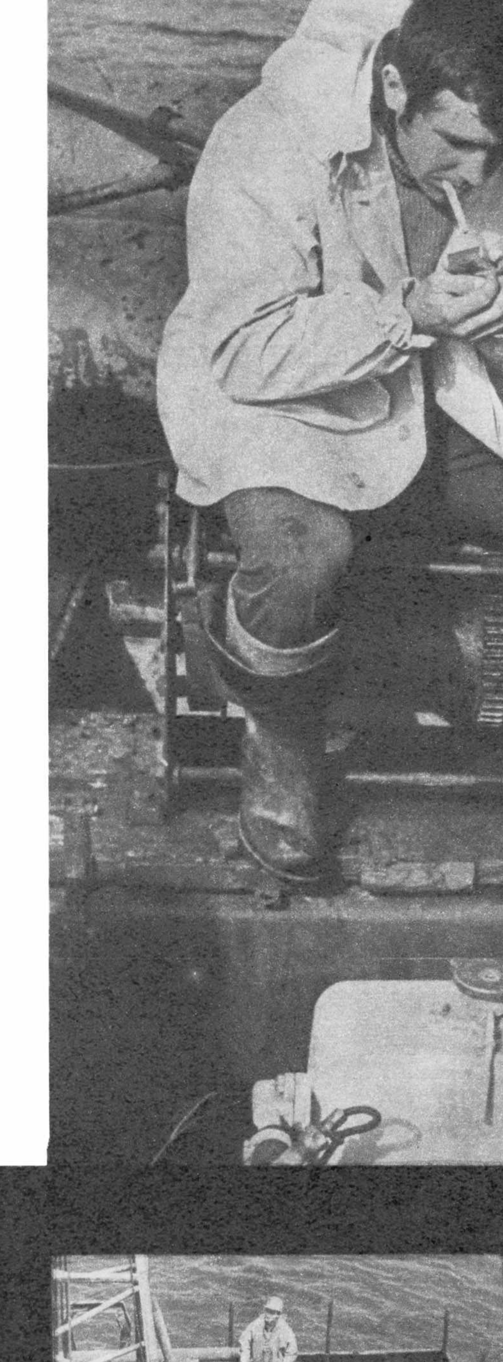

Геофизик Евгений Дмитриевич Теплых.

Л. ЛЕРОВ

Фото В. КУЗНЕЦОВА.

ОГОНЁК НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Из всего рассказанного моим спутником по дороге от Владивостока до Находки, пожалуй, самое сильное впечатление произвело на меня сообщение, что беспокойное племя геологов со все большей тщательностью обследует кладовые земли и там, где на страже богатств стоит его величество Нептун. И все более решительно владыка мира Человек грозно требует: «Нептун! Отдай золото, нефть, газ, олово, марганец, титан, алюминий...»

Мой спутник представляет науку. В лучшем смысле слова «представляет». Мы познакомились с ним в кабинете начальника Приморского территориального геологического управления Н. И. Лаврика, и Николай Иванович так и сказал о нем:

— Знакомьтесь: наука!.. Та, что действует в самом тесном контакте с нами, производственниками... Весь сезон вместе — ищем золото на дне моря...

У меня чуть было не сорвался с кончика языка ехидный вопрос: «А вам что, суши мало, вы у нее уже все золото забрали?»,— но я сдержался, сделав вид, что хорошо понимаю смысл геологических поисков под водой. Николай Иванович оказался человеком с цепким взглядом и, видимо, по выражению моего лица уловил невысказанный вопрос.

— Видите ли, золота, как и всяких рудных полезных ископаемых, конечно, хватает еще и на суше. Но...

За этим «но» последовали всякие соображения. Оказывается, многие виды минерального сырья на суше теперь уже не столь неисчерпаемы. А технический прогресс требует: давай, давай еще! И крылатое выражение «на наш век хватит» становится все более зыбким. К тому же с позиции потребностей человечества «наш век» — это мгновение. И еще: сейчас поверхность и общее геологическое строение суши в общем-то уже изучены достаточно хорошо и чудес — в смысле богатых месторождений руд вблизи поверхности земли, где добычу можно было бы вести открытым способом,— ждать не приходится. А проникать на большие глубины становится делом все более трудным, дорогим да и времени требующим много.

— Именно после второй мировой войны,— продолжал Николай Иванович,— новая отрасль знаний — морская геология — заявила о себе особо значимо и весомо. За каких-нибудь двадцать лет человечество узнало о морском дне больше, чем за всю его историю.

И тут Лаврик вновь не мог не заметить, сколь плодотворно развивается у них в Приморье содружество геологов-производственников и ученых. Конкретнее? Дальневосточный научный центр, университет, Всесоюзный научно-исследовательский институт морской геологии и геофизики...

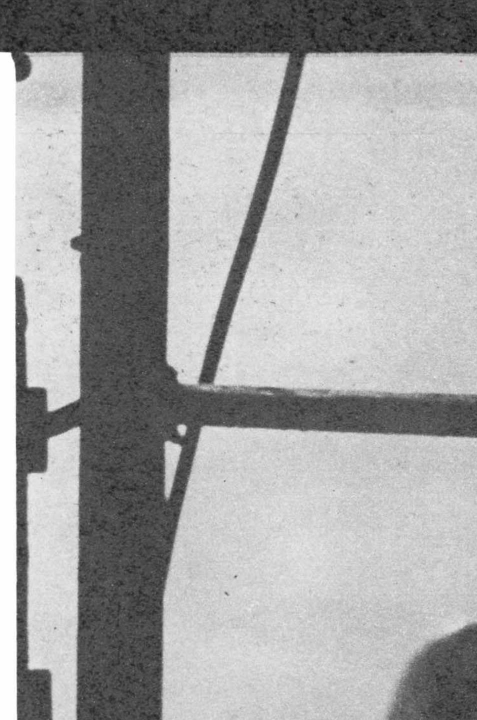
— Рудольф Борисович оттуда... Вам с ним, кажется, по пути. Он со своей группой недалеко от наших товарищей работает. По дороге он вам и расскажет, что есть Мировой океан с позиций геолога...

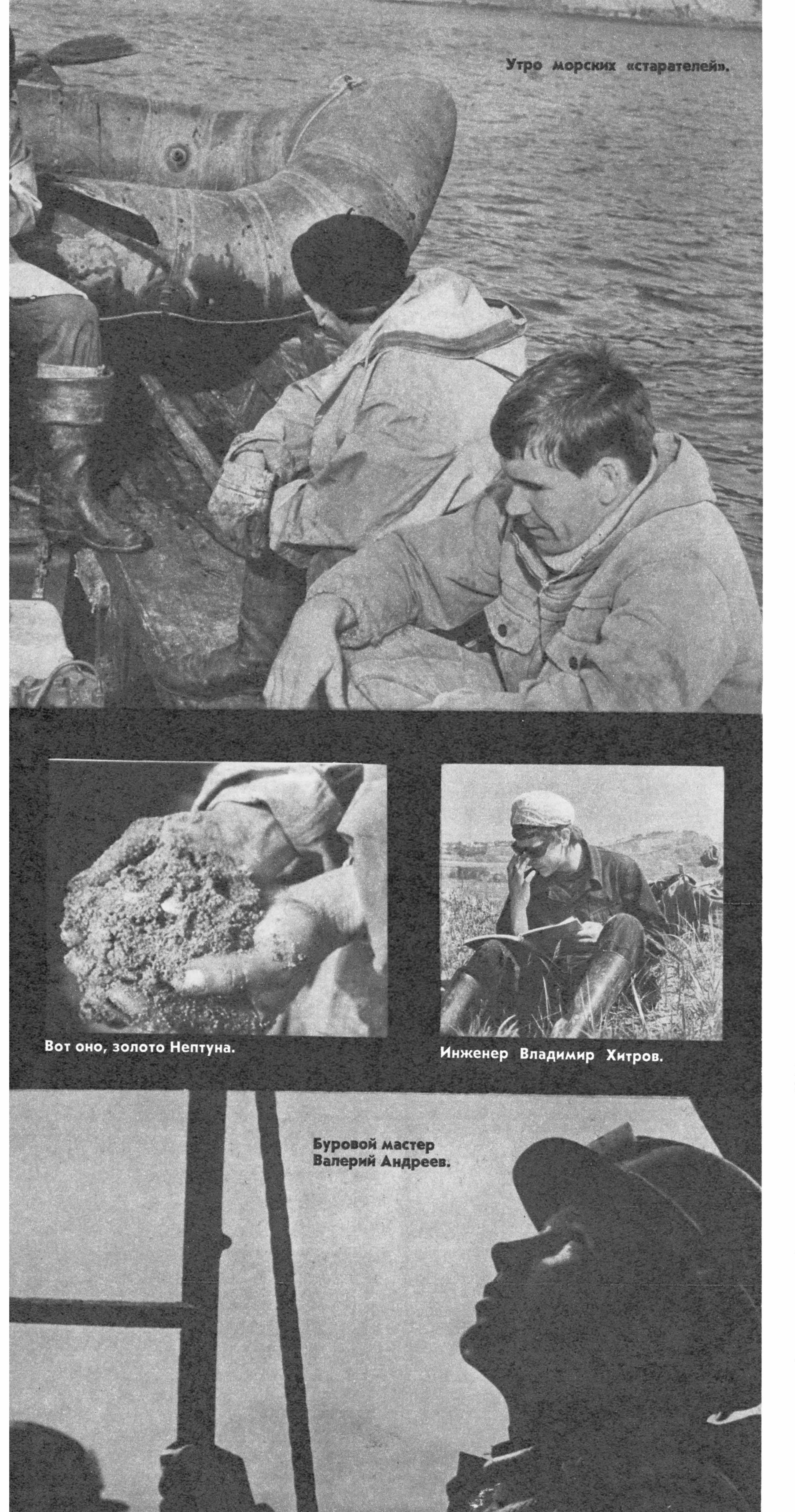
Наш спутник оказался хорошим рассказчиком и консультантом по части доступной журналисту литературы о проблемах морской геологии. Во всяком случае, при его участии я сравнительно легко погрузился в таинства «мира безмолвия» и получил много поразивших мое воображение сведений касательно богатств, хранимых в Мировом океане. Запомнилось встретившееся у одного из авторов, К. Спрингиса, образное определение этого океана: своеобразная «трехэтажная» кладовая минерального сырья. Первый этаж — сама вода; второй — дно морей и океанов; третий — наименее доступный и изученный — недра под этим дном. Оказывается, в самой воде Мирового океана содержится 10^9 тонн урана, марганца и меди — 10^{10} тонн и куда больше — $10 \cdot 10^9$ — золота. Большую часть ежегодно используемого магния США получают из... воды. И обходится он им дешевле того, что добывают на суше. Поступили сведения, что в Англии разработан способ извлечения урана из морских вод. И он тоже дешевле «сухопутного».

Заманчивы перспективы «второго этажа». Здесь пока что лучше всего изучены пляжи и примыкающая к ним зона мелководий шельфа морей и океанов, где глубины не превышают 20—40 метров. Именно тут выявлена большая часть известных месторождений металлических руд, и в частности титановых. Ну, а «третий этаж»? Подступились к нему? Подступаются, и все более решительно. Вот и сейчас мы держим путь к тем, кто в одной из многих здешних бухт пробивается к «третьему этажу» — в Приморскую партию Тихоокеанской морской геологоразведочной экспедиции. Начальника партии Бориса Федоровича Кожинова мы застали в состоянии некоторого расстройства.

— А как же не расстраиваться?.. Столько сил потратил... Два судна подготовил... Людей... Один про-

Обычная вахта.

Утро морских «старателей».

Вот оно, золото Нептуна.

Инженер Владимир Хитров.

Буровой мастер Валерий Андреев.

раб Щукин чего стоит — самородок! А ночью все потерял...

— То есть как? Что случилось?— встревоженно спросил я.

— Ночью два лучших наших судна ушли к Шантарским островам.

— Самовольно или увел кто?

— Увел.— И впервые тень улыбки промелькнула на расстроенном лице Кожинова.— Не самовольно, конечно... Всем поселком провожали... Из ракет палили — салют! Первый дальний выход морских геологов нашей экспедиции... Экзамен...

— Так чем же вы расстроены?

— В другую партию передали их... Специальную... Дальнего плавания... А нам теперь как план выполнять прикажете? Коллектив, он, конечно, один, а за план с каждой партии в отдельности спрашивают.

Кожинов тяжело вздохнул, помолчал, почесал затылок и сказал:

— Ничего... Обойдется! Будет и на нашей улице праздник... Вы поезжайте к Хитрову. Они с «Циркона» золото ищут... Перспективная акватория...

Я уже немного привык к этой терминологии, когда беседовал с Лавриком: «перспективная акватория», «неперспективная». Это когда он говорил о работах приморских геологов по изучению шельфа Японского моря, когда сообщал, что пробурены первые тысячи метров подводных скважин, взяты первые пробы песков, в которых обнаружены золото, олово и другие полезные ископаемые. Так вот: там, где бурит дно моря бригада инженера Хитрова, это перспективно...

На рассвете мы подкатили к бревенчатой избе на окраине села, дремавшего у берега большой бухты. В доме геологов уже все были на ногах, заканчивался завтрак, и люди быстро, без суетни — каждый знал, что ему следует сделать, прихватить — собирались в очередной поход: одни — в пляжную зону, другие — в море, где их ждал тримарин «Циркон», хитроумная комбинация двух понтонов и малого рыболовного сейнера.

...На катере, продуваемые зябким предутренним ветром, продираясь сквозь завесу тумана, мы вместе с геологами и буровиками сравнительно быстро добрались до «Циркона». И теперь уже можно знакомиться поближе с Володей Хитровым, со всей его бригадой.

— Ну что вам сказать о себе? Повезло мне, здорово повезло... Я даже считаю себя счастливчиком...

Володя застенчиво улыбается, говорит негромко, и, глядя на него, никак не подумаешь, что этот щуплый паренек здесь за главного — и по морской, и по геологической, и по административно-хозяйственной части. К тому же выглядит он еще моложе своих 23 лет и, как многие в его возрасте, Володя не говорит «мне 23», а «мне скоро будет 24». Уж очень не хотелось Володе быть тут самым молодым, как-никак, а начальник... Впрочем, с недавних пор в этом смысле ему стало полегче: теперь он уже не самый молодой, прибыл на должность старшего мастера двадцатилетний Коля Шищенко...

— Почему же вы, Володя, считаете себя счастливчиком?

И он с юморком рассказывает, как после окончания Томского политехнического института ему пришлось отбить атаку родителей, живших в Чимкенте и категорически возражавших против задуманной поездки на Дальний Восток: «Тебе что, в Казахстане дела не найдется?» В «семейной битве» под Чимкентом Володя вышел победителем: родной Казахстан — это, конечно, прекрасное поле деятельности для геолога, но его мечта, его путеводная звезда — это не суша, а море, и Тихий океан начал тревожить воображение студента Хитрова еще на втором курсе. Так или иначе, но барьер № 1 он одолел и уехал на Дальний Восток. Но тут неожиданно появился барьер № 2 — его послали в Сучан, на уголь... Он чуть было не расплакался.

— Я уже мысленно представлял, как буду искать золото на дне моря, а мне говорят: «Уголь — это тоже золото...»

Хитрова выручили энтузиасты морской геологии из Владивостока — новому делу позарез требовались специалисты, которые шли бы в море-океан по зову души. И угольщиков удалось убедить: «Отпустите Хитрова...»

— И вот, как видите, я на «Цирконе». Конечно, техника у нас еще не ахти какая. Мечтаем о судах, специально построенных для морских геологов, о более совершенной аппаратуре... Но мы и на «Цирконе» дело сделаем...

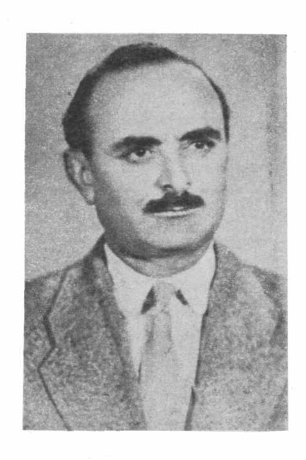
Он весело окинул взглядом палубу, море, своих друзей в касках и снова вышел на ту же орбиту.

— Молодому геологу лучшего, по-моему, и желать не приходится. Это ведь и есть настоящее счастье, когда твоя звезда всегда над тобой...

«Твоя звезда» — для Володи это давным-давно полюбившаяся морская геология со всеми ее сложностями, трудностями, опасностями... Я смотрю на этого паренька в замусоленной робе, в яркой каске, с усталыми глазами (спать сейчас приходится очень мало: сезон в разгаре) на мальчишеском озорном лице, уже прокаленном морскими ветрами, слушаю четкие, отрывистые команды хозяина «Циркона» и думаю: пройдут годы, уж не в прибрежных шельфовых зонах, а где-то далеко-далеко в океане, за тысячу миль от берега, наши морские геологи на первоклассно оснащенных, специально построенных судах отличной остойчивости, высокой маневренности будут действовать на всех «трех этажах» кладовой Мирового океана. И люди там по-будничному, изо дня в день выполняя производственные задания, будут выдавать «на-гора̀» руды. И может, люди эти вспомнят «первопроходцев» дна морей и океанов, пионеров морской геологии и среди них — мужественных приморцев, смело прокладывавших тропы в неизведанное; вспомнят тех, кто в жаркую летнюю ночь покинул тихую бухту и неспокойным морем ушел к Шантарским островам, чтобы попробовать бурить скважины и в штормовую погоду; вспомнят парней с «Циркона», Володю Хитрова, счастливого тем, что сразу после институтской скамьи он нашел свою путеводную звезду...

ОТКРЫТ

Ибрагим КЭБИРЛИ

РАДОСТЬ

Пусть сердце иногда смущается —
Его не только радость будит...
Но радость с горем
Не смешается...
Не будет этого,
Не будет.
Нет, не уступит радость горести,
Гром бед, сметя ее, не грянет!
Вот горе подойдет,
Уколется, —
И прочь
От радости отпрянет.

Чужая доля не мерещится,
Чужого блага мне на надо.
Веселой рыбкой
Радость плещется
В душе,
Всему на свете рада.
Ее коплю я — каплю к капельке,
Все прибавляю капли новые.
И если б знали вы,
О, как легки
Мне дни,
Для всех иных суровые!

Да, чье-то сердце горем сломлено,
Оно в тоске, оно в агонии...
Душа, что радостью наполнена,
Куда сильней, куда спокойнее.

Душа глуха, коль что-то лживое
Ей в уши
Шепчут со старанием,
Она слепа, коль все фальшивое
Ее слепит своим сиянием.

И в годы зрелые,
Как в младости,
С отважной верой ненапрасной
Я доверяю сердце
Радости —
Его защитнице прекрасной.
Пусть сердце иногда смущается —
Его не только радость будит...
Но радость с горем
Не смешается,
Но радость
Радостью пребудет!

* * *

Хорошо, что дорога моя привела меня
в горы.
Обновилась душа, пережившая радость
и горе.
Обновился очаг, что уже от огня
закоптился.
Обновился огонь, потому что очаг
обновился.
Обновило слова вечно нового снега
соседство,
Обновила весна без нее зачерствевшее
сердце.

* * *

Горы влили в глаза мои свет небывалый
и новый.
И всему, чего нет, станут горы отныне
основой.
Не мешает туман видеть луг под ногами
зеленый.
Не мешает обман видеть правду душою
влюбленной.
Эхо горное радостно множит мой голос
усталый.
Неужели ему отвечают безмолвные скалы?

* * *

Засмеешься — и горы стремительно смехом
ответят,
Станешь плакать — и плач твой ответным
рыданием встретят.
Плачут реки, потоки, стремнины, долины,
равнины,—
Плачут горы родные, как сердце живое,
ранимы.
Позови — зов твой сразу же горы услышат,
бесспорно,
На душе станет строго, возвышенно,
высокогорно.

* * *

Здесь высокие чувства сложили
бессмертные камни.
Оттого моя ноша в горах непомерно легка
мне.
Как в сравненье с горами удел мой
не жалок, но скромен,
И зовут меня горы тянуться, чтоб стать
с ними вровень!

* * *

Не могу забыть того дня,
Того весеннего дня,
Когда брата не стало у меня,
Не стало брата у меня.
Он был облачен.
Этот день,—
Крупица безмерных веков.
Он лег на жизнь мою,

ОЕ СЕРДЦЕ

Словно тень,
Грядой своих облаков,
Не пришел мой брат,
Не пожал мою руку,
Натертую винтовкой до мозолей.
Не пришел мой брат,
Не донес свою муку,
Бездну своей боли
До дня Победы,
До светлых его звезд
Сердце свое не донес.
Караваны пуль
И караваны сердец.
Смертельные встречи в пути.
Где ты уснул?
Где нашел свой конец?
Я вернулся, а ты...
Прости.
В братских могилах
Братьев моих мечты.
В окопах осталась их юность,
Вечная, как весна.
Глаза родных не увидят
Зрелости их черты.
Эта весна зеленая
Больше им не нужна.
И в моих глазах
На земле,
От крови зареченной,
Весна становится черной.
Меня встречали
Односельчане,
Поздравляли,
Задавали вопросы.
Ждали ответа.
Главное:
«Что вынес ты из боев?»
Я им сказал на это:
«Я бы мог перечислить многое,
Но смерть научила истине:
Смелость —
Вот мой главный трофей».

Много лет прошло с той поры.
Жизнь идет своим чередом.
Рождаются и умирают миры.
Дети растут.
Строится дом.
Память моя
Покрывается пылью забвения,
Но не забуду
Ни на мгновение
Подол обгоревшего неба,
Горечь гнева,
Окровавленный день.
Война.
Мертвых бессмертные имена.
Смелость,
Дорога памяти,
Плата за нечеловеческие страдания!
Снова туда меня поведи,
Где горели сердца и здания.
Никому тебя не отдам,
И если однажды снова
Обрушится на меня беда,
И я, и ты, и любой —
Пойдем мы туда,
Где звезда нашей трудной судьбы
загорелась,
Откуда к победе вывела нас
Рожденная в битве смелость!

* * *

Не знаю, что я обрету,
Что встречу я внезапно,
Но все я жду,
Чего-то жду...
Что принесет мне завтра?
Придет весна.
Уйдет весна,
Но словно день темница,
Всё, ожидания полна,
Душа моя томится.
Куда иду,
Что я найду,
Что встречу я внезапно?
Но только жду,
Чего-то жду...
И завтра —
Ждать мне завтра!
Не все ведь —
Радость и успех,
Разумные решенья,
Не все — цветы и звонкий смех,—
Есть горечь пораженья.
Смещенье всех,
Сшибанье лбов,
Туманы и морозы...
Есть колкость дерзкая шипов,
А не одни лишь розы!
И пусть познаю я беду
И ошибусь нелепо,
Всё жду и жду,
Чего-то жду,
Как ждет голодный хлеба.
Пусть день
Несет мне свет и тень,
Восторг, озноб ненужный...
Не то он станет тенью,—
День,
Бесцветный и ненужный.
Пусть ждать мне долго суждено
Свершенья дум заветных,
Но ожидание полно
Надежд больших и светлых.
И вознесусь, и упаду,
Одобрит жизнь, осудит,—
Но все я жду,
Всем сердцем жду
Того,
Что будет, будет!

* * *

Радуюсь я,
Радуюсь я,
Когда утренний луч ложится на веки,
Когда птица свивает гнездо на ветке,
Когда каждая капелька жизни — веха,
Когда вижу смеющегося человека,
Когда вижу смеющегося человека.

Радуюсь я,
Радуюсь я,
Когда поле покрыто ковром зеленым,
Когда дождь припадает к листам
запыленным,
Когда бархатно светится каждая ветка,
Когда вижу смеющегося человека,
Когда вижу смеющегося человека.

Радуюсь я,
Радуюсь я,
Когда кто-то умеет грустить, но в печали
Все равно не избавит лицо от печати
Полновесного, доброго, светлого смеха...
Когда вижу смеющегося человека,
Когда вижу смеющегося человека.

Радуюсь я,
Радуюсь я,
Когда сердце — другое нежданно находит,
Когда каждое малое дело — как подвиг,
Когда все неудавшееся удается,
Когда вижу, как человек смеется,
Когда вижу, как человек смеется.

Радуюсь я,
Радуюсь я,
Когда кто-то кому-то опора и помощь,
Когда зло забываешь, а доброе помнишь,
Когда много цветов, много песен и смеха,
Когда вижу смеющегося человека,
Когда вижу смеющегося человека.

Радуюсь я,
Радуюсь я,
Когда счастье приходит к тому, кто упорен,
И рождается истина в дружеском споре
В буднях непомерно сурового века...
Когда вижу смеющегося человека,
Когда вижу смеющегося человека!

**Перевела с азербайджанского
Римма Казакова.**

Рисунок **В. ДОБРОВОЛЬСКОГО.**

МУДРОСТЬ ЗРЕЛОСТИ

Д. САРАБЬЯНОВ,
кандидат искусствоведения

Семидесятилетний жизненный путь, который прошел народный художник СССР Семен Афанасьевич Чуйков, почти целиком связан с искусством. Дело не только в том, что художник рано начал заниматься живописью — самостоятельно, почти ничему не научившись у своих провинциальных учителей, полагаясь лишь на себя самого, пробивая путь своим талантом и необычайной жаждой творчества. Дело и в самих обстоятельствах жизни, которые направили Чуйкова по творческому пути. Эти слова могут поначалу показаться необоснованными. Ведь родители художника не имели никакого отношения к искусству, принадлежа к самым низшим сословиям царской России: отец служил писарем, а мать — прачкой в военном лазарете. Ничто, казалось бы, не могло способствовать развитию художественного таланта: жизнь шла скучно, однообразно, уныло! Семья с самого начала оказалась недружной; на каждом шагу мальчик сталкивался с бедностью и безысходной нуждой. Где уж тут было думать о живописи!

Но случилось так, что домашние несчастья, неурядицы, происходившие между родителями, серые будни провинциальной жизни — все то, что способно было задушить любые проявления человеческих чувств, заставило мальчика искать утешения в общении с природой. Многое было открыто Чуйковым еще в детстве, увидено проницательным глазом, как бы оторвано от скучной и томительной прозы. Природа дарила радость. Босоногий мальчишка на долгие часы уходил из дома, купался в холодных ручьях и речках, бродил по степи, забирался в горы, грелся под лучами солнца. В эти часы в душе будущего художника зрело понимание истинной красоты мира. Даже тогда, когда родители посылали мальчика на поденные работы на рисовые плантации, он не переставал радоваться природе, красоте гор, белоснежной чистоте вершин, высокому небу и солнечному свету. Мальчику не приходили тогда мысли о живописи, но его восприимчивая натура словно впитывала ту творческую энергию, которая потом была отдана картинам.

Детство и юность Чуйкова прошли в Пишпеке (так назывался тогда город Фрунзе) и в Верном (Алма-Ата). Тяжелый труд с детских лет не заглушил тяги Семена к занятиям. Он учился в школе, которая дала ему возможность пользоваться советами художника Хлудова, преподававшего там рисование. Школа открыла путь к литературе, к книге, ставшей великим утешением мальчика, и к искусству, ибо из книг он узнал о профессии художника и начал пробовать свои силы в рисовании. Прежняя страсть к наблюдению, к созерцанию природы оказалась здесь как нельзя более уместной. По-прежнему многие часы и дни проводил молодой Чуйков в горах, в юртах местных жителей, слушал казахские и киргизские песни и сам хорошо их пел. Он познавал характер народа, наблюдал за его бытом, проникался симпатией к кочевой бедноте. Простые люди стали его героями.

Так, когда Чуйков еще только начал приобщаться к искусству, сложились предпосылки его творчества: природа в ее нетронутом виде, вечная и неизменная, гордая и величественная; человек — тоже в своих чистых, исконных качествах, близкий природе. Именно эти свойства природы и человека найдут свое воплощение в тех образах, которые будет создавать художник.

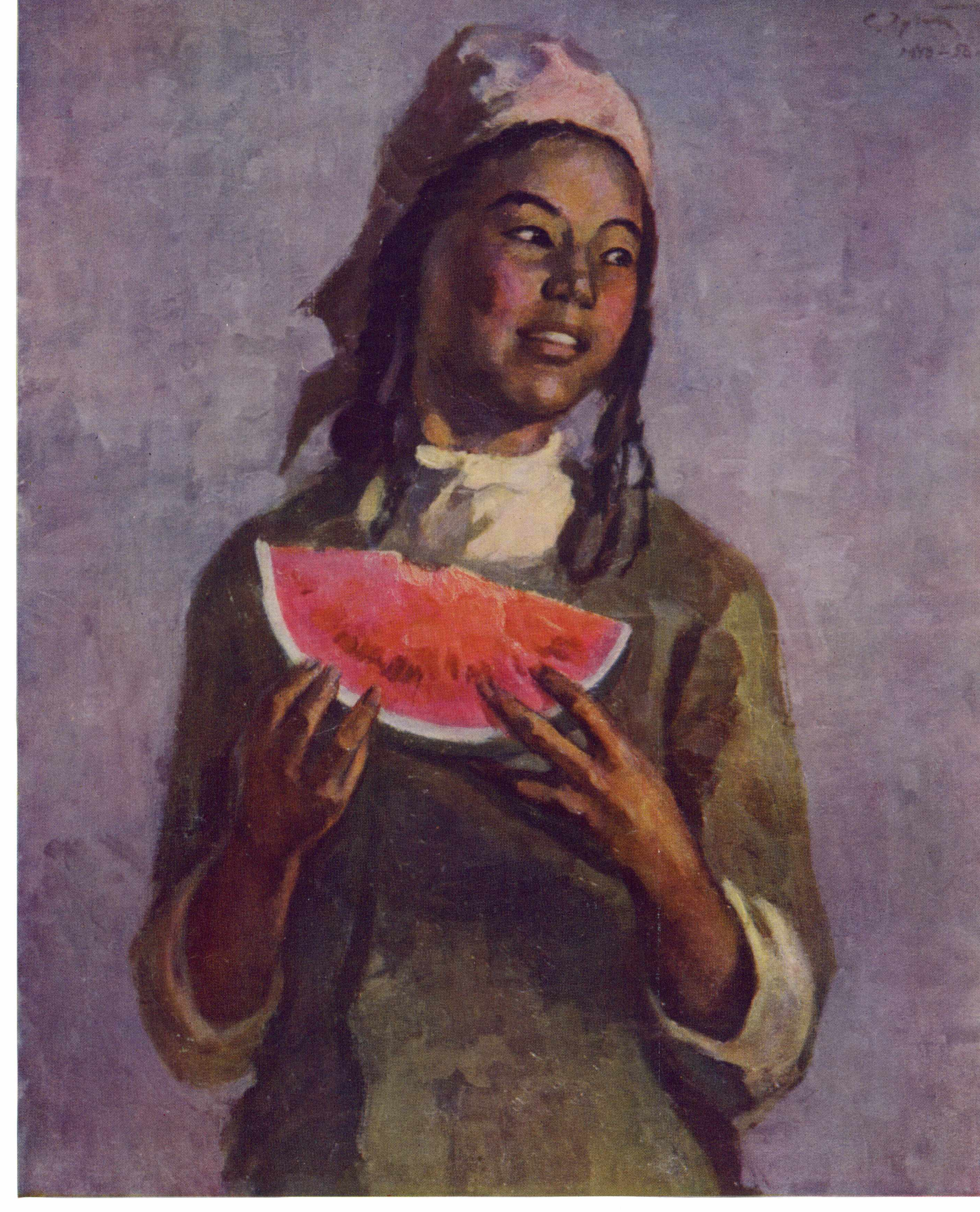
Поэтому не удивительно, что в тот момент, когда молодой Чуйков взялся за кисть, он сразу нашел себя. Случилось это в 1917—1920 годах, когда после окончания школы юноша поступил в учительскую семинарию и проучился в ней несколько лет. К этому времени относятся первые живописные этюды Чуйкова, которым сам художник придает большое значение. Маленькие кусочки клеенки, на которых масляными красками написаны картины окружающей природы — ручьи, струящие свои воды между камнями, стада овец, пастухи, долины, раскинувшиеся у подножия хребтов, увенчанных снежными вершинами, юрты кочевников. Последний мотив особенно волновал молодого Чуйкова — он любил ночевать в таких юртах вместе с киргизами, пусть в бедности, но в каком-то душевном согласии проводить с ними ночные часы у костра, а потом — поутру — смотреть на горы, на пробуждающуюся ото сна природу. Художник находил прекрасное в обычном пейзаже, в убогом жилище, в сером цвете войлока выискивал живописные нюансы.

Начиная с этих ранних дилетантских опытов, Чуйкова обуяла страсть — учиться живописи. С трудом добыл он себе командировку в Ташкентскую художественную школу и отправился в путь, запомнившийся ему на всю жизнь. До ближайшей железнодорожной станции было шестьсот километров. Двадцать девять дней добирался до нее Чуйков. Через пустынные степи на лошадях, волах, верблюдах. Потом увидел впервые в жизни поезд, который привез его в Ташкент. Однако на этом странствия молодого художника не кончились. Ташкент оказался лишь пересадочным пунктом. Через год Чуйков отправился в Москву, чтобы поступить в знаменитое Московское училище, которое было преобразовано тогда во ВХУТЕМАС. Начались годы упорного труда, параллельной учебы в институте и на рабфаке, годы, полные впечатлений от столичных музеев, уроков и рассказов учителей, напряженной художественной жизни, тех споров, которые велись в 20-е годы между различными группировками. Разные, подчас противоположные живописные концепции советских художников того времени, современные французы, Сезанн, Суриков, Иванов, Врубель — все словно столкнулось и смешалось в сознании Чуйкова и готово было захлестнуть его собственное ви́дение и восприятие мира. Неопытному молодому человеку нелегко было устоять под напором всех этих неотразимых впечатлений. Но нужно было их переварить, переосмыслить, переплавить в свой собственный стиль. Это была самая трудная задача.

Позже Семен Афанасьевич Чуйков писал в книге «Заметки художника: «Но "обрести себя" не такая простая проблема. Недостаточно отвернуться от богов, которым поклонялся, или забыть про них (хотя и это не сразу дается). Нужно еще что-то наводящее, определяющее. В этом сложном и мучительном процессе формирования творческого лица художника, по моему глубокому убеждению, огромную роль играет прежнее, «дошкольное», если так можно выразиться, "я" художника.

Впечатления детства и юности не только самые яркие и долговечные, но и самые поэтичные и неповторимо индивидуальные, а переживания самые непосредственные и искренние. Вот они-то больше всего и помогают молодому художнику найти самого себя. К этому своему личному, непосредственному восприятию мира рано или поздно художник начинает стремиться, начинает, по счастливому выражению Врубеля, «искать заросшую тропинку к самому себе».

Чуйкова эта тропинка вела через родную Киргизию. Впечатления детства не ослабевали, как и связь с родной землей. Каждое лето художник приезжал на родину, жил там и работал. Несмотря на «московскую прописку», он продолжал оставаться и киргизским художником. А Киргизия брала свое. Она требовала живописи, непохожей на сезанновскую или суриковскую. Она словно диктовала свои собствен-

С. Чуйков. ДОЧЬ ЧАБАНА. 1948—1956.

Государственная Третьяковская галерея.

С. Чуйков. УТРО. 1947.

Государственная
Третьяковская галерея.

С. Чуйков.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗДУМЬЕ.

1957.

Правая часть триптиха
«О простых людях Индии».

Государственный
Русский музей.
Ленинград.

ные условия, и Чуйков с радостью их выполнял. Киргизскому искусству были отданы его силы и после того, как он кончил учиться. Он создал Оргкомитет Союза киргизских художников и долгое время был его председателем, затем картинную галерею, художественную студию, явившуюся школой для молодых живописцев. Тем временем Чуйков складывался как художник и в 30-е годы окончательно сформировал те принципы, которые и сегодня лежат в основе его творчества.

Каковы же эти принципы?

Художник обращается в своих произведениях к явлениям обычным и повседневным. Его внимание привлекает то, что становится своеобразным законом жизни, что совершается каждый день. Герои Чуйкова — простые люди, ничем не заметные, занятые своими заботами, живущие в окружающей их природе, как дома. Они пасут овец или лошадей или заняты своими делами возле юрт. Вот мать, пришедшая ранним утром к берегу ручья, купает своего ребенка. Женщины отдыхают у скирды в жаркий полдневный час, с тем чтобы вскоре вновь взяться за работу. Дети, спасаясь от жары, просиживают часами на берегу горной реки. Мужчина или мальчик поит лошадь. Все эти мотивы пронизаны чувством радости, поэзией счастья, и даже если в них порой звучат ноты грусти, эта грусть светлая и ясная.

Когда в 1948 году на персональной выставке в Москве Чуйков представил свою «Киргизскую колхозную сюиту», все эти творческие принципы тогда уже сложившегося мастера словно засветились, засияли почти в каждом из произведений серии: «Песня», «Утро», «Полдень», «Вечер», «Дочь Советской Киргизии». Композиция, соотношения цветов, позы и движения героев — все построено у Чуйкова на точном расчете, все является итогом продолжительной работы и вместе с тем сохраняет свежесть первого впечатления.

В картине «Утро» особенно полно воплотилось стремление мастера к классической простоте и гармонии. Люди и пейзаж исполнены здесь покоя. Ничто не нарушает мерного ритма движений, пластической ясности форм. Чуйков удивительно точно находит жест женщины, заслонившейся рукой от утреннего солнца. В этом жесте бытовая достоверность сочетается с величием, с той врожденной красотой, которой наделила природа простых людей всей земли. Чуйков словно соизмеряет с царственным обликом киргизской крестьянки окружающую природу, делая человеческую фигуру критерием пластической красоты. Он находит убедительные соотношения фигуры с дальним планом, с силуэтами гор, домов, лошади и всадника. Он выбирает своеобразную точку зрения, которая позволяет сообщить образу женщины монументальность.

О том, как упорно ищет художник сюжетное решение, композицию и колористическую гамму, могут свидетельствовать многочисленные эскизы к «Утру» или «Вечеру». В каждом из них — свое настроение, особое ощущение времени дня, своеобразная живописная и световая задача. В «Вечере» Чуйков стремится найти для избранной темы наиболее проникновенный мотив, наиболее поэтическое решение, передающее состояние природы и людей. Художник хочет, чтобы его картина была спокойной и мелодичной, как задумчивая и протяжная народная песня. В картинах Чуйкова обычно не показаны какие-либо значительные события. Редко художника интересует драматическое столкновение героев. Почти никогда сюжеты не содержат в себе развернутого повествования. Он любит изображать человека в длительном состоянии задумчивости, размышления или созерцания.

В картине «Дочь Советской Киргизии» — одном из самых знаменитых произведений Чуйкова — большой социальный смысл великих преобразований, происшедших в жизни киргизского народа, воплощен в простом, бессобытийном сюжете. Фигура девочки с книжкой в руке и далекие бескрайние степи с цепью гор на горизонте — вот, собственно, и все, что изобразил художник. Но в фигуре и лице молодой героини Чуйкова выявлена та глубина сосредоточенности, которая может сравниться лишь с сосредоточенностью самого художника, благоговейно дотрагивающегося кистью до холста, прорабатывающего каждый самый маленький участок его поверхности.

Все то, чего добился Чуйков в «Киргизской колхозной сюите», стало достоянием и следующего цикла, названного «У нас в Киргизии». Многие мотивы перешли из сюиты в этот цикл. Как бы родной сестрой «Дочери Советской Киргизии» стала «Дочь чабана». Образ девочки в этой работе получил более камерное истолкование и реализован в совершенной форме. Художник приблизил фигуру к зрителю, заполнил пятном ее силуэта почти всю плоскость холста, добился гармоничной пластической характеристики образа. Композиция оказалась одновременно замкнутой и подвижной, уравновешенной и живой. Эта пластическая гармония раскрыта тонко, свободно. Она подкреплена гармонией колористической, в которой уравновешены сложность и единство, подвижность и цельность образа. В картине нет ярких пятен. Красные, розовые тона пробиваются сквозь серые и коричневые, вступая между собой в сложные связи.

Тому, кто смотрит на произведения живописи равнодушным и поверхностным взглядом, может показаться, что художник повторяет себя: в его обширном наследии мы найдем не одну девочку с арбузом, не одну женщину, смотрящую вдаль навстречу солнцу, не одну снежную вершину, освещенную лучами заходящего солнца. Но нигде никогда Чуйков не повторяется. Он варьирует, ищет, идет вперед, совершенствует свой замысел, оттачивает форму. Многие мотивы поздних работ коренятся в ранних этюдах и эскизах. Например, у картины «Живая вода», написанной в 1966 году, есть предшественники тридцатилетней давности. Но какими свежими красками заиграла она, не утратив непосредственности тех впечатлений, которые давным-давно впервые обозначили пути искания художника. Сколько перепробовал он вариантов композиции, сколько раз заменял одного героя другим, пока наконец не остановился на том композиционном и живописном решении, которое и воплотил в картине. Путь художника был долог и труден, но сам он не считает, что созданная им картина «закрыла» тему: в будущем он собирается вернуться к ней.

В «Живой воде» сюжет предельно прост: обнаженная девочка лежит в камнях и, как завороженная, смотрит вниз на журчащую и текущую мимо прозрачную воду; она углубилась в созерцание и словно замерла в тихом изумлении перед чудом природы. Из привычного мотива Чуйков извлекает предельную пластическую выразительность. Он находит гармоничное соотношение фигуры и формата холста, мягко противопоставляет плавные линии тела и колкие ритмы силуэтов камней, разные направления движения — фигуры и воды.

Во всех картинах Чуйкова природа оказывается важным действующим лицом — она как бы живет с человеком одним настроением. Как у великого Иванова, который всегда был для Чуйкова главным учителем, в картинах художника жизнь человека в природе течет с непринужденной естественностью.

Не случайно пейзаж занимает в творчестве Чуйкова столь значительное место. На некоторых этапах творческого развития мастера пейзаж становится для него даже главным жанром.

Пейзажи Чуйкова всегда композиционны. Смотрим ли мы на законченные картины или на пейзажные этюды, мы всегда ощущаем результаты композиционного мышления художника, находим равновесие в соотношении объемов, ритме силуэтов, линий, наконец, движения кисти. Чуйков умеет очень тонко — с помощью градации цветов — передавать пространство. Цвет у этого мастера является одним из самых существенных средств эмоционального воздействия, не только помогая строить форму, но и позволяя почувствовать объем и пространство. Он, как драгоценный камень, несет в себе самостоятельную красоту. Цветовые пятна у Чуйкова горят или мерцают, теплятся или переливаются. Подчас художник добивается необыкновенной изысканности. Цвет для него — один из главных аргументов в пользу красоты мира. Почти всегда Чуйков изображает горы. То их цепи громоздятся друг на друга, увлекая вдаль глаз зрителя и заполняя собой весь холст. То на их фоне разворачиваются долины — с деревьями, горными речками, синими лентами вьющимися по каменистой почве. То они еле заметной полосой замыкают горизонт. Горы помогают живописцу передать состояние гордого величия, спокойной возвышенности, которое ищет художник в природе. Часто пейзаж приобретает у него эпическое звучание, хотя и всегда сохраняет лирическую теплоту, отзвук великой любви художника к родной земле.

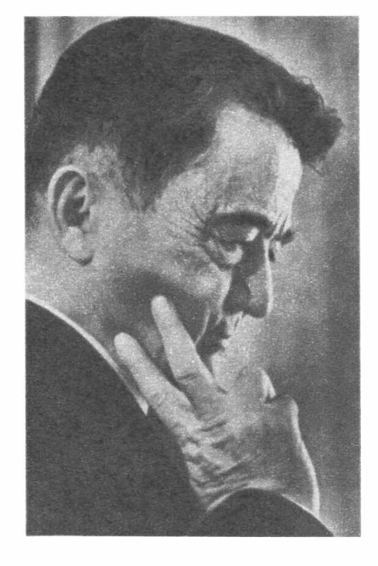
В последние двадцать лет немало картин Чуйкова посвящено Индии. Эта легендарная страна очаровала художника своими людьми, природой, архитектурой. Индия в сознании советского художника оказалась близкой его родной Киргизии, и это помогло ему постичь душу страны и характер дружественного народа. У Чуйкова не было стремления зафиксировать что-то экзотическое. Его влекло в самую гущу народной жизни. В ней художник искал источник красоты, сравнивая живых, современных женщин и мужчин с древними индийскими статуями, полными совершенства. В многочисленных портретах художник раскрывал национальное своеобразие народа, подчеркивая мужественность, гордость и доброту рабочих и кули, мягкость, чистоту души, тихую доверчивость индийских женщин и девушек, то задумчивых и мечтательных, то погруженных в созерцание, но всегда внешне сдержанных и полных внутреннего величия.

Картина «В пути» — как бы символический образ Индии, идущей по «дороге надежд». Картины «На набережной в Бомбее вечером», «Вечернее раздумье», «Песня кули» и многие другие воспринимаются как мечтательное воспоминание художника о прекрасной стране, полной поэзии. Но лирические замыслы Чуйкова получают здесь своеобразное воплощение. Две последние из перечисленных работ Чуйкова свидетельствуют о том, что в пятидесятые — шестидесятые годы художник движим стремлением к еще большей монументальности образа, к еще более широким обобщениям. Не случайно так полюбилась Чуйкову в последние годы форма триптиха. В 1960 году появился первый — «О простых людях Индии» (куда вошли и «Песня кули» и «Вечернее раздумье»); второй — «Они хотят жить» — в 1967 году. Каждый из них требовал огромного труда, долгого пути, последовательного и упорного восхождения к монументальному образу.

Живая Индия глядит на нас с полотен советского живописца. И в этом взгляде слились надежда, радость, боль, печаль, непостижимая красота. Добрый, прекрасный народ, его старая культура, его отзывчивая и широкая душа — все воплотилось в искусстве. Не зря на выставке, состоявшейся в 1968 году в Дели и Мадрасе, сами индийцы признали нашего художника своим: они нашли в его произведениях подлинную правду о своей стране.

В предисловии к книге художника «Образы Индии» поэт Н. С. Тихонов писал, что пробиться к настоящей жизни, к индийскому народу сквозь толщи случайных впечатлений и обычных трафаретных наблюдений мог только человек, поставивший себе целью большой, настоящий, творческий замысел. Действительно, Чуйков пробился сквозь многие препятствия и сумел прийти к широкому обобщению, возникшему на основе больших и серьезных мыслей, глубоких знаний, сильных чувств, вдумчивого художнического опыта.

Сегодня путь художника продолжается. Чуйков идет дальше, учится у жизни, у него сохраняется напор молодости, к которому прибавилась теперь мудрость зрелости. Художнику не дает покоя ощущение того, что главное еще впереди.

ЭНЕРГИЯ ДОБ

КАМИЛЬ ЯШЕН,
Председатель правления Союза писателей Узбекистана, Председатель Советского Комитета по связям с писателями стран Азии и Африки.

Нет силы более жестокой и разрушительной, нежели сила вражды и ненависти между людьми, между странами, между народами. Развалинами городов Древнего Египта и Согдианы, свежими руинами сел на многострадальной земле Вьетнама, пеплом и кровью, гарью пожарищ и слезами сирот история доказала эту непреложную истину со всей прискорбной, трагической ее очевидностью.

Лучшие умы, самые благородные души испокон веков мечтали о том светлом дне, когда народы, распри позабыв, заживут на земле единой дружной семьей. Из бездны столетий доносится к нам этот зов, выраженный в песне сказителями, в прекрасных легендах о царстве солнца и разума, в словах мудреца. Ибо если правда, что нет в мире силы более жестокой и разрушительной, нежели силы вражды и ненависти,— правда и то, что нет в мире энергии более доброй и созидательной, нежели энергия, рожденная дружбой людей и братством народов.

Неоспоримым свидетельством, вещественным доказательством этого служит наша земля, каждая пядь и каждое мгновение жизни которой — незыблемый памятник дружбы и братства народов. Безжизненные пустыни, превращенные в цветущий оазис,— это результат совместных, дружных усилий советских народов. Заводы и фабрики, искусственные моря и грандиозные электростанции, возродившие и обновившие нашу землю,— это тоже плоды дружбы народов. Как и знамя Победы, в мае 1945 года водруженное над поверженным в прах фашистским рейхстагом. И вовсе не тайна, что одним из главных источников той энергии, которая движет советским космическим кораблем на неизведанных путях к звездам, является монолитный интернационализм советских людей, свободных и равноправных социалистических наций. Вот почему как самый великий и светлый праздник отмечают народы нашей страны день 30 декабря. Именно в этот исторический день 50 лет назад был создан и узаконен братский союз народов — Союз Советских Социалистических Республик. У истоков его вдохновителем и творцом стоял величайший мыслитель, революционер, интернационалист Владимир Ильич Ленин и созданная им партия коммунистов.

Трудно учесть и измерить все значение этого факта для развития национальных культур, национальных литератур тех народов, что вошли в великое советское братство. Можно без преувеличения сказать: мировая история еще никогда не создавала объективных условий, более благоприятных для бурного расцвета каждой национальной культуры, не стимулировала этот процесс столь энергично, планомерно, повсеместно.

Сегодня, спустя 50 лет с момента образования Союза Советских Социалистических Республик, ярче и убедительней всяких слов об этом говорят сами факты, тот большой урожай, что произрос на нашей литературной ниве.

Новыми соками налились старые, древние литературы, такие, как русская, армянская, грузинская, таджикская, узбекская. Вышли на всесоюзную, а затем и на международную арену литературы сравнительно молодые — киргизская, казахская, башкирская, балкарская. Многие народы, до революции вообще не имевшие своей письменности, в условиях капитализма вымиравшие физически и духовно, выработали свою письменность и заложили основы самобытных национальных литератур, которые лучшими образцами своими вошли в золотую сокровищницу многонациональной советской литературы. Сегодня эта литература создается и публикуется на 74 языках. Великое, прекрасное многообразие! Именно о нем говорил с трибуны XXIV съезда Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев: «Вызывает большое удовлетворение тот факт, что плодотворное развитие литературы и искусства происходит во всех наших республиках, на десятках языков народов СССР, в ярком многообразии национальных форм».

Еще на заре Советской власти В. И. Ленин учил, что новая, социалистическая культура может развиваться, только вобрав в себя и освоив лучшие традиции национальной культуры прошлого. Это мудрое указание вождя революции стало основой, на которой росла и формировалась молодая литература социализма. Следуя лучшим традициям собственной национальной культуры прошлых веков, развивая и приумножая эти традиции, каждый из наших братских народов творил литературу, глубоко национальную по формам и средствам образной выразительности.

Однако при всем разнообразии национальных литератур народов Советского Союза в самом главном, в самом существенном они едины и монолитны. Это главное — их социалистическое содержание, их коммунистическая идейность, их интернационализм. Потому что на каком бы языке ни писал советский литератор, на какие бы национальные традиции ни опирался, он всегда отстаивает наши общие интересы, борется за единые цели всей семьи братских народов.

Так неповторимо и сугубо национальное органически сплеталось с интернациональным, рождая новую по своему существу литературу социалистического реализма.

Впрочем, природа этой новой культуры была бы раскрыта не до конца, если бы не было сказано о важнейшем ее свойстве — взаимосвязях и взаимовлияниях национальных литератур, о процессах постоянного и активного взаимообмена, взаимообогащения, которые связывают все советские литературы в единое целое.

Да, единство в многообразии, многообразие в единстве — такова суть явления, именуемого «многонациональная советская литература». И пусть злобствующие теоретики империализма усматривают в этом противоречие, кричат о нивелировании национальной специфики или, наоборот, о тенденциях к отмежеванию в национальных литературах нашей страны, пусть кричат, не умея или не желая понять диалектической природы отношений между братскими литературами социализма. Это не помешает нам еще больше крепить наши творческие связи и эстетические контакты, приумножая тем самым богатство и славу каждой отдельной национальной литературы, общей, интернациональной советской литературы в целом.

Огромный, неоценимый вклад в развитие советской многонациональной литературы принадлежит гению М. Горького — его художественному опыту, литературно-теоретическому творчеству, организационной деятельности. Идейная и эстетическая ценность его замечательного творчества не потеряла своего значения и сегодня — для читателей, которым книги М. Горького служат большой школой жизни, для писателей, которые учились и учатся у М. Горького высокому искусству правдивого и мужественного слова.

Глубокое, радикальное воздействие на формирование многонациональной советской поэзии оказало творчество выдающегося русского поэта-новатора Владимира Маяковского.

Сегодня, в эти юбилейные дни, оглядываясь на славный 50-летний путь, пройденный многонациональной советской литературой, мы с чувством глубокого уважения и признательности берем в руки книги тех замечательных корифеев, что стояли у ее истоков,— украинца Павла Тычины, белорусов Янки Купалы и Якуба Коласа, узбека Хамзы Хаким-заде Ниязи, таджика Садриддина Айни, казаха Сакена Сейфуллина, абхазца Дмитрия Гулиа, киргизов Токтогула Сатылганова и Тоголока Молдо, туркмен Кермоллы и Молламурта, башкира Габдулмажита Гафури, латыша Андрея Упита, балкарина Кязима Мечиева, армянина Акопа Акопяна, азербайджанца Мамеда Ордубады, грузина Галактиона Табидзе, татарина Хади Такташа и многих, многих других.

Характерная особенность раннего этапа развития советской литературы состояла в том, что она объединила национальные литературы, находившиеся на разных, порой весьма далеких друг от друга, стадиях исторического развития. На крайних полюсах ее лежали литературы с богатыми традициями и большим творческим опытом, с одной стороны, и литературы «бесписьменных» народов, обладавшие лишь устными формами народного творчества,— с другой. Предстояло в кратчайший срок поднять эти последние до уровня передовых литератур, чтобы впоследствии они как равные вошли в общесоюзный литературный процесс, привнося в него свою специфическую краску, дополняя этот процесс своим самобытным и неповторимым национальным колоритом.

Условия социализма позволили решить эту задачу поистине исторического масштаба в несколько десятилетий. И сегодня мы уже по праву гордимся теми успехами, которые одержаны молодыми литературами в самых разных и самых сложных жанрах художественного творчества.

Не секрет, что одним из таких сложных жанров, свидетельствующих об идейно-художественной зрелости данной национальной литературы, является жанр романа. Он успешно разрабатывается не только русскими мастерами, такими, как М. Шолохов, К. Федин, Л. Леонов, К. Симонов, Г. Марков, М. Шагинян, не только в украинской литературе, где традиции имеют уже глубокие корни, но и казахским писателем Мухтаром Ауэзовым, узбекским прозаиком Абдуллой Кадыри, мастером туркменской литературы Берды Кербабаевым. Сегодня этот жанр успешно осваи-

РА И СОЗИДАНИЯ

вается писателями народов Севера и Дальнего Востока, где письменная литература только недавно оформилась. Я имею в виду романы чукчи Ю. Рытхэу, манси Ю. Шесталова, нивха В. Санги, якута Н. Золотарева, нанайца Г. Ходжера, юкагира С. Курилова, историческое повествование карела Н. Яккола. Прекрасным примером быстрого роста и творческого возмужания молодых национальных литератур в условиях социализма является дилогия кабардинского писателя Алима Кешокова «Вершины не спят».

Черпая из общесоюзной художественной сокровищницы новые для себя жанры и формы, писатели молодых национальных литератур создают самобытные произведения, имеющие самостоятельную эстетическую ценность. Теперь уже произведения представителей этих молодых литератур и сами оказывают влияние на литературу других братских народов, в том числе и тех, чье воздействие испытывали когда-то и продолжают испытывать на себе в настоящее время.

В этом смысле весьма характерна история узбекского романа. Как известно, художественная проза в современных ее жанровых формах зародилась у нас только в первые годы революции. А сегодня мы уже говорим о национальных традициях узбекского романа, его вкладе в общесоюзную романическую библиотеку. И это закономерно.

При всей неоспоримости творческих воздействий, которые испытывал узбекский роман со стороны других литератур, он уже с момента своего рождения был явлением вполне самобытным. Осваивая опыт русской классической и советской романистики, ориентируясь на достижения других литератур, узбекские писатели опирались и на богатое наследие своей собственной национальной прозы, корни которой уходят в глубокую древность, на традиции и способы художественного освоения мира, выработанные веками развития народного творчества и классической поэзии.

Таким образом, формирование узбекского романа определялось двумя важнейшими факторами — опорой на лучшие традиции своей собственной национальной культуры прошлого и творческим освоением опыта других литератур, прежде всего русской классической и советской. Результатом взаимодействия двух этих факторов, помноженного на индивидуальный талант писателя, его знание новой, социалистической действительности, явились в узбекской литературе романы Айбека и Шарафа Рашидова, А. Каххара, А. Мухтара, Х. Гуляма, Р. Файзи и многих других литераторов.

Не менее прочными, устойчивыми и плодотворными являются наши связи в области поэзии — жанре, где всеми советскими литературами достигнуты поистине выдающиеся успехи. Поэзия стала духовной пищей каждого советского человека, поэзия Николая Тихонова и Алексея Суркова, Михаила Исаковского и Степана Щипачева, С. Наровчатова, М. Луконина, Н. Грибачева, Д. Кугультинова, К. Кулиева, М. Дудина, М. Карима, Б. Слуцкого, Е. Евтушенко, А. Вознесенского. Высоким гуманизмом, проникновенной народностью, тонким художественным мастерством отмечены стихи и поэмы последних лет, созданные на всех языках народов Советского Союза: на таджикском — Мирзо Турсун-заде, на армянском — Сильвой Капутикян, на аварском — Расулом Гамзатовым, на узбекском — Зульфией и Уйгуном, на украинском — Миколой Бажаном и Платоном Воронько, на грузинском — Карло Каладзе и Ираклием Абашидзе, на туркменском — Кара Сейтлиевым, на молдавском — А. Лупаном и Е. Буковым, на литовском — Э. Межелайтисом, на латышском — Я. Судрабкалном, на белорусском — М. Танком и А. Кулешовым.

Как человеку, всю жизнь связанному с узбекской драматургией и театром, мне хотелось бы сослаться на факты из нашей истории. Никогда не забыть, какое значение имело для нас приобщение к передовой русской культуре, помощь, которую оказывали людям моего поколения русские писатели, режиссеры, критики.

Важно отметить такое обстоятельство. Вступив в пору зрелости, молодые национальные литературы не потеряли и не ослабили творческих связей с литературой и искусством других народов. Наоборот, эти связи стали еще более плодотворными, ибо в их основе — небывалый подъем культуры тех народов, которые в прошлом не имели развитых форм современного искусства. Теперь процесс духовного обмена становится двусторонним: каждый народ что-то заимствует и осваивает, чем-то сам делится с другими.

Активное творческое взаимодействие существует и между теоретиками, историками и критиками различных национальных отрядов советской литературы. Изучая специфические явления, происходящие в своей национальной литературе, литературоведы вместе с тем подымаются к осмыслению закономерностей, свойственных единому творческому процессу интернациональной литературы социалистического реализма.

Проблемы изучения культурного наследия прошлого и современных литературных процессов, своеобразие и новаторство многонациональной советской литературы, взаимовлияние и взаимообогащение национальных культур нашей Родины, теоретические вопросы социалистического реализма и художественного перевода — таковы основные направления наших исследований. С живым и заинтересованным вниманием изучаются нашими литературоведами и критиками также и литературные процессы в странах социализма, в освободившихся уже или освобождающихся от колониальной зависимости государствах Азии, Африки и Латинской Америки. Предметом глубокого изучения советских литературоведов и критиков является творчество писателей Запада.

Этот интерес не случаен. Он обусловлен интернациональной сущностью советской литературы, интернационализмом многомиллионной армии советских читателей. Да, нам не безразличны судьбы арабской, вьетнамской, индийской литературы, как не безразличны нам судьбы этих народов. С глубоким сочувствием относится советский народ, а значит, и кровно связанный с ним советский писатель, к справедливой борьбе героического народа Вьетнама против американских империалистов, к борьбе арабских народов против израильских агрессоров.

Велики, неисчислимы успехи, достигнутые многонациональной советской литературой. Они были признаны XXIV съездом КПСС, а это для советских писателей высшая честь и лучшая награда.

«В истекшее пятилетие,— говорил в Отчетном докладе съезду Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев,— наши литература, театр, кино, телевидение, изобразительное искусство, музыка дали советским людям много нового, интересного, талантливого. Появились новые произведения и постановки, которые реалистично, с партийных позиций, без приукрашивания, но и без смакования недостатков освещают прошлое и настоящее нашего народа, сосредоточивают внимание на действительно важных проблемах коммунистического воспитания и строительства».

В противовес упадочнической буржуазной литературе, отъединяющей и размежевывающей людей, отчуждающей их друг от друга и от общества в целом, советская литература воспитывает в своих читателях чувства человеческой общности, единства в борьбе за светлые идеалы демократии, прогресса, социализма. Она проникнута высокой и светлой верой в благородство и могущество человеческой натуры, в право народов на свободу и счастье. И в этом ее глубочайший гуманизм, в этом же и органически присущий ей социальный оптимизм.

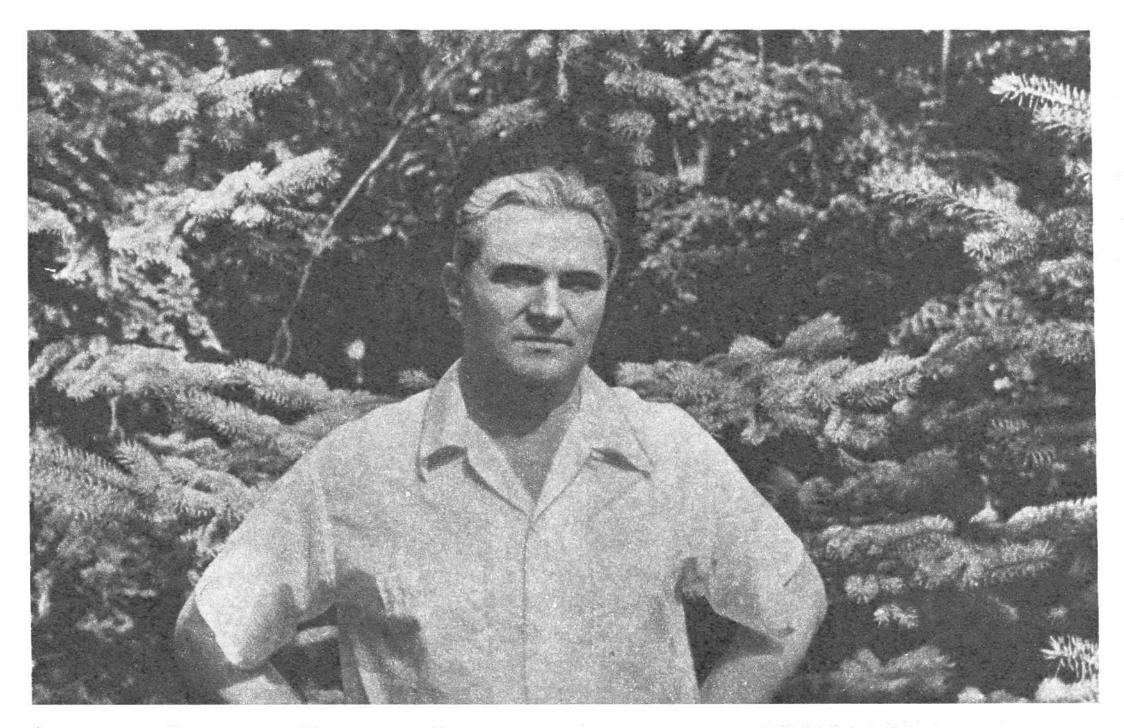
Сила многонациональной советской литературы прежде всего в том, что она несет великое слово правды о жизни, организованной на новых, социалистических началах, о творцах этой новой, свободной и счастливой жизни — спаянных вечной и нерушимой дружбой советских народах. Именно этим в первую очередь объясняется то влияние, которое оказывает она на умы и сердца миллионов читателей во всех странах мира, то воздействие, что оказывает на развитие всей современной мировой прогрессивной литературы.

Эффект ее действия обусловлен прямой и открытой тенденциозностью в защите интересов трудового народа и человека из народной среды, ее пристрастием к изображению наиболее важных и актуальных проблем современного мира, активным соучастием в решении этих проблем, постоянством симпатий к национально-освободительной борьбе народов, стонущих под игом империализма, рвущих цепи колониального рабства.

Мировой резонанс литературы социалистического реализма, творимой представителями всех национальностей нашей страны, объясняется также и тем, что это литература высокого художественного мастерства, тонкого психологизма, глубокой культуры языка, многообразия стилей, литература, соединяющая в себе высокую интеллектуальность с волей к действию и бойцовским темпераментом, чувство исторической перспективы с приверженностью к событиям живой современности, философский рационализм с лирической эмоциональностью.

Многонациональную советскую литературу зачастую называют художественной летописью строительства социализма. Определение справедливое, но, пожалуй, неполное. На всех этапах строительства нового общества советская литература была не только свидетелем, летописцем событий — всей сутью и духом своим, энергией мысли и импульсом страсти она активно боролась за торжество великих идей революции. И в том, что сбылись, осуществились эти идеи, что миру зла и межнациональной вражды противостоит сегодня мир дружбы и братства народов, есть доля заслуг и нашей многоязыкой литературы.

В эти ясные и светлые дни народы Советской страны отмечают великую дату — 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик, первой в мире державы, основанной на началах свободы и равноправия, дружбы и братства народов. И как всегда вместе с народом, в самой гуще его — певцы и сказители, глашатаи и трибуны, солдаты и строители — советские литераторы.

Академик Валентин Петрович Глушко.

я. «Боюсь, уйдете в глухую защиту». Играет со мной, как кошка с мышкой. Затихла компания — ждет, что будет дальше. Взорвало меня: «У нас не детские забавы. Или спрашивайте, или...» Журналисты поощрительно заулыбались — видимо, устроила их моя прямота. Американцу ничего не оставалось, как выплеснуть свой вопрос: «Какое у вас горючее для ракет?» Может, было и не к месту, но тут я рассмеялся: «Только и всего? А тянули, будто в иных парламентах».

Отвечать не пришлось. Взял со стола наш проспект — специально он изготовлен для посетителей павильона,— отчеркнул то место, где было сказано о горючем для ракет, вручил журналисту-американцу. «Читайте сами»,— сказал. Забегали маленькие глазки-буравчики — видно, догадался американец, что сам себя посадил в калошу. Стоял растерянный, медлил. «Да, пожалуйста, читайте»,— попросили его коллеги. Пришлось читать вслух, для всех. Кто-то захихикал, кто-то хлопнул американца по спине: «Горишь, Джек». Жалкий у него вид. Что любопытно — коллеги не выразили ему сочувствия. Недолюбливали, что ли, или просто не поддерживают в своей среде тех, кто хочет белое обернуть в черное, слишком явно показывает некомпетентность и терпит фиаско. Но, видимо, американец не соглашался сгорать. Он отступил в сторону, приосанился, как бы готовясь к прыжку. «Нет, здесь что-то не так!— прокричал он.— Это горючее не для всех ракет, только для одной серии». Снова атакует сомнением. Я перешел в контратаку: «Какая серия упущена?» Опять ускользающее выражение глаз.

ГОРЮЧЕЕ ДЛЯ РАКЕТ

Н. МЕЛЬНИКОВ

Академик Валентин Петрович Глушко о себе рассказывать не любит. Поэтому, собирая материалы о творцах советской ракетной техники, я зашел к его коллеге — Василию Степановичу, своему давнему знакомому. И вот когда мы с ним разговаривали об эпопее создания двигателей для ракет, из папки с документами и фотографиями вдруг выпал снимок.

— Вот он где, голубчик! А я-то всюду его разыскивал, думал, посеял!— воскликнул Василий Степанович.

На снимке я заметил самого Василия Степановича и каких-то незнакомых людей с кино- и фотоаппаратами — вся компания смеется над растерянным, пухленьким человеком.

— Василий Степанович, скажите, если не секрет, что тут происходит?

— Какой уж секрет... После встречи с иностранными корреспондентами. Забавная история, скажу вам.

— Почему забавная?

— Хотя бы потому, что вышло, как в сказке — сапожник печет пироги. Заинтриговал?

Открытая улыбка осветила крупное лицо Василия Степановича, сделала его задорно-детским. В нем всегда была эта особенность — подсмеиваться над собой, ставить собственную персону в невыгодное положение. Товарищи говорят: «Василий Степанович берет себя на крючок».

— Подводит меня покладистость,— снова улыбнулся Василий Степанович.— Вот и там, на «ЭКСПО-70», в Японии, занесло в сторону...

— В Японии и произошла эта встреча?

— Конечно. Видите, сколько местных журналистов... Придется, видно, рассказать.

— Да, придется, Василий Степанович... Уж как хотите.

— На выставке я превратился в халифа на час. Точнее, в гида на один день. Прихворнул наш гид по космической экспозиции. Директор павильона, мой старый друг, взмолился: «Василий Степанович, выручай. Ты знаешь языки, знаком с техникой. Прибывает группа инженеров, ученых, тебе с руки с ними поговорить». Отказаться не смог. На правах временного гида этим туристам все объяснял и показывал. Ничего, обошлось — публика понимающая, спрашивает по существу. Директор павильона пошутил: «Под старость лет, если отойдешь от науки, возьмем тебя штатным гидом».

Настроил себя на успешный лад и не заметил, что с тыла мне грозит опасность. Позади скопились какие-то люди, потом обступили меня со всех сторон. Один из них, маленький, толстенький, с изрядной лысиной господин, оказался перед моими глазами, представил себя — американский журналист, потом представил других — его коллеги из разных стран, японцы, французы, немцы... От знакомства с такой компанией, согласитесь, не мудрено растеряться даже храбрейшему человеку. Я не храбрец и к тому же впервые попадаю в эту среду. Пока хлопаю глазами, смотрю на них, как на представителей другой планеты. «Не согласитесь ли отвечать на наши вопросы?» — спрашивает американец. «Не наделен полномочиями,— отвечаю.— Я не официальное лицо». «С официальными мы уже встречались,— говорит американец.— Нам интересно мнение советского ученого. Как у вас, русских, принято, поговорим по-хорошему». Отступать некуда. «Ну что ж, по-хорошему или по-плохому, но разговора, видно, не избежать»,— подумал я.

Разговор проходил тут же, у наших экспонатов. Вначале все катилось гладко — вопросы деликатные, для меня простые. Я щелкал их как семечки. Но чувствую, что-то готовит мне американский журналист. Помалкивает, у самого ускользающие, недобрые глаза. Потом пробуравил меня своими колючками, спросил: «Можете честно ответить на мой вопрос?» «Мне кажется, так и ведем разговор»,— сказал

«Могу подсказать, если хотите: действительно, одно топливо к ракетным двигателям не обозначено в проспекте,— сказал я.— Точнее, компонент, жидкий окислитель — азотная кислота и раствор азотного тетроксида. С ними у наших первых конструкторов однажды даже произошло любопытное приключение». «О, это интересно!— оживились журналисты.— Посвятите, пожалуйста...» «Это было давно, на заре нашего ракетостроения — в начале тридцатых годов...» «Простите, разве у вас тогда были ракеты?»— спросил журналист из Западной Германии. На него зашикали, зашумели: мол, не к месту прерывает рассказ. Немец настаивал: «Я хочу знать. Это для меня важно». Ясно, почему важно: немцы часто утверждают, будто с их «фау» пошла вся родословная ракет. А что было у нас в тридцатых годах, далеко не все знают. Пришлось устроить просветительный урок. Я показал журналистам в самом начале стенда снимки наших первых ракет, двигателей.

«Мы не отвлеклись, наоборот, приблизились к нашему рассказу,— сказал я.— Вот на снимке те самые первые двигатели, которые питались азотной кислотой и раствором тетроксида. Видите, они тоже выпуска начала тридцатых годов. Конструировал их тогда совсем молодой человек, было ему двадцать с небольшим лет, Валентин Петрович Глушко. Уже к двадцати годам он имел печатные труды о наблюдениях за Марсом, Венерой... Со школьной скамьи увлекся астрономией, переписывался с отцом космонавтики Циолковским. «У меня одна мечта и страсть — создать космическую энергетику, способную к межпланетным сообщениям»,— писал он тогда. Могу подтвер-

дить: он действительно человек одной, но пламенной страсти. Я знаю его ракетные начинания. Правда, узнал об этом позже, когда еще зеленым юнцом — студентом пришел к нему на практику. Он уже тогда был профессором, известным ученым».

В конце двадцатых годов один из английских лордов, политических деятелей — фамилии не помню — побывал в нашей стране. Под конец поездки он попросил показать Петропавловскую крепость в Ленинграде. Исходил все казематы, где когда-то, при царском строе, сидели политические ссыльные. Сказал: «Эта крепость — самая большая достопримечательность. Она выражает дух России». Через два года тишину крепостных стен разбудил ракетный гром. Этого грома не слышал английский лорд, не слышала заграница. Интересно: что бы там сказали? Может быть, кто-то из умных, дальновидных деятелей понял: вот что теперь выражает дух России. На свет вышли первые ростки новой, ракетно-космической эры.

Ракетные двигатели испытывал во дворе Петропавловской крепости Валентин Петрович Глушко. Гром первенцев услышали в Москве. К тому времени уже появлялись первенцы ракеты. Без двигателей они не могли летать. Валентина Петровича вызвали в Москву для показа своих «движков». Показать, конечно, в работе, в движении — любая машина мыслится только в движении. И тут выяснилось: в готовности двигатели, но в Москве нет к ним горючего. Точнее, нет в запасе окислителя — ни азотной кислоты, ни раствора азотного тетроксида.

Первые наши ракетостроители забежали со своими творениями на многие годы вперед. Тогда (в начале тридцатых годов) общее развитие страны, бедной по наследству от царского строя, разоренной гражданской войной, и наш научный, технический уровень еще не были готовы к этому скачку. В жизни есть свои закономерности. И есть свои двигательные силы. Наши конструкторы, ученые, отдаваясь целиком ракетостроению, и были теми самыми двигателями, которые подталкивали, ускоряли технический прогресс.

Что же произошло дальше? Глушко решил доставить окислитель — одну десятилитровую бутыль азотной кислоты — из Ленинграда. Бутыль уложили в корзину со стружками. Но как ее доставить в Москву? Два дня Глушко решал эту проблему. В товарный вагон не пустят — опасно, горючее. Самолетом еще опаснее. Один выход: провезти окислитель незаметно в пассажирском вагоне.

Перед отправлением поезда поднялся страшный переполох. Всем показалось: горит вагон, когда азотная кислота бурым дымом заклубила по вагону. Нашего героя сняли с поезда, отправили в ГПУ. Он беспокоился не за себя. Как теперь быть с окислителем, с показом двигателей? Ведь его ждут в Москве. Конечно, «злоумышленника» отпустили, а окислитель со временем был доставлен. Вот в каких муках, с какими приключениями рождались компоненты горючего для первых советских ракет и двигателей. Начинали почти на пустом месте, с нуля... Теперь уже летают большие корабли, межпланетные и орбитальные станции.

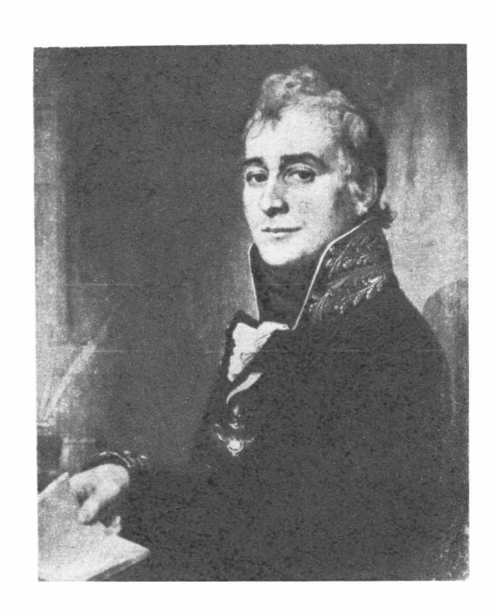
Какой скачок между началом, истоками и сегодняшним днем! А ведь все это произошло в небольшой срок — какие-то сорок лет. За одну человеческую жизнь — целая эпоха. Столько сделать, достигнуть за небольшое время — чудо!

Василий Степанович, вышагивая по кабинету, снова остановился у письменного стола, развернул кипу иностранных газет. На многих из них выделялись подчеркнутые строчки.

— Вот послушайте, как они отозвались на мою беседу,— проговорил он.— Не знаю, что написал американский журналист, немцы, французы, не видел газет. А японские прихватил с собой. Любопытно написано: «Советский ученый сказал журналистам, что их самое действенное горючее — творческая сила людей. Он подтверждал эту мысль на примере своих товарищей». Еще послушайте: «Русские гордятся своими зачинателями. И они, видимо, имеют на то право». Честно написано. Возражений не имею,— с открытой, доброй улыбкой завершил он свой рассказ.

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО.

ДО ПОСЛЕДНЕЙ ИСКРЫ ПАМЯТИ

Фамильным гербом старинного рода Бестужевых был золотой пятилистник на черном поле щита. И, словно раскрыв тайный смысл этого символа, Прасковья Михайловна Бестужева родила мужу пятерых сыновей. Четверым из них суждено было вписать свои имена в одну страницу российской истории — страницу, омрачившую первый день царствования Николая I и потому столь ненавистную ему и столь важную в развитии русского общественного сознания. Все четверо, хотя разными путями и с разной степенью участия в тайных обществах, пришли на Сенатскую площадь. И всем им пришлось разделить участь политических ссыльных — особо опасных государственных преступников. Наиболее видным из них был Александр Александрович Бестужев, известный нам не только как декабрист, но и, под именем Марлинского, как выдающийся литератор своего времени. Он был ближайшим другом К. Рылеева, вместе с ним писал агитационные песни и издавал быстро снискавший себе популярность журнал «Полярная звезда». Его энциклопедический ум, одаренность и пылкие, страстные суждения о литературе ценил Пушкин. Его знали как первого в России критика, обоснователя и теоретика русского романтизма. Такие статьи его, как «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 года и начале 1825 года», заложившие фундамент для известных годовых обзоров Белинского, будоражили все литературные круги того времени. Имя Бестужева-Марлинского долго не сходило с уст читающего российского общества, ибо каждое его выступление в печати было сенсацией. И пусть далеко не все равноценно в художественном наследии этого писателя, след, оставленный им, не теряется в просторах нашей словесности хотя бы потому, что, говоря словами Белинского, «его сочинения останутся навсегда любопытным памятником той литературной эпохи, которая так резко отразилась в них».

Страсть к сочинительству и бойкая безудержная фантазия проявились в нем очень рано. Этому способствовал преемственный интерес к литературе и просвещению, царивший в семье военного артиллериста, инженера и широко образованного человека своего времени — Александра Федосеевича Бестужева, который был одним из издателей замечательного по своему общественному направлению «Санкт-Петербургского журнала» и автором любопытной книги «Опыт военного воспитания относительно благородного юношества», в которой просветительные идеи западной литературы были применены к условиям русского общества. Как знать, не отсюда ли следует вести линию гражданской настроенности братьев Бестужевых... Особенное рвение и жадность к книгам с детских лет проявил Александр. Правда, очень скоро, едва мальчику исполнилось десять лет, эта прекрасная для него книжная эпопея кончилась — он был отдан в горный корпус. Однако увлекающаяся, склонная к постоянным переменам натура дала себя знать: не доучившись, он оставляет корпус; влюбленный и томящийся новой страстью — морем, готовится в гардемарины, потом, бросив и это, собирается стать артиллеристом. Затем и эта мечта рассеивается, и впереди новое — офицерские эполеты. Да только к ним путь тоже нелегок — 19 месяцев юнкерской службы, почти равной по своей тягости службе солдатской... Но неустанное самолюбие и стремление к первенству даже меж братьями, быстрее его продвигавшимися по служебной лестнице, сделали свое. Он получил офицерский чин в 1817 году. Прошло восемь лет — и вот этот блестящий гвардейский офицер, красавец, живой, остроумный, оказывается в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, на поселении в Якутске, наконец, в действующей армии на Кавказе. Шпага, сломанная над его головой, и сожженный мундир — знак гражданской казни, навсегда отняли возможность прежней жизни. Новая, томящая своей бесправностью, заставляет самого его искать смерти... Но есть еще одно спасение — писать. И из-под пера его после долгого перерыва одна за другой выходят повести: «Лейтенант Белозор». «Подвиг Овечкина и Щербины на Кавказе», «Испытание», «Фрегат Надежда» и, наконец, «кавказская быль» — «Аммалат-бек». Пишет он уже неторопливее, спокойнее — меньше романтической выспренности, вычурности и нарядного фейерверка слов, — все ближе к глубине и правдивости характера. Сами условия, в которых находился писатель, выдвинули вместо ультраромантического героя с его непомерными страстями на первый план героя нового. Марлинский, по верному замечанию многих его исследователей, сумел «открыть» русского солдата и офицера в литературе, может быть, даже предвосхитив знаменитые лермонтовские образы. Естественны и исполнены легкого романтического очарования фигуры горцев — это двойственный, неуравновешенный, диковатый Аммалат-бек, это цельный, благородный, трагический Мулла-Нур, это нежная, любящая Салтанет... Одним словом, повести «Аммалат-бек», «Мулла-Нур», равно как и другие, могут быть и сегодня прочитаны с большим интересом, ибо они увлекают яркой красочностью образов, экспрессией слова, эмоциональностью мышления автора.

Да, на Кавказе Бестужев пишет много. Но сердце, оставленное там, за линией Кавказского хребта, неудержимо тянет в Петербург. Только вот растаяла уже последняя надежда — несмотря на героическое участие в военных действиях и возвращение офицерского звания, ходатайство о переходе на гражданскую службу отклонено. Разве что рана, полученная в сражении, может дать право ждать отставки... Идет неумолимо время — давно уже нет Рылеева, Грибоедова и многих, с кем сводила его судьба на дорогах жизни и литературы. В последнее сражение, стоившее Александру Бестужеву жизни, он вызвался сам, хотя возможность удачи той операции на мысе Адлер была призрачная. Думают, что он искал в гибели выход из тяготившей его судьбы. На эти предположения наводит и духовное завещание, написанное за несколько часов до трагической смерти.

Последним трудом Бестужева был перевод на русский язык поэмы Мирзы Фатали Ахундова на смерть Пушкина, который оставался для него талисманом «до последней искры памяти» и которого он пережил лишь на несколько месяцев.

Борис ПРИМЕРОВ

Юрий ЖУКОВ

Фото автора.

СКАНДИНАВСКА

Минувшим летом мы, группа советских журналистов, совершили увлекательное путешествие в Скандинавию. Нам повезло: против ожиданий, ни разу не потребовались ни зонтики, ни плащи. Норвежцы и шведы, привыкшие к своему сумрачному, дождливому климату, сами поражались: на протяжении нескольких недель ни одна тучка не омрачала горизонт. Даже в Бергене, обычно хмуром и холодном, нам объявили: «Можете смело купаться в фиорде — температура атлантической воды достигла двадцати шести градусов!»

Ослепительно синее небо, сочная, изумрудная зелень лугов, белоснежные паруса яхт на голубых озерах, живое серебро рыбы на прилавках неописуемо нарядных портовых рынков, веселая желтизна зреющих нив, малиновые домики фермеров, разбросанные среди скал и лесов,— Скандинавия была воистину необычна и удивительна в эти жаркие летние дни тысяча девятьсот семьдесят второго года. И люди ее были настроены приветливо и добродушно в эти долгие-долгие светлые дни, хотя — мы видели это! — забот у них, конечно, было хоть отбавляй.

О том, как живут наши соседи по ту сторону Балтики, уже написано и рассказано очень много, и вряд ли я мог бы добавить что-либо существенное к тому, что всем известно из сочинений таких глубоких знатоков Скандинавии, каким был, например, покойный Геннадий Фиш. И если я рискнул все же вставить и свое словечко, то лишь потому, что уж очень яркими оказались впечатления от этого ослепительного лета.

Пусть же лягут на эти страницы наши дорожные впечатления такими, какими они буквально ворвались в наши записные книжки, где мы их торопливо фиксировали, щурясь от нестерпимо яркого солнца. Пусть вместе с нами читатель взглянет хоть краешком глаза на эту скандинавскую мозаику.

КОМНАТА АЛЕКСАНДРЫ КОЛЛОНТАЙ

В одном из самых живописных и, я бы сказал, уютных уголков Стокгольма, над синим-синим озером стоит красивая ослепительно белая вилла советского посольства. Здесь всегда людно: шведы хорошо знают дорогу сюда. Приходят политические деятели, люди делового мира, профессора, писатели, журналисты.

Многие из них стали частыми гостями нашего посольства давно — еще в те времена, когда оно помещалось на тихой улочке Виллагатан в обычной квартире жилого дома, а послом в Швеции была тогда одна из первых большевичек, Александра Коллонтай, чье имя неразрывно связано с историей наших отношений со скандинавскими странами. Еще до революции она — тогда политическая эмигрантка — подолгу жила и работала то в Швеции, то в Норвегии, выполняя ответственные поручения Ленина. А после революции, уже в 1923 году, ее командировали в Христианию,— так тогда называлась столица Норвегии, нынешний Осло,— сначала торгпредом, а затем послом; потом Коллонтай долгие годы работала послом в Швеции.

Особенно сложные и трудные задачи выпали на ее долю во время войны с гитлеровской Германией, но она с ними отлично справилась: недаром Коллонтай столь терпеливо долгие годы «плела кружева», как она любила говорить,— ее широкие политические и деловые связи позволили сделать многое. Именно она через крупнейшего шведского финансиста Маркуса Валленберга вступила тогда в секретный контакт со своим старым знакомым, финским деятелем Паасикиви, который впоследствии стал президентом Финляндии. Таким путем была достигнута договоренность о выходе Финляндии из войны...

В один из вечеров мы встретились на вилле советского посольства с активистами общества «Швеция — СССР», которое было создано еще до войны опять-таки заботами Александры Коллонтай. Тогда его возглавлял известный шведский ученый, профессор Вильгельм Пальмэр. На приеме нынешний посол Советского Союза в Швеции Михаил Данилович Яковлев познакомил меня с пожилой, но весьма энергичной и подвижной ясноглазой женщиной.

— Это наш хороший друг Ева Пальмэр,— сказал он.— Активнейшая деятельница общества. Дочь его основателя... Наша дружба переходит из поколения в поколение... Сейчас вы это увидите...

Михаил Данилович пригласил нас в заветную комнату, которая бережно сохраняется в посольстве как символ долгой традиции,— ее обстановка перенесена сюда из старого особняка на улице Виллагатан, где жила и работала Коллонтай. Старинная светлая мебель округлых линий, русский самоварчик и посуда, настенные тарелки с этюдами, изображающими русскую зиму, альбом с фотографиями. Александра Коллонтай начала свою дипломатическую работу в Стокгольме, когда ей было уже пятьдесят восемь лет, уехала она отсюда семидесятидвухлетней, и было это в незабываемом 1945 году...

— Да, я очень хорошо помню те годы,— взволнованно сказала Ева Пальмэр.— Помню и Александру Михайловну, и ее сына Мишу, и внука Владимира, который жил с бабушкой,— это была самая молодая и самая энергичная бабушка из всех, каких я только знала...

— Между прочим, внук Александры Михайловны не так давно побывал в этой комнате,— заметил посол.— Он теперь уже стал профессором, приезжал в Стокгольм на научную конференцию. Вошел — и застыл от волнения, словно ожило перед ним его стокгольмское детство... «Узнаю их,— сказал он,— указывая на тарелки с русскими зимними видами на стене: они висели в комнате у бабушки»...

Ну вот, а теперь в этой комнате советский посол принимает верных друзей — уже во втором и третьем поколении. Политические «кружева», которые терпеливо и усердно плела на Виллагатан Александра Коллонтай, оказались на редкость прочными и красивыми!

НОРВЕЖСКИЕ ЗАБОТЫ

Осло. Притихшие на время летних каникул чистенькие улицы и площади. Отлично ухоженные парки... Широко раскинулась столица Норвегии — здесь живут около пятисот тысяч человек, а город занимает четыреста пятьдесят квадратных километров. Налево и направо кварталы новых, современных домов из бетона, смешанного с шершавой щебенкой и галькой; этот строительный материал придает городу своеобразный суровый колорит, под стать суровому скандинавскому климату. Много памятников из давно потемневшей бронзы. И вдруг неожиданным контрастом — сверкающее всеми красками радуги буйное цветение всюду: на балконах домов, вдоль улиц, на скалах, вырывающихся из-под земли среди правительственных зданий, жилых кварталов, торговых центров,— везде-везде вперемежку розы и скромные ромашки, горделивые стрелы гладиолусов и обыденные метелки вереска.

И всюду удивительно пестрая, по-курортному шумная и беззаботная толпа отдыхающих людей. Многие шлепают по теплому асфальту босиком, парни в одних трусах, девушки в весьма смелых купальных костюмах, и это никого не смущает. На горе Хольменколлен у подножия колоссального трамплина, где зимой проходят соревнования лыжников, образовалось крошечное озерко, вода нагрелась, и там вовсю идет купание, летят брызги во все стороны.

Может показаться, что вся деловая и политическая жизнь замерла— ведь все и вся в отпуске, предприятия прекратили работу на несколько недель, и даже в правительстве, говорят, остались на посту только три-четыре министра, остальные уехали на отдых. Но вот на стене я вижу свежую надпись: «Нет Общему рынку!». Встречаю бородатого молодого человека в майке; на ней типографским способом отпечатано: «Да!». У здания городского театра — толпа; люди рассматривают плакат, на котором написано: «Норвегия не продается!» Молодой художник изобразил в карикатурном виде каких-то деятелей, выступающих за то, чтобы Норвегия присоедини-

лась к западноевропейскому экономическому сообществу. В толпе возникает спор, одни поддерживают художника, другие нападают на него...

В опустевшем на лето правительственном здании меня принимает министр социального обеспечения Одд Хейдал, высокий, худощавый, по-спортивному подтянутый, как большинство норвежцев. Он пока еще на работе, но через несколько дней уедет в Москву: министр приглашен туда нашим Союзом советских обществ дружбы — ведь он не только член правительства, но и один из лидеров профсоюзов и председатель совета общества «Норвегия — СССР». А в Осло хорошо понимают значение сотрудничества с Советским Союзом: ведь у нас на севере общая граница, а экономические связи между нашими странами насчитывают уже давнюю историю. И еще — здесь не забыли о годах войны с гитлеровской Германией.

Утром мы побывали на кладбище, где стоят рядом памятники норвежцам и советским солдатам, полякам и голландцам, датчанам и шведам, погибшим в боях на норвежской земле, хотя Швеция оставалась нейтральной в войне, это не могло помешать шведам-антифашистам тайно перейти границу и принять участие в общей борьбе.

— Да, мы все это помним,— твердо говорит министр.— И мы полностью разделяем ваше мнение о том, что безопасность нашего континента может быть обеспечена только

Я МОЗАИКА

на основе общеевропейского сотрудничества. Вот почему Норвегия, так же как Советский Союз и Франция, выступает за безотлагательный созыв общеевропейского совещания. Да, за безотлагательный!..

Он делает паузу, потом говорит, глядя куда-то в угол:

— Вы, конечно, знаете, что у нас сейчас идут споры о вступлении Норвегии в «Общий рынок». Многие опасаются, что расширение «Общего рынка» усугубит раскол Европы, что консервативные силы будут клонить дело к формированию западноевропейского военного блока... Мы считаемся с этой возможностью, но полагаем, что малые страны Западной Европы — Норвегия в том числе — смогут воспрепятствовать такому развитию.

Реальны ли такие расчеты? Смогут ли малые страны оказывать сколько-нибудь заметное влияние на политику и развитие сообщества, решающую роль в котором будут играть западноевропейские державы? И разве не лучше было бы попытаться наладить экономическое сотрудничество в общеевропейском масштабе? Эти вопросы весьма бурно обсуждаются в Норвегии, и я не хочу сейчас затрагивать их. В конце концов вопрос о вступлении в «Общий рынок» — это дело самих норвежцев, им решать и им же принимать на себя последствия решения [1].

Во всяком случае, я вижу, что все норвежцы — и те, кто носит на груди надпись «Да», выступая за присоединение к «Общему рынку», и те, кто требует сказать «Нет»,— единодушны в одном, как бы ни повернулось дело, надо — обязательно надо! — сохранять дружественные отношения с Советским Союзом (хотя Норвегия и остается членом НАТО), развивать экономические связи с социалистическими странами, бороться за скорейший созыв общеевропейского совещания.

Ну что ж, это лишний раз подтверждает, что здравый смысл, присущий норвежцам, в конечном счете берет верх над конъюнктурными соображениями...

ДОМИК НА «ХОЛМЕ ТРОЛЛЕЙ»

Два дня мы прожили в Бергене, в этом удивительном городе с тысячелетней историей, где древние деревянные, с остроконечными крышами домики ганзейских времен соседствуют с современными могучими зданиями, острый запах соленой рыбы смешивается с тонким ароматом роз, а на рассвете вас будят басовитые гудки кораблей и душа испытывает непередаваемо щемящее чувство тоски по дальним странствиям. Этот город открыт упругим морским ветрам, и люди там привыкли не расставаться с прорезиненными плащами.

Когда мы сошли с поезда, совершив поистине головокружительный спуск с «крыши Норвегии», где лежат вечные снега и звенят водопады, рождающиеся у подножия глетчеров, небо хмурилось, было сыро, и кто-то из спутников уныло сказал: «Похоже на то, что шуточная история о Бергене, которую нам рассказали вчера, оправдывается. Помните: здешнего мальчугана спрашивают, давно ли начался дождь, а он отвечает: "Не знаю, мне только семь лет..."»

Однако нам неожиданно повезло, к утру произошла полная перемена декораций: небо засверкало лазурью, стало по-южному тепло, кристально чистый морской воздух был на диво прозрачен, и, когда мы поднялись в фуникулере на высокую гору, нам открылся один из прекраснейших в Европе видов — синие горы, голубой фиорд, белые корабли, зеленые парки, оживленные улицы. Там, внизу, были и ультрасовременные заводы, светлые корпуса которых стоят на берегу моря среди высоких сосен и берез, и бойкие торговые кварталы, разукрашенные разноцветными флагами, и опустевший на лето университет, и театры, и музеи...

Обо всем, что мы там увидели, можно было бы рассказывать очень долго. Но сейчас, когда я вспоминаю о Бергене, мне хочется рассказать читателю лишь об одном уединенном уголке в пригороде, где жил человек, имя которого так много говорит любому из нас,— Эдвард Григ. Там, в тихом дачном поселке, носящем романтичное название Трольдхауген, что значит «Холм троллей» (сказочных норвежских гномов), на высоком скалистом холме, который стеной обрывается в морской залив, стоит простой бревенчатый домик, где жил и творил этот выдающийся норвежский композитор, чья музыка столь нам близка и понятна.

Вспомните, сам Чайковский, его современник, почуял в Григе родственную душу; он был рад знакомству с ним, и в домике на «Холме троллей» до сих пор бережно сберегается его фотография, подаренная Григу, а в музее Чайковского есть снимок Грига, полученный Петром Ильичом от него. В своем «Автобиографическом описании путешествия за границу в 1888 году» Чайковский так написал о своем норвежском собрате:

«В его музыке, проникнутой чарующей меланхолией, отражающей в себе красоты норвежской природы, то величественно-широкой и грандиозной, то серенькой, скромной, убогой, но для души северянина всегда несказанно чарующей, есть что-то нам близкое, родное, немедленно находящее в нашем сердце горячий, сочувственный отклик...»

С волнением поднялись мы по скрипучим ступенькам этого небольшого, скромного дома, где все осталось, как было при жизни композитора,— небогатая мебель, керосиновые лампы и свечи, рояль, полученный Григом в подарок, когда он отмечал серебряную свадьбу со своей верной спутницей — датской певицей Ниной, урожденной Хагеруп. На бревенчатых, некрашеных, сучковатых стенах — фотографии, рисунки, венки, которыми венчали композитора на юбилейных концертах. И еще венки, но уже в память о нем, которая существует долгие годы, и на одном из них надпись: «От государственного хора русской песни. 27 марта 1947 года».

А на веранде, где любил отдыхать Эдвард Григ со своими гостями, мы увидели высеченный из цветного мрамора скульптурный портрет легендарной Сольвейг, романтичной героины фантастической философской драмы Генрика Ибсена «Пер Гюнт», изумительную музыку к которой написал Эдвард Григ. Интересна история этого бюста: скромный учитель из Уфы, любитель-скульптор и страстный поклонник музыки Грига, решил увековечить облик Сольвейг. Он связался через наше посольство с обществом «Норвегия — СССР», и вот через Балтику на пароходе доставили в Советский Союз глыбу норвежского мрамора. Уфимский учитель высек из нее скульптуру, и вот она — в жилище Грига. Теперь ею любуются тысячи поклонников композитора, приходящих в его дом...

Спустившись по крутому склону холма к самому берегу фиорда, мы подошли к укрывшейся в густой зелени крохотной избушке с единственным широким окном. В ней — рояль, столик и стул. Именно здесь, в строжайшем уединении, слушая пение птиц и шорох волн, писал свою музыку Григ. Он никому не разрешал приходить сюда. И только детишки из соседнего поселка иногда тайком подкрадывались к хижине и, прячась в кустах, слушали, как он играет на рояле.

Говорят, что однажды Григ, возвращаясь в дом, нашел под кустом уснувшую девочку: она устала от неподвижного сидения и задремала. Он был тронут и разрешил ей в виде исключения заходить в его избушку, когда он работает. Так решилась судьба этой девочки: она начала учиться музыке и стала известной певицей. Звали ее Агга Фрик.

Солнце уже коснулось воды, когда мы, обойдя «Холм троллей», подошли к нависшему над фиордом рыжеватому утесу. В лучах заката четко вырисовывалась надпись, высеченная на камне: «Эдвард и Нина Григ» — они погребены там, в скале. Это было любимое место композитора,— сидя под скалой, он часто провожал солнце, любуясь в летние вечера долгим северным закатом. Здесь он и просил похоронить себя. Скончался Григ в 1907 году. Его жена Нина пережила его на двадцать девять лет...

---

[1] В итоге референдума, который состоялся 24—25 сентября, договор о вступлении Норвегии в «Общий рынок» был отвергнут норвежским народом. В Норвегии было сформировано новое правительство во главе с председателем христианско-народной партии Л. Корвалом.

СТОКГОЛЬМСКИЕ ВСТРЕЧИ

Я не был в Швеции лет пятнадцать и теперь с жадным любопытством всматривался в облик этой интересной страны, такой знакомой и вместе с тем уже незнакомой. Лишь традиционный центр Стокгольма с королевским дворцом, старым средневековым городом, монументальной ратушей, над которой сверкают три золотые короны, с романтичными фиордами, озерами и каналами остался неизменным, тем же самым, по которому мы когда-то бродили с Александром Фадеевым, Александром Корнейчуком и Ильей Эренбургом, приезжая сюда на заседания Всемирного Совета Мира. Но деловые кварталы теперь совсем иные — к небу взметнулись новые многоэтажные здания своеобразной, впечатляющей архитектуры; резко увеличилось движение на улицах; появились новые станции метро; над некоторыми улицами, как в Нью-Йорке и Токио, поднялись эстакады — градостроители пытаются как-то «расширить» закупоренные автомобилями магистрали.

В эти дни я встречался со своими старыми друзьями и знакомился с новыми для меня людьми — государственными и общественными деятелями, журналистами. Постоянный участник наших «круглых столов» пятидесятых годов, заседания которых посвящались борьбе за мир, тогдашний муниципальный советник, социал-демократ Ялмар Мер теперь стал губернатором Стокгольма. Его коллега по партии, многолетний депутат риксдага Кай Бьорк, с которым мы не раз встречались на заседаниях межпарламентского союза, сейчас совмещает парламентскую деятельность с важной работой на посту советника министра иностранных дел. Другой депутат риксдага, Бенгт Шьомелль, член правления партии центра, руководит объединением мелких и средних промышленников. Йоста Юханссон — секретарь Центрального Комитета Левой партии — коммунисты. Естественно, у них разные, чаще всего прямо противоположные, взгляды на вещи. Но я вижу, что всех их — каждого со своего угла — волнуют и тревожат одни и те же проблемы.

О чем речь? Вызывают большую тревогу экономические трудности. Верно, конечно, что Швеция, насчитывающая свыше восьми миллионов жителей, входит в первую десятку капиталистических стран по валовому национальному продукту (производство плюс услуги), что по его объему на душу населения эта страна стоит на втором месте после Соединенных Штатов Америки, причем треть всего, что производят шведы, идет на экспорт. Но всякая экономика только тогда прочна, если она развивается и растет из года в год. А в Швеции за 1971 год промышленное производство увеличилось всего на полпроцента, а валовой национальный продукт и того меньше — на 0,3 процента. Капиталовложения упали едва не на одну треть.

И сразу же посыпались беды: дефицит государственного бюджета (в текущем финансовом году он достигнет 4,1 миллиарда крон!), рост дороговизны, безработицы, а значит, и всеобщего недовольства. А впереди выборы в риксдаг. Стоящие уже несколько десятилетий у власти социал-демократы встревожены: правые партии, используя понятную озабоченность народа, переходят в наступление, толкая перед собой, как таран, партию центра, руководство которой у них в плену.

А тут еще серьезные трудности в международных делах. До недавнего времени Швеция вместе с Норвегией и Данией входила в зону свободной торговли (ЕАСТ), созданную по инициативе Англии как противовес «Общему рынку». Это вполне устраивало шведов, оставшихся верными традиции нейтралитета: ведь в «Общем рынке» они справедливо видели инструмент Атлантического блока. И вдруг Англия, предавая собственное детище, сама ринулась в «Общий рынок». За нею — правительства Норвегии и Дании. Что же делать? Идти за ними? Но что тогда станется с политикой нейтралитета?..

Швеция и еще несколько стран избрали «средний путь»: не вступление в «Общий рынок» и не отказ от вступления, а подписание договора о свободной торговле с этим сообществом. Представители правительства уверяли меня, что такое решение не отразится на политике Швеции. Представители оппозиции не соглашались с этим. Они говорили, что стоит протянуть заправилам «Общего рынка» палец, как те отхватят всю руку. В одном соглашались все, и мы, советские журналисты, в том числе: как бы ни развернулись события, что бы ни случилось, одно должно остаться неизменным — традиционное шведско-советское деловое сотрудничество. За это и социал-демократы, и центристы, и коммунисты...

«ПОДВОДНАЯ ПОМПЕЯ»

Вы входите в огромный странный ангар, и волна теплого, почти горячего, влажного воздуха бьет вам в лицо. Слышится журчание воды. Перед вами какие-то скрипящие деревянные леса, по которым медленно движется толпа. Приглядевшись, вы видите за этими лесами нечто необычайное, невероятное, точно приснившееся вам во сне: там высится огромный, многопалубный корабль из почерневшего, мореного дуба, приплывший на встречу с вами прямиком из семнадцатого века, точнее говоря, из 1628 года.

Это и есть знаменитый линкор короля Густава Адольфа Вазы II. Король был очень горд своим огромным кораблем и назвал его своим именем. Но увы! Как оказалось, корабль был плохо сконструирован, у него была неправильная центровка, и, выйдя в свое первое плавание, он тут же, в стокгольмском фиорде, накренился, зачерпнул воду и пошел ко дну. Белый свет корабль «Ваза» увидел лишь триста с лишним лет спустя. Неутомимый исследователь, инженер-судостроитель и археолог Андерс Францен после долгих и упорных поисков разыскал судно на глубине тридцати двух метров в 1956 году. Пять лет понадобилось специалистам, чтобы вырвать этот корабль из илистого дна, потом, все еще держа его под водой, выгрести из трюмов и кают горы грязи, забившей их за три столетия, надежно заделать все люки, отверстия и щели, откачать воду, поднять на поверхность и отбуксировать в сухой док...

Сейчас «Ваза» проходит сложный процесс консервации — журчание, которое вы услышали, напоминает о нем: чтобы деревянный корпус корабля, пролежавший триста лет под водой, выдержал испытание воздухом, его пропитывают специальным составом. А тем временем ученые, которым выпало редкое счастье увидеть в нетронутом виде все, что было и как было на корабле во времена царствования короля Вазы II, жадно изучают свои богатейшие, поистине сказочные находки.

Войдите хотя бы вот в этот огромный зал, что раскинулся слева от того здания, в котором высится остов «Вазы». Торжественно звучит волнующая музыка Баха. Слева и справа, перед вами и позади вас сотни поистине великолепных деревянных скульптур. Известно, конечно, что в ту пору короли любили украшать свои корабли с поразительной роскошью. Современник его величества Густава Адольфа Вазы II знаменитый министр французского короля Людовика XIV Жан-Баптист Кольбер горделиво писал в ту пору: «Никто так не поражает людей и ничто так не прославляет монархов, как убранство их кораблей, самых красивых, какие когда-либо появлялись на море».

Надо увидеть, однако, это убранство, столь надежно сбереженное водами стокгольмского фиорда, чтобы составить представление о нем. Десятки, сотни великолепных деревянных скульптур в стиле барокко, созданных руками крупнейших мастеров тех времен — Ганса Клаузинка из Вестфалии, его соотечественника метра Мартина, голландца Тессона и многих других: их имена обнаружены в книге счетов стокгольмского арсенала, где строился этот корабль.

Скульпторам было велено воспеть веру и повиновение, силу и доблесть, величие шведской нации и могущество короля и его династии, изобразить в наглядных символах жизнь и смерть, грех и добродетель. И они выполнили заказ. Вот двадцать статуй римских императоров и четыре изображения Геркулеса; бесчисленные воины — то в одежде римлян, то в одеяниях шведов семнадцатого века, то с факелами и фонарями, то со львами и псами; здесь и оркестр из семи херувимов, играющих на райских трубах; здесь же тритоны, сирены...

На огромном помосте возлежит полностью реконструированная корма корабля «Ваза» — ее высота достигает двадцати метров. В центре — пышный герб короля, а вокруг него каждый дюйм покрыт разнообразными скульптурными украшениями, которые хочется долго рассматривать.

Когда работы по консервации корабля закончатся, эта корма и все позолоченные либо ярко раскрашенные скульптуры займут свое место, «Ваза» предстанет перед изумленными зрителями во всем блеске. Трудно себе представить, что столь поразительное убранство предназначалось для боевого судна, призванного идти навстречу смертоносным пушечным ядрам, которые летели на дистанцию в полторы тысячи метров и были способны пробить насквозь борт толщиной в 40—50 сантиметров...

Но ученых интересует не только искусство семнадцатого века. Эта удивительная «подводная Помпея», как прозвали шведы свою счастливую находку, позволила им проникнуть в быт корабля, узнать, как жили матросы и офицеры,— экипаж «Вазы» насчитывал 437 человек,— как они одевались, чем питались, как жили... Почти все моряки «Вазы» в тот роковой день, когда корабль пошел ко дну, успели спастись — ведь он тонул буквально у самого берега; лишь на нижней палубе был обнаружен скелет человека, раздавленного

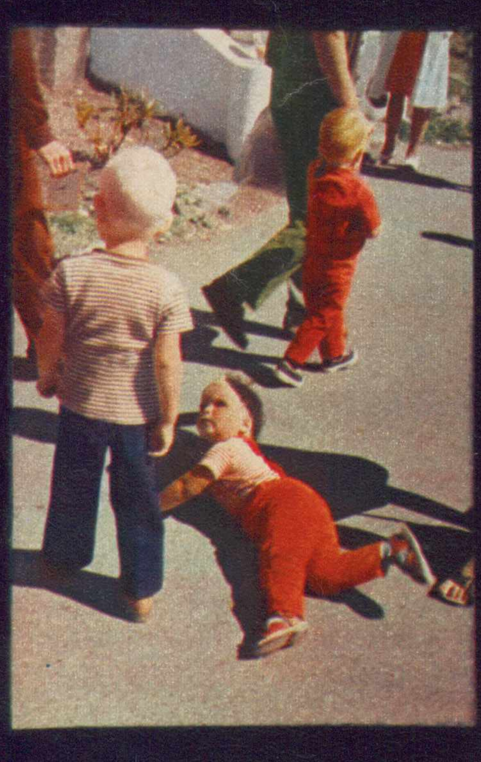
Красива Скандинавия — ничего не скажешь.

Эти юные борцы — победитель и побежденный — сняты в Бергене.

Городская ратуша Осло, столицы Норвегии.

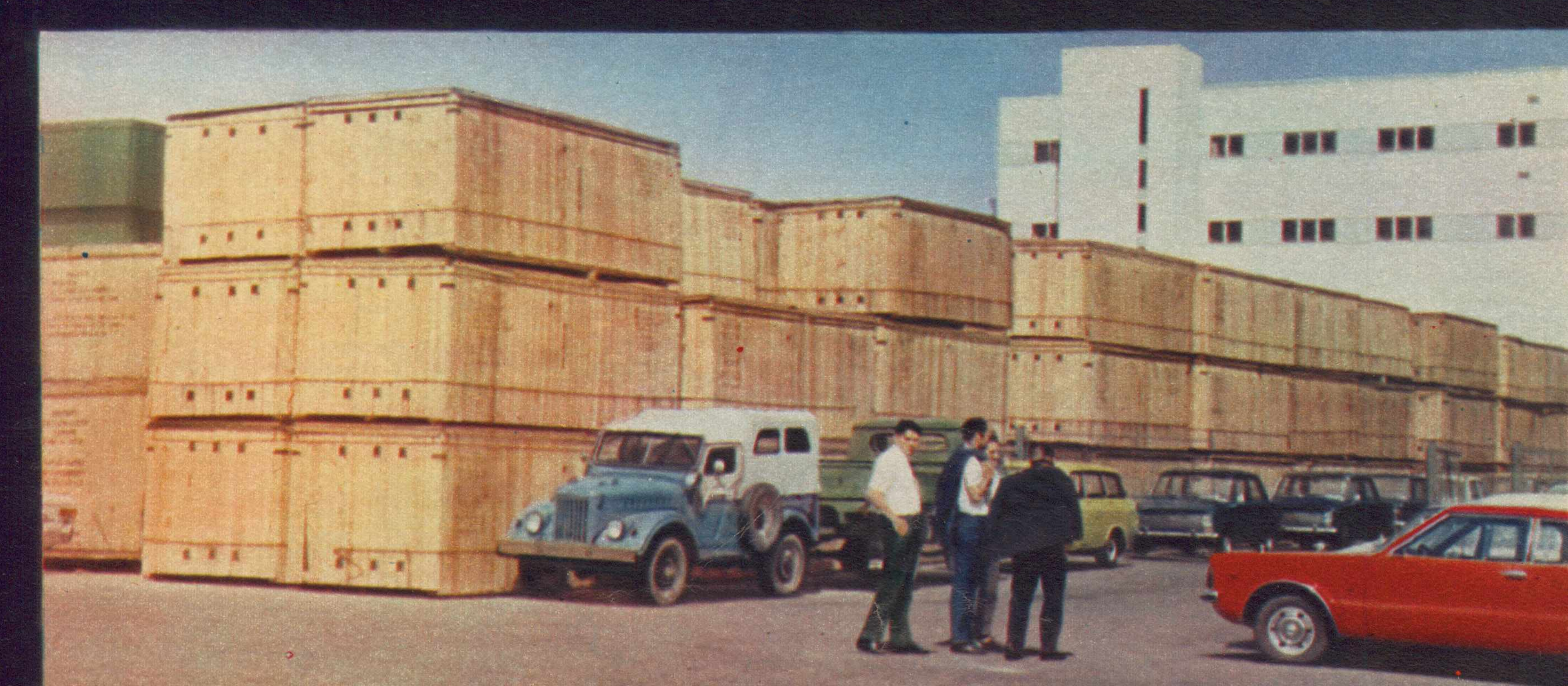
Берген. Домохозяйки спешат на рыбный базар. Справа — выловленная в море мина времен первой мировой войны. Ее поставили здесь в назидание потомкам: никогда больше!..

В этих ящиках советские машины и станки, доставленные в город Драммен, где находятся штаб-квартиры смешанных советско-норвежских фирм, торгующих ими.

Kamp
mot EEC
Nei til salg
av Norge

лафетом орудия. Все вещи команды сохранились. И вот еще один огромный зал, на территории этого нового музея, заполненный драгоценными находками, но уже иного рода. Здесь сундучок корабельного плотника со всеми требовавшимися ему инструментами; тут же шапочка плотника и его кожаные рукавицы. Рядом коробки и бочонки с остатками продовольствия, припасенного в рейс; личные вещи офицеров и матросов — широкополые шляпы, одежда, деньги — всего здесь найдено 4 тысячи медных и 74 серебряных монет, деревянные ложки, оловянные тарелки, пузырьки с лекарствами...

Быт корабля, судя по всему, был суров и резко контрастировал с пышным внешним убранством. Не сохранилось ни одной койки и ни одного гамака — значит, люди спали на голой палубе. Даже в каюте у капитана ни единого украшения; скромный стол с оловянными тарелками и деревянным блюдом, глиняная трубка, нож с роговым черенком, вилка. А у матросов один бачок на семерых и каждому деревянная ложка...

Можно не сомневаться, что, когда реставрация «Вазы» закончится, этот удивительный музей станет одним из самых популярных в Европе. Шутка ли, его посетители будут прямиком попадать из двадцатого века в семнадцатый! А сколько таких находок еще ждет археологов на дне Балтики! Специалисты мне говорили, что воды северных морей бережно хранят многие сотни потонувших в разное время кораблей — эти холодные воды губительны для морских червей, которые источили корабли, пошедшие ко дну в морях юга. Не выживают в условиях Балтики и опасные для дерева коралловые полипы.

Значит, впереди нас ждут в этой «подводной Помпее» новые интереснейшие открытия...

РАССКАЗ О ВЕРНОМ ДРУГЕ

Где бы мы ни побывали — в Осло или в Бергене, в Гетеборге или в Стокгольме, в Драммене или в Упсале,— везде и всюду нас ждал теплый прием. Конечно, и в Швеции и в Норвегии есть еще людишки старого закала, которые при виде человека «с той стороны» Балтики, то есть из Советского Союза, злобно кривятся. Но общий политический климат в Скандинавии за последние десять — пятнадцать лет существенно изменился к лучшему, и, с кем бы мы ни встречались, разговор в конечном счете сводился к одной теме: что же надо сделать, чтобы еще лучше сотрудничать.

Я перебираю сейчас в памяти беседы с министрами и депутатами парламента, журналистами и коммерсантами, фабрикантами и студентами, дипломатами и деятелями искусства — таких встреч были десятки! — и ни разу никто из тех, с кем довелось повстречаться, не сбился на жаргон «холодной войны», не попытался как-то обострить разговор. Напротив, все беседы были дружественны, и мне, конечно, было бы приятно описать их все.

Но больше всего мне хочется в заключение этого затянувшегося разговора о скандинавских встречах рассказать, хотя бы коротко, о поистине счастливой встрече с одним из тех замечательных людей, которые стали нашими верными друзьями не сегодня и не вчера, а еще полвека тому назад, когда в Западной Европе для того, чтобы публично заявить о дружбе с Советской Россией, требовалось немалое мужество...

На одном из приемов в советском посольстве в Стокгольме наш посол подвел меня к высокому, плечистому, седому как лунь шведу и сказал, тепло улыбаясь: «Вот один из тех, чьи портреты так и просятся на страницы романа! Знакомьтесь: Йоста Кемпе, наш друг с первого выстрела «Авроры»...»

Седой богатырь немного сконфуженно усмехнулся: «Ну, так уж и на страницы романа... Таких, как я, в Европе тысячи!» Он был не очень склонен рассказывать о себе, но более молодые товарищи помогли мне набросать хотя бы самыми беглыми штрихами облик Йосты Кемпе, действительно одного из самых верных друзей нашей страны, убежденного революционера, ленинца...

Этому человеку было семнадцать лет, когда в России победила Октябрьская революция. Он был сыном железнодорожного машиниста и сам готовился стать паровозником. Известия из Петрограда потрясли его. Он глубоко уверовал в то, что путь, избранный русскими рабочими, крестьянами и солдатами, единственно правильный, и вскоре после возникновения в Швеции коммунистической партии записался в нее и стал ее активным членом.

На всю жизнь Йосте запомнилась первая поездка в Советский Союз. Было это, как он припоминает, году в двадцать пятом. К нам направилась тогда первая шведская рабочая делегация — триста человек. Двинулись на пароходе почему-то через Эстонию, которая тогда была под сапогом у жестокой реакционной буржуазной диктатуры. Власти встретили нежданных транзитников злобно. Вначале они вообще отказались впустить «красных путешественников» на эстонский берег. Шведы взбунтовались. Разразился скандал. Власти подали прямо к борту вагоны, погрузили туда необычных туристов и отвезли их в Нарву. Шведские рабочие думали, что их сразу же пропустят в Советскую Россию, но не тут-то было: их задержали, словно преступников. В Москве узнали об этом. Были приняты необходимые дипломатические шаги, и после долгих проволочек шведская рабочая делегация наконец ступила на советскую землю...

— Навстречу нам вышел весь пограничный советский город,— с волнением вспоминает Йоста.— Люди ждали нас восемь часов. На советском паровозе, который вез наш поезд, было написано по-шведски: «Велькоммен!» («Привет!»). На перроне стояли столы: чай и бутерброды для изголодавшихся гостей. А потом был Ленинград. Нас поселили в Смольном. Вы представляете себе, какая это была честь — жить в штабе Октябрьской революции! Нас возили на предприятия, мы встречались с рабочими. Меня и других паровозников приняли в почетные члены советского профсоюза железнодорожников...

Потом была Москва. Москва двадцатых годов, со всеми трудностями и сложностями того периода. Но Йосту Кемпе и его друзей эти трудности не смущали. Они глядели далеко вперед, их радовало, что теперь есть на свете страна, которой правят сами рабочие и крестьяне и которая заявила на весь мир, что она построит социализм. И, когда делегация вернулась в Швецию, они без устали выступали на собраниях и рассказывали об увиденном.

Несколько лет спустя Йоста Кемпе вернулся в Москву, чтобы учиться. Вскоре он стал видным деятелем Шведской коммунистической партии. В 1935 году участвовал в конгрессе Коммунистического Интернационала, а затем стал представителем своей партии в штаб-квартире Коминтерна. В годы войны Йоста Кемпе был убежденным и стойким антифашистом и в 1944 году был избран в риксдаг. Депутатом риксдага он оставался до 1948 года...

Сейчас Йосте Кемпе пошел уже восьмой десяток, и ему трудней вести активную партийную работу. И все же он не уходит от общественной деятельности. В этом году, например, вспомнив о своем первом путешествии в Советский Союз и о том, какое огромное впечатление оно произвело на него, тогда молодого железнодорожника, он организовал поездку по тому же маршруту шестидесяти железнодорожников нынешнего поколения.

— Ну, и с каким настроением они вернулись, Йоста?

— Блеск! Все в восторге...

А две недели тому назад Йоста сам побывал в Мурманске. Разговаривал с нашими рабочими, моряками. Приглядывался к жизни советских людей семидесятых годов, сравнивал ее с жизнью поколения двадцатых годов. Глядел по-стариковски строго, не давая себе умиляться тем, что видел. Остался доволен: что и говорить, прогресс величайший. Но кое-что он по-дружески готов критиковать.

— Мне показалось,—говорит он,—что вы недостаточно рассказываете своей молодежи о значении победы над Гитлером, о том, какая это была страшная чума — фашизм. И еще о том, что было бы, если б вдруг победил Гитлер. Конечно, победить он не мог бы, поскольку советский народ в духовном отношении был неизмеримо сильнее гитлеровцев. Но все-таки надо постоянно напоминать молодым о мерзости фашизма и о его ужасах. Упаси вас бог успокоиться и утратить бдительность...

Йоста вдруг расплывается в улыбке и хитро подмигивает...

— Про бога я просто так, для красного словца, как вы выражаетесь...

Глядел я на этого человека и вспоминал многих других ветеранов рабочего движения, с которыми сводила меня счастливая журналистская судьба под разными широтами и на разных меридианах: на шахтах Сент-Этьена во Франции и в каменном мешке Манхеттена в Нью-Йорке, в тесных каморках японских городов Фукуока и Осака, в открытом тихоокеанским ветрам чилийском порту Вальпараисо и в многолюдных кварталах Бомбея и Калькутты в Индии...

Всюду и везде они бодрствуют, оставаясь в строю и работая с полной отдачей своих сил. Это самые верные наши друзья. Они всегда и непоколебимо с нами — не только в хорошую погоду, но и в грозу и в бурю.

И уж если говорить о впечатлениях от поездок за границу, то, право же, самые сильные из них оставляют вот такие, пусть даже в силу обстоятельств мимолетные, встречи, как эта...

Осло — Стокгольм — Москва.

В разгар политической борьбы против вступления Норвегии в Общий рынок афиши гласили: «Норвегия не продается», «Борись против Европейского экономического сообщества».

В этой крохотной избушке на берегу фиорда великий норвежский композитор Эдвард Григ создавал свои бессмертные музыкальные произведения.

— Кто ты, дядя!— Юная жительница древнего шведского города Упсала с интересом глядит на пришельца.

В одном из старинных кварталов Стокгольма.

На окраине Стокгольма есть сад, густо населенный скульптурами знаменитого шведского скульптора Миллеса. Здесь он жил и работал. Изваянные им фигуры всегда в движении, всегда в полете.

Юрий ФЕОФАНОВ

ИСК

ЗАМЕТКИ НАРОДНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ

Строчки из «Царя Эдипа» всплыли в сознании, как давно званные гости: не вовремя, но к месту. Вот эти:

Нам честного лишь время
обнаружит,—
Довольно дня, чтоб подлого
узнать.

Не вовремя потому, что я находился при исполнении строгой общественной должности, и всякие эмоции мне в тот день были противопоказаны. А к месту потому, что в зал суда будто вошел сам величественный Софокл и молвил то, что каждому из нас, сидящих в процессе, очень хотелось сказать.

Однако ни Софокла не было, ни наших речей. Мы слушали гражданское дело — иск о признании зятя утратившим право на жилплощадь тещи. Мне, например, очень хотелось вскочить и крикнуть, не прибегая к классическому стихосложению:

— Будьте же, ответчик, человеком!

Увы, печать молчания была наложена на наши уста...

Итак, мы рассматривали исковое заявление гражданки Д. к гражданину Л. Иск поддерживала и жена последнего, правда, уже бывшая. И мать и дочь скромно сказали, что в заявлении все написано, и добавить им нечего. Зато ответчик — он сеет разумное, доброе, вечное в качестве преподавателя торговой школы — был красноречив, как Демосфен и Цицерон, вместе взятые...

— Уважаемые товарищи судьи,— начал он,— прежде всего я должен осветить некоторые моральные аспекты дела, которое вы, я не сомневаюсь, решите мудро и справедливо. Иначе говоря, откажете в иске моей малоуважаемой теще, бывшей, простите, теще.

Выслушивать терпеливо комплименты — тоже обязанность судей. Ответчик меж тем продолжал:

— Мы познакомились с моей будущей, а теперь, к счастью, бывшей женой у ее двоюродной сестры. Это был настоящий притон, уважаемые граждане судьи. И, увы, Мириам была достойна этого злачного места. Представляете, товарищи судьи, мы с ней вдвоем выдули бутылку сорокаградусной! И она — подумайте только!— тут же совершила падение.

— Ответчик, — перебила председательствующая Таисия Прокофьевна Лебедь, женщина острая и насмешливая,— а вы разве не совершили того же падения?

— Я?!— Ответчик будто с налету остановился перед ямой.— В каком смысле? А, да. В известной степени и я, конечно. Но дело в том, граждане судьи, что она слишком хорошо знала жизнь.

— А вы, ответчик?

— Я хочу лишь подчеркнуть, граждане судьи, что только моя глубокая порядочность заставила меня на другой же день пойти в загс с этой женщиной. Только потому, что и я в какой-то степени был виноват, я предложил ей руку и сердце.

— Если быть логичным,— спросил народный заседатель,— то вы должны бы каждый раз в сходной ситуации предлагать руку и сердце. Вы и раньше предлагали?

— Эм-м... Знаете...— Л. помялся, а потом выпалил:— Девушки мне отказывали.

— А может быть, ответчик, предложение руки последовало не столько от сердца, сколько от перспектив невестиной квартиры?

— Что вы, граждане судьи! Это же ад, а не квартира! У Франсуа Мориака есть произведение «Клубок змей». Не читали? Извините, я забыл, что не должен задавать вопросов. Так это написано о квартире моей тещи. Бывшей, простите! Сущий ад!

— Что же вы хотите?

— Не надо меня выписывать.

— Как же в этом аду вы будете жить?

— А что делать? Буду мучиться...

Если я исказил что-нибудь в этом диалоге, то только в сторону преуменьшения апломба и цинизма, с которыми Л. отстаивал свои права. Жену он бросил за два месяца до родов, ни разу не навестил ее, ребенка собственного не видел в глаза. Суд вынес решение удовлетворить иск, то есть лишить бывшего мужа права на площадь бывшей жены. Придется ему уехать из Москвы домой, в Смоленскую область, если, конечно, его рука и сердце вновь не будут приняты на какую-нибудь жилплощадь.

Таково одно из многих гражданских дел, которое мы рассматривали. Оно, возможно, колоритнее, чем другие подобные, но по существу спора обычное. В народных судах подобные дела составляют «большую половину». В юридическом смысле среди них встречаются и очень сложные и достаточно очевидные. Судьи озабочены в первую очередь тем, чтобы разрешить эти споры в точном соответствии с законом.

Конечно, суд удовлетворил иск Д. не потому, что ее бывший зять вызвал не лучшие чувства. Он утратил право на площадь, ибо не живет там долее установленного срока. Это послужило главным аргументом для судебного решения. Есть у человека право или нет его — только это должен решить суд при разборе гражданского дела. Самый симпатичный человек может притязать на то, что ему не положено, и тогда надо отказать ему. И наоборот, вызывающий личную неприязнь, если имеет на что-то право, должен получить это что-то. Строго по закону. По его букве, зафиксированной в Гражданском кодексе. Судьи, если не будут следовать точной букве закона, вполне могут защитить незаконные права симпатичного человека и, наоборот, ущемить законные права несимпатичного им субъекта.

И нам приходится терпеливо выслушивать претензии, по поводу которых очень хочется сказать претенденту пару ласковых слов на ушко. Судьям, однако, не дано читать нотации. Но сидишь за высоким судейским столом и думаешь: вот ведь он, знаменитый спор «физиков» и «лириков», только сдобренный не изящными, обтекаемыми аргументами, а откровенным желанием дать по боку и «рацио» и «эмоцио», лишь бы урвать у вчерашней любимой лишнюю кастрюлю или потертый половик.

Нет, бывают предметом спора не только кастрюли,— и автомашины бывают, и дачи. Не в стоимости вещи тут дело. Что стоит дороже: выигранный иск или потерянная честь — вот в чем вопрос. Быть Человеку или не быть? Как не вспомнить тут старика Канта: люди живут не для того, чтобы жить, а для того, чтобы жить достойно. И, наверное, самое трудное — сохранять достоинство в конфликтной ситуации.

Перед судом муж и жена. Бывшие. Он шофер, она зубной врач. Делят имущество.

Наша задача очерчена иском. Мы не рассматриваем причин, которые заставили разойтись эту пару. Хотя причина всплывает: у женщины не может быть детей. Трагедия. Можно в конце концов понять и мужчину: инстинкт отцовства не так могуч, как инстинкт материнства, но он тоже существует. Невозможно, однако, понять на фоне человеческой драмы мелочные имущественные претензии мужчины:

— Полка была кухонная. За четырнадцать рублей ее покупал я, кстати, на деньги своей матери. А полки не оказалось. Пусть она отдаст мою полку.

— Где эта полка?

— Не знаю,— отвечает женщина,—господи, какое мне дело до полки! Он увез телевизор, холодильник, мотоцикл. Ну и ладно, я не претендую ни на что...

— А полки-то нет,— констатирует мужчина, потрясая описью имущества.

Перед нами не дело о жестоком убийстве или циничном насилии. Никто никого не избил, не ограбил. Он отстаивает свои законные интересы. Мы обязаны взвесить все его доводы. Мы обязаны уважать законные права гражданина. Увы, мы не в силах предотвратить удары, которые наносит женщине мужчина:

— Я же не виноват, что у нее нет детей. У меня с другой будут... уже скоро. Мне имущество нужно. Хоть та же полка...

Сильный пол утверждает свои права...

За многие годы своего судебного репортерства я привык с глубоким уважением относиться к труду адвоката. При всем благородстве (я уже не говорю о правомерности) функций защиты их порой не понимают или понимают искаженно. Иногда полагают, будто адвокат защищает не права обвиняемого в тяжелейшем преступлении, например в убийстве, а само́ убийство. Наверное, это заблуждение не наших дней, оно возникло с рождением института адвокатуры. Мне приходилось слышать защиту гнуснейших преступников, которая велась с большим достоинством, так, что, выполняя свои функции, адвокат ни словом не задел чувств другой «стороны».

На процессе, где сильный пол столь энергично отстаивал право на кухонную полку, адвокат, увы, не явил образца такта.

— Вы утверждаете, ответчица, будто отец сразу после продажи дома в Крыму дал вам тысячу рублей? Утверждаете, что «кажется, в июне»? Назовите точно день.

— Но прошло столько лет, я же не могу запомнить. Знаю, что летом... Впрочем, можно посмотреть, когда отец продал.

— В котором часу?

— Господи, да не помню. Столько же лет!

— Такое событие не запомнили? Странно...

Вы, может быть, помните западные кинофильмы, где идет допрос в суде. Там адвокат или обвинитель, что называется, давят на психику, лишь бы сбить свидетеля, опорочить его в интересах своего клиента. В нашем суде адвокат тоже защищает интересы клиента, он вправе выяснять достоверность показаний, ставить под сомнения свидетельства. Но порочить без оснований свидетеля, ловить на слове, сбивать — это недопустимо. По-

И ЧЕСТЬ

нимает же участник процесса, что через много лет какие-то детали события стерлись, «поймать» тут нетрудно. Но надо ли? Конечно, надо защищать интересы клиента. Но не любыми же средствами. Искусство председательствующего на суде и заключается в том, чтобы никак не ущемить процессуальных прав сторон, однако не допустить бестактности по отношению к «другой стороне». И Таисия Прокофьевна снимает бестактные или провокационные вопросы, которые ничуть не способны прояснить суть дела...

Когда слушаешь такого рода имущественные дела, невольно думаешь: в чем же тут суть? Не дела самого, не причин его возникновения — это более или менее ясно: надо же действительно справедливо разделить вещи. Нет, думаешь о причинах вспышек частнособственнического эгоизма. В анкетные данные посмотришь — никто на фондовой бирже не служил, к буржуазно-мещанскому сословию никто не принадлежит, наставников вроде горьковского Маякина, учившего «жить» Фому Гордеева, тоже не сыщешь ни в школе, ни дома.

Но не одна же пара столь постыдным образом отстаивает свои права. Остается либо биология, либо издержки воспитания, которыми мы порой пренебрегаем и даже посмеиваемся над ними, когда на них указывают. «Пережитки прошлого? Ха-ха, да оно когда было, прошлое-то?» «Влияние Запада? Ох, ох, надоело слушать». А пережитки, между прочим, тянутся через века, влияния заползают в микроскопические щелочки.

Ведь в тех же пресловутых спорах «физиков» и «лириков» редко разве одерживают верх «физики»? Полуанекдотическое «А что я с этого буду иметь?» трансформируется ведь в реалии жизненных отношений. Бесспорное с точки зрения права «что положено — отдай» для иного становится таким непреложным правилом жизни, что затмевает радость отдавать себя людям.

Вместе с революцией, с пятилетками, с победой социализма вошло в нашу жизнь великое слово «надо». «Надо» — и возводится город там, где его возвести «нельзя». «Надо» — и закрывается амбразура дота своим телом. «Надо» — и люди сутками не выходят из цеха, чтобы сделать важный заказ. Поистине высочайшие нравственные вершины взял советский человек в великих общественных делах.

А в быт иногда сползает с этих чистых вершин какой-то неандерталец. За кухонную-то полку в 14 рублей спорит, бывает, тот, кто царственным жестом дарит свое рацпредложение, свой труд, свой мозг, не требуя даже положенного вознаграждения. Чистый и бескорыстный «лирик» в общественном. А в личном — уже настолько расчетливый «физик», что будто подменили человека.

Наверное, все-таки в нашей воспитательной работе, в нравственных оценках так называемой личной жизни мы что-то упускаем. В самых простых отношениях соседа с соседом, прохожего с прохожим, мужчины и женщины не всегда блестят личности алмазными своими гранями.

Однажды на полях моей рукописи рецензент написал: «Рыцарство — категория феодально-дворянская». Поскольку рецензент была женщина, я спорить не стал: в очерке шла речь о рыцарском отношении к женщине. Мне кажется, рецензентка раздвоилась: научная схема возобладала над живыми чувствами. Собственно, рыцарям спели отходную английские лучники еще в какой-то битве Столетней войны, полтысячелетия назад. А рыцарство живет и украшает настоящего мужчину. Стоит ли предавать его анафеме, это благороднейшее из чувств?!

Но пора вернуться в зал суда. И закон и судьи в меру отпущенного им стараются решить гражданский спор с максимальным приближением к справедливости, сберечь людей от унижений. Но ни закон, ни суд не могут оградить стороны от ран, которые они наносят сами себе. Особенно жестокими бывают удары на бракоразводных процессах. Впрочем, по-разному тоже оформляется крушение союза сердец. Тут тоже наблюдаешь всю гамму поведения от истинного благородства до бесполезной и потому еще более отвратительной мстительности.

В принципе развод не отнесешь к светлым сторонам действительности. Трудно, когда распадается семья. Беда, когда при этом ребенок фактически лишается одного из родителей. Как правило, вся тяжесть драмы ложится на плечи женщины: и новую семью создать труднее, и ребенка одной поднимать сложнее. Но, как говорится, никуда не денешься. «Развод, — писал Маркс, — есть только установление факта: данный брак есть *умерший* брак, его существование есть только видимость и обман. Само собой разумеется, что не произвол законодателя, не произвол частных лиц, а только *существо дела* решает каждый раз, умер ли брак или нет, ибо *установление факта смерти*, как известно, зависит от существа дела, а не от *желаний* заинтересованных сторон».

Ее звали Мария, его — Владимир, их восьмилетнюю дочь — Леночкой. Прожили они девять лет. У Владимира уже другая, как говорят, фактическая жена. Первый суд был: не развел, предложил попробовать примириться. И вот второе заявление. Причин развода «никаких». За исключением одного: «Я полюбил другую».

— Вы согласны на развод, Мария? — спрашивает председательствующая.

— Я-то не согласна. Он хорошо ко мне относится. И дочка его любит. И скандалов у нас не было. Я бы все простила. Но что я могу, если он не хочет. Согласна, разводите. И еще к вам просьба... бывает, на работу сообщают... не надо. Этим разве удержишь? А ему повредит...

Где счастье найдешь? Где потеряешь? Мы писали решение о расторжении брака: он погиб, этот союз сердец, нам оставалось лишь констатировать этот факт. Нам троим было жалко ее. И его. Мы не знаем той, другой женщины, возможно, она очень хорошая. Но эта, только что стоявшая перед судом, явила пример мужества и благородства.

— Я ее... Ну, понимаете, нет чувства, ушло, но я ее всегда буду уважать, — так сказал он.

Простой парень, он мучительно выбирал выражения, чтобы никак не задеть ее самолюбия. Может, он не прав в своем решении — не нам это судить. Однако если она являла пример благородства, то и он вел себя достойно.

А следом вторая пара, куда более солидная. Женаты почти четверть века, взрослые дети. Он подал заявление о своей супружеской неверности, прося развода. Три года они сосуществуют под одной крышей, но семьи уже нет.

— Вы согласны, ответчица, с иском вашего мужа?

— Ни в коем случае!

— Считаете ли вы возможным сохранить семью при сложившейся ситуации?

— Безусловно! Вы должны обязать его жить со мной.

— Мы в силах только расторгнуть или не расторгнуть брак, не больше.

— Вот и не расторгайте. Три года назад он задурил — выговор схлопотал по партийной линии. Утихомирился. Опять начал — в должности понизили. А теперь... теперь... словом, вы должны отказать. Пусть живет со мной. Военный он, я это так не оставлю.

Это уже окончательно мертвый брак, который вряд ли возможно гальванизировать даже самыми строгими общественно-административными мерами...

В судебных залах не режиссер — сама жизнь ставит драмы и трагедии. В них не играют артисты, а живут люди. И как же по-разному они выходят из конфликта! Одни — исполненные достоинства и сохраняя мужество, другие — суетясь и цепляясь за соломинку.

Когда слушается уголовное дело, решаются судьбы людей. В процессе гражданском по большей части перед судьями мир вещей — кому что принадлежит, кто сколько должен, кто какое имеет право. Но за всем этим — люди. И во время гражданского спора они часто снимают маски более решительно, чем это удается сделать следователю, разоблачая преступника.

На вопрос, что такое совесть, один умный человек сказал:

— Это когда никто не увидит, никто не узнает, а я все-таки не сделаю ничего плохого.

Мне кажется, стороны в гражданском процессе частенько полагают, что судьи и другие участники процесса — это как бы «никто». Если же и появляется некое неудобство чувств, то быстренько гасится — сохранить честь и достоинство, поступившись ковром или пылесосом, для иных бывает трудновато.

Ну что ж, в конце концов отстаивают истцы и ответчики свои законные выгоды. Поэтому судьи не вправе упрекнуть их в отступлении от нравственных норм. Они ведь «никто». Но высший судья — совесть, уверен в этом, рано или поздно скажет свое слово. Ведь вот даже если человек, когда никто не видит, бросит на чистый пол окурок, он не рискует получить даже косой взгляд, а что-то хоть минуту, да гложет его. Не думаю, чтобы низость в отношении близкого своего не подверглась беспощадному суду совести — рано или поздно.

А впрочем, все бывает. Не у каждого проснется и совесть. Но мы видели, как в нашем же зале суда одна из сторон отказалась от всяких прав на совместно нажитое имущество.

— Мне не надо ни одной вещи, а пару белья и связку любимых книг мне взять не препятствовали. Разрешите мне уйти?

И он вышел из зала суда с таким достоинством, что если бы предшествующие истцы и ответчики видели его — кто знает, — не пожалели ли бы они об отсуженных костюмах, воротниках и стиральных машинах?

ТЕМНОЕ ДЕЛО В ГЭЙТВЕЕ

Ричард ДЖЭССЕП

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Вирлок с задумчивым видом сидел в кабинете Эллендера рядом с его письменным столом и курил. Он не пошевелился, когда в коридоре послышались шаги Эллендера, и даже не взглянул на него, когда тот вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

— Привет, Честер,— Эллендер быстро прошел к своему креслу. — Ну, наконец-то дело в шляпе!

— Он сознался?

— Пока нет, но уже признает, что проник в дом с определенными замыслами в отношении хозяйки.

— Он признает это? — оживился Вирлок.

Эллендер откинулся на спинку кресла и устало закрыл глаза.

— Ну и денек выдался! — вздохнул он. — Нет, пока не признает... Во всяком случае, прямо. Но не отрицает, что если бы представилась возможность, он бы не упустил такого случая. Я бы назвал это подразумеваемым признанием: Уэстин проник в дом с определенными намерениями, а когда Элен Макдафф отвергла его гнусные предложения, он расправился с ней.

— Позвольте, но Уэстин же, по его словам, вбежал в дом только после того, как услышал ее крик?

— Так это же «по его словам»!

Вирлок собирался что-то возразить, но Эллендер жестом остановил его, не вставая с места, перегнулся через стол и некоторое время пристально смотрел на инспектора.

— Кэйджен сообщил мне,— сухо проговорил он,— что у вас есть какие-то собственные соображения относительно виновности Уэстина. Я слушаю.

Вирлок хотел ответить, но Эллендер снова остановил его и добавил:

— Я чертовски устал, поэтому давайте без лишних рассуждений, сразу по существу.

— Мистер Эллендер, я хочу провести самое тщательное расследование. Дайте мне на это недели две.

— Ну, а предположим, что расследование выведет вас на самого Макдаффа. Как быть тогда? — не повышая голоса, спросил Эллендер.

— Я хочу выйти на того, кто совершил преступление.

— Что, если это окажется не Макдафф, а один из бывших любовников его жены?

— Я так и скажу.

— Ну, а предположим, что преступником все же окажется Уэстин?

— Я буду удовлетворен и этим.

— Мы здесь вовсе не для того, чтобы вы чувствовали себя удовлетворенным или неудовлетворенным.

— Я не убежден, что Элен Макдафф убита Уэстином.

— Зато я убежден,— отрезал Эллендер.

— Это ваша официальная точка зрения?

— Если хотите, могу изложить ее в письменном виде. Но не рекомендую настаивать на этом.

Вирлок вскочил, нахлобучил шляпу и быстро заходил по комнате.

— Черт возьми, Эллендер! Что происходит с вами?

— Не читайте мне нотаций, Честер, не нуждаюсь.

— При чем тут нотации? Я просто хочу, чтобы вы помнили о здравом смысле.

— Я понимаю здравый смысл несколько иначе, чем вы.

— Я понимаю его с точки зрения Уильяма Уэстина! — крикнул Вирлок. Он подбежал к Эллендеру и, подкрепляя свои слова ударами кулака по столу, заговорил: — Нет ничего удивительного, что неопытный юнец, оказавшийся первым на месте преступления и не сумевший толком объяснить, как все случилось, навлекает на себя серьезные подозрения. Но вы не хуже меня понимаете, что мы всегда в первую очередь ищем м о т и в. Какой же мотив мы обнаружили в данном случае?

— Я уже сказал: он увидел красивую женщину, понял, что она одна, и решил этим воспользоваться.

— Ваше объяснение не выдерживает никакой критики, и вы сами это понимаете.

— Прекратим этот разговор! — в бешенстве крикнул Эллендер.

— Почему? Потому, что вы хотите опередить Фэйна?

— Возможно. И вам не удастся мне помешать.

Вирлок устало опустился на стул. Эллендер, пытаясь взять себя в руки, не спеша закурил.

— Послушайте, Честер,— сказал он. — Сколько лет мы работаем вместе?

— Вы знаете не хуже меня.

— Правильно, знаю. Около двенадцати лет. И ради чего мы работали?

Вирлок промолчал.

— Мы не жалели своих сил, оберегая покой и благополучие граждан, которые не в состоянии позаботиться о себе, даже если бы у каждого в гараже стояло по танку. И всякий раз, когда какой-нибудь пьяный болван пригрозит им револьвером, они требуют нашей защиты, но поднимают грандиозный скандал, если полицейский бесплатно возьмет у торговца гнилой банан.

— Вы словно читаете мне очередную демагогическую передовицу из нашей газетенки «Щит и револьвер»,— усмехнулся Вирлок. — Если вы хотите сделать Уэстина козлом отпущения, имейте мужество сказать прямо.

— Вот я и говорю.

— Тогда скажите и другое: что заставляет вас поступать так?

— Житейский расчет. Надеюсь, вы согласитесь со мной?

Вирлок встал и направился к двери.

— Одну минуту,— остановил его Эллендер. Он тоже поднялся и медленно подошел к Вирлоку. — Вы понимаете, что всем нам обеспечено продвижение по службе, если дело пройдет гладко?

— Понимаю. Ну и что?

— Вы станете начальником отдела уголовного розыска. Я же, заняв пост начальника управления внутренних дел, предоставлю вам полную свободу действий. Макдафф, судья Сэм, Энстроу, я, Кэйджен — все мы будем вашими друзьями, вашими влиятельными и сильными

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42, 43.

друзьями... Вы будете одним из нас, станете получать большое жалованье, в перспективе у вас будет солидная пенсия. Разве не смешно, что на пути ко всему этому стоит какой-то сопляк, один из тех, с кем нам часто приходится иметь дело, один из великовозрастных хулиганов, не заслуживающих...

— Довольно! Я уже сказал, что ваша точка зрения меня не устраивает. Вы совершенно не правы.

— В чем же?

— Да в том, что пытаетесь спасти репутацию, а возможно, и шкуру такого мерзавца, как Макдафф, и во имя этого готовы послать на смерть невиновного.

— Вирлок, но это же никчемный человек! Один из тех бродяг, которые так досаждают нам в Гэйтвее.

— Не имеет значения, Лейси. Если вы дадите мне недели две, я обещаю, что ничего не стану предпринимать по результатам своего расследования, пока не посоветуюсь с вами. От вас будет зависеть, давать им ход или нет. Я же прошу одного: разрешить мне попытаться установить истину.

— Нет, не разрешаю! — снова распаляясь, бросил Эллендер. Он быстро вернулся на свое место, взял со стола одну из бумаг и протянул Вирлоку. — С сегодняшнего дня я отстраняю вас от участия в расследовании дела об убийстве Элен Макдафф. Вот новое задание. Вчера вечером неизвестные взломали дверь магазина на углу улиц Броад и Колумбус. Похищено несколько костюмов и пальто. Займитесь.

Вирлок взял бумагу и пошел к двери, но остановился.

— Неужели вы думаете, мистер Эллендер, что я стану молчать? — спросил он.

— Ну, если вы враг самому себе... Мне будет неприятно уволить вас за неподчинение.

Вирлок повернулся и вышел.

Минут десять Уильям Уэстин неподвижно сидел на койке, уставившись в пол. В ушах у него все еще звучали слова Гарольда Кэйджена: «Если вы согласитесь признать себя виновным, я, возможно, добьюсь, чтобы вам заменили высшую меру двадцатилетним тюремным заключением. Большего я не в состоянии сделать...»

Уэстин в смятении поднялся с кровати, подошел к оконцу и некоторое время стоял, ухватившись за толстые прутья. Мог ли он предполагать еще вчера, что окажется в тюрьме за стальной решеткой?

— Спокойно, спокойно, молодой человек,— послышался за его спиной чей-то равнодушный голос. — Решетку вам все равно не выломать, и не пытайтесь!

Уэстин оглянулся. Через глазок двери в камеру заглядывал надзиратель.

— Извините... — начал было он, но вдруг почувствовал, что им овладевает ярость. — К черту вашу решетку! — крикнул он. — Я хочу говорить с адвокатом!

— Но он только что ушел от вас.

— Так вызовите его! Мне надо с ним посоветоваться.

— Не могу. Ничего не могу сделать для вас. И вот вам мой совет: не пытайтесь вырваться отсюда — это еще никому не удавалось. Так что успокойтесь...

Уэстин бессильно опустился на койку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На следующий день, во вторник, миссис Джейн Морган не смогла прийти, как обычно, в приемную доктора Оттера. Она любила свою работу, ей нравилось встречаться с новыми пациентами, наблюдать за ними, угадывать по манерам и костюмам, к какому слою общества они относятся, радовалась приходу старых пациентов и с удовольствием слушала, когда они делились с ней своими радостями и огорчениями. Теперь же и работа, и приемная доктора Оттера, и пациенты как-то отдалились, отошли на второй план,— все заслонило собой убийство на Бэккер-авеню. Мучаясь и переживая, миссис Морган курила сигарету за сигаретой и уже вторые сутки без сна бродила по комнате.

Часов в семь утра, рассеянно взглянув в окно на неподвижные, безучастные ко всему вязы, миссис Морган с горечью подумала, что мир остается таким же прекрасным и радостным, и нет ему дела до того, как ей тяжело. Полураздетая и непричесанная, она по привычке поставила на плиту кофейник с водой и снова задумалась. Никогда раньше она не сталкивалась с необходимостью подобного выбора: сообщить в полицию обо всем, что видела вечером в воскресенье, или промолчать и махнуть на все рукой — будь, что будет... Как бы она хотела, чтобы ничто не нарушало ее маленькой уютной жизни!..

Мучения Джейн Морган особенно усиливались, когда она вновь и вновь бралась за газеты. На опубликованных фотографиях Уильям Уэстин не походил на того человека, которого она видела в доме Макдаффов. Она напряженно всматривалась в фотографии Уэстина, сделанные в тот момент, когда его выводили из тюрьмы или когда он появлялся в зале суда, но ни на одной из них не могла опознать того, кто стрелял в Элен Макдафф. Почти не сомневаясь, что в убийстве обвиняется совершенно непричастный человек, и все же не находя в себе мужества обратиться в полицию и встать на его защиту, миссис Морган то принималась рыдать, то вновь впадала в мрачное раздумье.

В то же утро судья Сэм и районный прокурор Питер Энстроу сидели за столиком в самом фешенебельном ресторане Гэйтвея «Вид на море». Отпивая кофе, судья внимательно всматривался в пышную зелень соседнего парка, однако в его серых глазах читалось сильнейшее недовольство. Это был старик лет шестидесяти с лишним, подтянутый, с преисполненными достоинства манерами; приветствуя входящих в ресторан друзей и знакомых, он время от времени улыбался, сверкая белизной вставных зубов. На нем был серый полотняный костюм с галстуком. Позволяя отдохнуть глазам, он снял пенсне, слегка склонил голову набок и с некоторым высокомерием проговорил:

— Я ненавижу себя за то, что согласился участвовать в этой истории. В дни моей молодости политическая борьба была такой же грязной, если не грязнее, грубое насилие отнюдь не было редкостью, но, черт возьми, даже тогда существовали определенные пределы!

Энстроу успокаивающе улыбнулся.

— Сэм, но Уэстин все же убил Элен Макдафф. Сейчас сюда приедет Эллендер и покажет вам его признание.

Энстроу было около сорока; непомерно властолюбивый, он ловко скрывал свои замыслы под маской этакого страдальца, обиженного жизнью и людьми.

— Бог мой, Пит, но как же вам хочется вкусить власти! — заметил судья.

— А почему бы и нет? Вам все преподносится на блюдечке, а я должен, жертвуя лучшим, что может быть в моей жизни, добиваться всего сам.

— А иногда жертвуя и чужими жизнями...

— Но и вы далеко не святая невинность,— усмехнулся Энстроу.

— Да, на моей совести есть и человеческие жизни,— согласился судья. — Тем больше сомнений вызывает у меня дело этого мальчика... Я даже имени его не помню.

— И хорошо, что не помните.

— Должен же человек когда-то остановиться и оглянуться на пройденный путь.

— Однако вы не прочь стать губернатором, как и ваш отец в свое время, не так ли? — продолжал настаивать Энстроу.

— Мечтаю уже много лет.

— И такая возможность у вас теперь есть, она там,— Энстроу сделал жест в сторону тюрьмы на Мэретта-стрит. — Губернатор Лайтуэлл трясется от страха в своей резиденции. С его помощью компания лесопильных заводов «Акма» сорвала изрядный куш на сделках с лесом, о чем стало известно Макдаффу. На предстоящих выборах при поддержке Макдаффа вы легко возьмете верх над Лайтуэллом. Макдафф уже говорил об этом.

— Откуда вы знаете?

— Неважно. Знаю, что Макдафф побывал в Вашингтоне и беседовал с сенатором Слипером. Вы же понимаете, уж если Макдафф и Слипер говорят, что Лайтуэлл должен уйти, значит, все решено. Ну, а после ухода Лайтуэлла вы единственный кандидат на его место.

— И я должен заплатить за это своим участием в ваших махинациях? Да плюс к тому принять меры, чтобы имя Макдаффа не попало на страницы бульварных газет?

— Послушайте-ка, Сэм. Элен меняла возлюбленных, как перчатки,— об этом сплетничал весь город. Однако одно дело сплетни, и совсем другое — газетные статьи. Если газетам станет известно об амурных делах любвеобильной супруги Макдаффа...

— ...то слишком многие начнут задавать себе вопрос, не убил ли ее сам К. Т.? — Сказав это, судья Сэм отвернулся и уставился в окно.

— Советую, никогда и никому не высказывать таких предположений! — прошипел Энстроу.

— Ну, а что вы-то получаете в награду за свои труды? — повернулся к нему Сэм. — Место судьи?

— Разумеется. Но дело не в том, что получу я, а в том, что получите вы.

— Предположим, я ничего не хочу «получать» таким путем? Предположим, я изменю свое решение и выйду из игры?

— Ничего вы не измените и ни от чего не откажетесь. Вы и ваши друзья с Бэккер-авеню... Вот уж кто поистине достоин презрения! Сплетничаете в тиши своих особняков, осуждаете других, а сами занимаетесь всякими нечистоплотными делишками... У меня и у самого, правда, рыльце в пушку, но я по крайней мере не прикидываюсь святошей, как вы и вам подобные.

— Да и я не прикидываюсь, я ничем не лучше вас,— брезгливо поморщился судья. — Однако как низко может пасть человек!

— Особенно, когда он даже во сне видит себя губернатором, как вы. Кстати, судья, не говорите: «Я ничем не лучше вас»,— говорите: «Я такой же, как вы». Это не так режет слух.

— Где же Эллендер, черт бы его побрал! — пропуская слова Энстроу мимо ушей, сердито спросил судья.

— Сейчас позвоню в тюрьму и узнаю.

Энстроу вышел в вестибюль, где стояли телефоны-автоматы, и увидел только что появившегося в ресторане Эллендера. Он подошел к нему, взял под руку и подвел к столику, за которым сидел судья.

— С добрым утром,— поздоровался Эллендер, без приглашения опускаясь на стул. Вслед за ним сел и Энстроу. Веки у Эллендера были красные, лицо осунулось.

— Ну, получили? — резко спросил Энстроу.

Эллендер мрачно покачал головой.

— Нет.

— А в чем дело?

— Обратитесь со своим вопросом к Уэстину. Я сделал из него отбивную, и все напрасно.

— Никаких синяков! — поспешно предупредил Энстроу.— Иначе какой-нибудь чересчур «сознательный» присяжный устроит нам скандал.

Эллендер недовольно взглянул на Энстроу.

— Вы меня не один день знаете, Пит.

— Вас-то я знаю, но Гарольд Кэйджен ловкий адвокат — продемонстрирует жюри присяжных избитого арестанта и... Кто тогда поверит, что он добровольно во всем признался?

— Не беспокойтесь, Кэйджен и пальцем не шевельнет,— вмешался судья Сэм.

— Вы уверены? — спросил Эллендер.

— Сэм уже говорил с председателем суда по делам о наследствах и опеке Дэйлом,— пояснил Энстроу. — Кэйджен будет ходить по струнке... Однако где же обещанное вами признание Уэстина? Чем быстрее мы провернем дело, тем скорее прикусят язык те, кто склонен примешивать К. Т. к убийству Элен.

— Кое-кто уже рыскает в «поисках истины»,— заметил Эллендер.

— Кто именно? — встрепенулся Энстроу.

— Один из моих детективов.

— Этого еще не хватало! Неужели вы не можете держать в руках своих подчиненных?

— Разве я сказал, что не могу? Я сказал только, что «кое-кто уже рыскает». И еще одна деталь. Мне звонила Этта Саймонсон, жена владельца нашего универсального магазина. Саймонсоны живут рядом с Макдаффами.

— Ну, ну? — поторопил Энстроу.

— Черт бы ее побрал! Она утверждает, что видела, как к Макдаффам в тот день приходил их знакомый пианист. Говорит, он провел с Элен весь день.

— Выкиньте из головы ее слова,— небрежно отмахнулся Энстроу.

— Ну, а кто же этот ваш детектив-правдолюбец? — поинтересовался судья Сэм.

— Честер Вирлок.

Энстроу прищурился.

— Это не он ли хотел стать начальником отдела уголовного розыска, когда вас назначат начальником управления внутренних дел?

— Он самый.

— Ничего не понимаю! Он что, не в состоянии сообразить, что к чему?

— Вы просто отвыкли понимать честных людей, Пит,— скривился судья Сэм.

Энстроу раздраженно фыркнул:

— Не ваше дело, что я понимаю, а что нет! Во всяком случае, я понимаю, что нам надо как можно быстрее и а к к у р а т н е е провернуть дело Уэстина. Я мог бы, полагаю, добиться нужного приговора и с теми материалами, которые уже есть, но мне нужна гарантия, что никаких осложнений на сей счет не произойдет, и такую гарантию я вижу только в признании Уэстина.

Эллендер хотел что-то сказать, но Энстроу опередил его:

— Надеюсь, вы представляете, насколько мне важно получить признание? Займитесь этим немедленно.

— Завтра признание Уэстина будет у вас на столе, обещаю,— торжественно заявил Эллендер.

— А вот и Кэйджен, легок на помине! — громко сказал судья Сэм и жестом пригласил адвоката к столику. Кэйджен охотно воспользовался приглашением. Прежде чем усесться, он фамильярно похлопал по плечу сначала Эллендера, потом Энстроу.

— Терпеть не могу всякие там пари,— ухмыльнулся он,— но сейчас готов биться об заклад, что честная компания вела разговор об убийстве, а? Речь шла о ком-либо из наших общих знакомых?

— Вы могли бы повлиять на своего подзащитного и склонить его к признанию, если это не удастся Эллендеру? — спросил Энстроу.

— Нет,— ответил Кэйджен.— Мне придется схватиться с вами на суде.— Он улыбнулся собственным словам и закурил сигару.— Чтото слишком все вы беспокоитесь о признании Уэстина. А какая в нем необходимость? Вы же собрали убийственные улики.

— Мы беспокоимся только о том, чтобы не возникло каких-нибудь осложнений,— огрызнулся Энстроу.— Может, он согласится признать себя виновным в непредумышленном убийстве? Ему ведь нет еще и двадцати — возможно, мы что-нибудь придумаем для него, учитывая его молодость.

— Я уже сказал,— все с той же ухмылкой ответил Кэйджен,— что на суде нам придется скрестить шпаги.

— А что вы, собственно, усмехаетесь? — вмешался судья Сэм.— Ничего смешного я пока не вижу. Мы ведем серьезный разговор.

— Целиком согласен с вами,— добродушно подтвердил Кэйджен.

— Чтобы вы окончательно все уяснили,— добавил Энстроу,— могу сообщить, что вчера вечером Сэм обедал с судьей Дэйлом.

— Удивительно, Сэм, как это вы протерпели до обеда! Я полагал, что вы побежите к Дэйлу прямо с утра.— Кэйджен повернулся к Эллендеру.— Скажите, господин начальник, мой подзащитный, наверно, нуждается в госпитализации? Сколько у него поломано ребер и все такое?

— Следовательно, вы уверены, что я пока не выколотил из него признания?

— Вполне уверен. В противном случае Пит жмурился бы, как сытый кот, вы бы спали дома, а Сэм играл бы в гольф в клубе и воображал, что дело происходит уже на площадке губернаторского особняка.

— Я знаю, Кэйджен, что вы человек сообразительный,— угрожающе посмотрел на него Энстроу,— но все же считаю не лишним предупредить: не вздумайте ставить мне палки в колеса, не пытайтесь юлить, если не хотите, чтобы я стер вас в порошок.

— Не забывайте, что и я могу подкинуть вам кое-какие неприятности,— постучал пальцем по столу Эллендер.

— Теперь ваш черед угрожать мне, а, Сэм? — повернулся Кэйджен к судье.

— Не вижу необходимости в угрозах, Гарольд. Вы же просто-напросто кокетничаете, а в действительности не меньше нас заинтересованы в успехе этой грязной игры.

— Спасибо и на том! — воскликнул Кэйджен.

— Ну, мне пора,— поднялся Энстроу.— Служба! Лейси, займитесь делом. И помните: никаких осложнений! А с вами, судья, мы еще увидимся сегодня на похоронах.

Часы показывали десять тридцать утра, когда Нонна Эш отбросила газету и встала с кушетки. Она прочитала от строчки до строчки все материалы об убийстве Элен Макдафф и долго рассматривала фотографии Уильяма Уэстина. Ей осточертели бесконечные пересуды, вздохи и ахи обитателей Бэнкер-авеню, опасавшихся, что происшествие набросит тень на репутацию их замкнутого, респектабельного мирка. Резкими взмахами руки она отогнала от лица клубы табачного дыма и раздраженно воткнула в пепельницу недокуренную сигарету. В последние дни она курила очень много.

Миссис Эш подошла к огромному окну и долго смотрела на свой сад. Лучи жаркого солнца освещали безупречно четкие узоры яркого цветочного ковра. Немало сил отдавала она ежегодно, придумывая все новый и новый его рисунок. В этом году через весь сад проходила широкая полоса голубых барвинков с вкрапленными в нее клумбами фиалок.

Дети собирались поехать на пляж вместе с двумя служанками, а повариха отправилась закупать обычный недельный запас продуктов. Как правило, по вторникам Джордж Эш проводил в своей экспортно-импортной фирме только первую половину дня, а потом они играли в гольф или катались на лодке, но сегодня его отвлекли какие-то неотложные дела, и ей предстояло провести весь день в одиночестве. Дети действительно вскоре уехали, и Нонна осталась одна. Она могла бы пойти поболтать к своей соседке Этте Саймонсон, но та снова начнет трещать об убийстве, а Нонна уже два дня ни о чем другом не слышала, и эта тема порядком набила ей оскомину.

Через некоторое время миссис Эш перешла к окну, из которого открывался вид на прилегающую часть улицы и на особняк Макдаффов. Она вспомнила о вечеринках, а вернее, об оргиях, что так часто происходили в особняке, о том, какое внимание уделял ее муж Элен Макдафф. Да, ничего не скажешь, Элен была привлекательной женщиной... Миссис Эш припомнила даже, какое масленое выражение появлялось на лице Джорджа всякий раз, когда он встречался с женой Макдаффа. «Теперь Элен мертва,— думала миссис Эш.— Как всетаки я умно поступила, выпроводив Берту из дому!.. Люди, лишенные, подобно Элен Макдафф, всяких моральных устоев, не только сами кончают плохо, но и причиняют страдания окружающим».

Миссис Эш еще раз со вздохом облегчения подумала, что Берта сейчас далеко, и, следовательно, некоторое время можно не опасаться неприятностей. Хотя бы некоторое время...

Миссис Морган пришла на работу в приемную доктора Оттера с полуторачасовым опозданием — случай из ряда вон выходящий. В приемной оказалась одна миссис Этта Саймонсон — ей нужно было закрепить зубной протез. Завидев миссис Морган, Этта мило улыбнулась и хотела заговорить с ней, но в дверях кабинета появился доктор Оттер в коротком белом халате и с марлевой маской на лице. Снимая резиновые перчатки, он озабоченно взглянул на свою секретаршу.

— Ну, сегодня, надеюсь, мы чувствуем себя лучше? — спросил он.

— Спасибо, доктор, значительно лучше,— ответила Джейн и, поспешно сунув сумочку в нижний ящик стола, начала было извиняться за опоздание, но доктор прервал ее:

— Ничего, ничего, не беспокойтесь.— Он повернулся к миссис Саймонсон.— Через несколько минут я приму вас,— проговорил он и снова скрылся в своем кабинете.

— Вам нездоровится? — участливо спросила у Джейн миссис Саймонсон.

— Просто я устала. Мне надо по-настоящему отдохнуть.

Миссис Морган не питала к Этте Саймонсон особых симпатий и теперь, не желая поддерживать разговор, с сосредоточенным видом стала просматривать журнал приема больных.

— Вы, разумеется, читали об этой ужасной истории с Элен Макдафф? — как ни в чем не бывало продолжала миссис Саймонсон.— Мы живем по соседству, так что, можно сказать, были очевидцами и только по чистой случайности не оказались участниками. Ведь как раз в тот вечер муж и я собирались навестить чету Макдаффов, но, слава богу, в последнюю минуту передумали. Ужас, сколько там собралось зевак! Посмотрели бы вы, как они попортили сады... Да что там сады... Если бы не полицейские, так они бы, наверно, через окна забрались в дом.

Миссис Саймонсон умолкла, закурила, длинным наманикюренным ногтем сняла с языка табачную крошку и заговорила снова:

— Можете мне поверить, дорогая миссис Морган, я в ту ночь почти не сомкнула глаз... А ведь Элен была так мила, так мила! Она так любила жизнь! Она наслаждалась жизнью, как умеют и осмеливаются лишь немногие.— Миссис Саймонсон глубоко вздохнула, что, очевидно, должно было подтвердить ее глубокую симпатию к Элен Макдафф.— Какая все-таки несправедливость: почему в первую очередь расплачиваются и уходят от нас самые жизнерадостные, самые юные и очаровательные?..

Дверь кабинета распахнулась, из него пулей вылетел какой-то человек и, еле кивнув обеим женщинам, выбежал на улицу.

— Если вы в состоянии, миссис Морган,— чуть ли не извиняющимся тоном проговорил доктор Оттер,— я попросил бы вас помогать мне, пока я буду заниматься миссис Саймонсон.

— Конечно, конечно, доктор! — закивала миссис Морган. Усаживая Этту Саймонсон в кресло, обвязывая ее чистой салфеткой и наливая для нее в стакан свежую воду, она все время чувствовала на себе взгляд доктора Оттера, и у нее из головы не выходила мысль, что, возможно, врач и есть тот человек, которому она могла бы довериться. Если бы только набраться мужества...

— ...после этого К. Т. провел всю ночь у нас,— донеслись до нее слова миссис Саймонсон.— И знаете, доктор, как он страдал! Муж чуть не силой увел его из этого кошмарного дома и привел к нам. Мне еще никогда не приходилось видеть человека, который бы так был убит горем!

Миссис Морган внезапно пришла в себя. Да ведь эта женщина живет рядом с Макдаффами, а ты не слышишь и слова из того, что она рассказывает!.. Она откашлялась и, стараясь унять дрожь в голосе, спросила:

— Ну, а что мистер Макдафф говорил об убийце?

— Моя дорогая миссис Морган! Да будет вам известно, что тот бедный юноша, который сейчас томится в тюрьме, виновен не больше, чем мы с вами!

Доктору Оттеру никак не удавалось натянуть резиновые перчатки, но Джейн Морган не спешила прийти ему на помощь, она понимала, что, надев перчатки, он займется миссис Саймонсон, и та вынуждена будет замолчать.

— Но вы сами-то действительно видели что-нибудь? — снова обратилась она к миссис Саймонсон.

— Не знаю, что вы имеете в виду под словом «действительно». Я много лет живу рядом с Макдаффами, часто бывала у них на сумасшедших вечеринках и знаю куда больше, чем я д е й с т в и т е л ь н о видела в тот вечер. Элен Макдафф, опять скажу я вам, жила очень весело, и многие из нас считали ее неисправимой грешницей. Я же,— Этта Саймонсон смиренно воздела очи горе,— я же всегда руководствуюсь святой заповедью: «Не суди сам, да не судим будешь». Что касается вашего вопроса... Да, я действительно видела кое-что, однако наши тупоголовые полицейские не считают это заслуживающим внимания.

Доктор Оттер наконец подошел к креслу, и Джейн Морган с трудом удержалась, чтобы не оттолкнуть его. Но оказалось, что он тоже прислушивается к разговору и тоже хочет знать, что же такое увидела миссис Саймонсон, чего полиция не считала заслуживающим внимания.

— Так что же вы все-таки видели? — спросил он, к радости миссис Морган.

— Слишком уж много бывало в доме...— начала было Этта Саймонсон, но спохватилась.— Нет, нет! Уж лучше мне помолчать, не то вы посчитаете меня старой сплетницей!

— Тогда откройте пошире рот,— потребовал доктор.

Миссис Саймонсон все же не утерпела и в последнее мгновение выпалила:

— Весь день в доме пробыл... кое-кто, но не сам Макдафф и не тот юноша, что сидит сейчас в тюрьме на Мэретта-стрит.

Миссис Морган закрыла глаза, чувствуя, что не выдержит напряжения, в котором жила все последнее время. Нет, надо как можно скорее уйти домой!..

Раскрытие кражи в магазине на углу улиц Броад и Колумбус не потребовало от Вирлока особых усилий. В понедельник вечером он допросил всех служащих магазина, а во вторник утром вместе с Хиллори Смитом нанес неожиданный визит заведующему складом и застал его за погрузкой краденых вещей в багажник машины. Вирлок арестовал вора и отвез в тюрьму, где тот полностью признался. Дома, после скучного ужина, он трижды перечитал в газете заметку о похоронах Элен Макдафф, отмечая про себя фамилии присутствовавших. Он знал многих, но не имел никаких оснований связать кого-нибудь из них с убийством на Бэнкер-авеню. Потом он долго бродил по комнате, выкуривая одну сигарету за другой. Предварительное заседание Большого жюри присяжных по делу Уэстина состоится в четверг. Тем временем Эллендер попытается добиться от парня признания, чтобы предъявить его жюри. Вирлок, правда, почти не сомневался, что Эллендера постигнет неудача. В этом его убеждало все поведение Уэстина, его манера держаться, то, как он смотрел и как отвечал на вопросы полицейских. Вообще-то никакого значения его признание уже не имело: сознается он или нет — его судьба решена. С помощью судьи Сэма, не встречая особого сопротивления Кэйджена, а то и с его молчаливого согласия, Энстроу добьется молниеносного осуждения парня. Он, Вирлок, уже ничего сделать не может. «Сиди, Честер, в своем кресле, читай проклятые газеты или отправляйся к приятелям поболтать о бейсболе... Со временем придет к тебе повышение по службе, прибавка к жалованью...»

И все же Вирлоку претило бездействие. Он подошел к телефону и набрал номер приятельницы, у которой гостила жена.

— Юнис, я ухожу,— сообщил он.— Не жди меня скоро... Нет, со службы мне не звонили, но у меня есть дело... Хорошо, дорогая, если мне придется задержаться, я позвоню тебе. Пока.

Выйдя на улицу, Вирлок сел в автомобиль и долго думал, восстанавливая в памяти детали убийства. Но ничего нового на ум ему не пришло, и он тронул машину с места.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В среду газеты под большими заголовками сообщили, что Уильям Уэстин предстанет перед судом в ближайшие дни. Для обитателей особняков на Бэнкер-авеню убийство Элен Макдафф, ее похороны, визиты полицейских уже давно перестали быть новостью, и теперь пересуды и догадки касались предстоящего заседания Большого жюри и самого процесса.

Лишь немногие еще продолжали верить в невиновность Уильяма Уэстина. Разговоры теперь вращались главным образом вокруг двух вопросов, а именно: не сама ли Элен пригласила молодого, стройного Уэстина к себе в дом, пообещав ему час любви, и если так, что

явилось причиной трагедии; не проник ли Уэстин в дом с целью грабежа и, застав там одинокую красивую женщину, не воспользовался ли этим в низменных целях.

Второе предположение с жаром отстаивали Роланд Гуд и Этта Саймонсон. Они утверждали, что Элен Макдафф никогда не упускала случая побыть наедине с приглянувшимся человеком, хотя бы видела его впервые, и что она охотно пошла навстречу поползновениям Уэстина. Только вот над чем они ломали голову: что он натворил, если Элен схватилась за пистолет, оказавшийся потом в руках юноши?

К. Т. Макдафф переехал в гостиницу «Крофт»; ходили слухи, что он собирается продать дом.

В десятичасовом бюллетене последних известий сообщалось, что начальник отдела уголовного розыска с минуты на минуту должен получить от Уэстина полное признание. Однако в последующих бюллетенях, в одиннадцать и двенадцать часов, ничего нового об этом не говорилось, как, впрочем, и в заключительном выпуске, в два часа ночи, когда станция закончила свои передачи.

Районный прокурор Энстроу доложил дело Уэстина Большому жюри присяжных в четверг в одиннадцать часов утра. И хотя Уэстин так ни в чем и не признался, жюри уже через час двадцать семь минут согласилось с правильностью предъявленного ему обвинения в убийстве при отягчающих обстоятельствах. Три человека особо отметили тот факт, что Уэстин так и не признал свою вину: Вирлок, Кэйджен и Фэйн.

Кэйджен навестил Уэстина в среду и беседовал с ним о том и о сем, исподволь пытаясь понять, что же все-таки он собой представляет. Кэйджен не нашел для себя возможным склонять юношу к признанию, не уговаривал его обратиться к суду с просьбой о снисхождении, то есть, иными словами, согласиться на двадцатилетнее тюремное заключение по обвинению в непредумышленном убийстве. Кэйджен понимал, как нелепо было бы прямо потребовать от Уэстина, чтобы тот покорно согласился с его доводами и заявил: «Так и быть, отправляйте меня в тюрьму на двадцать лет». И все же, понимая это, он намеками пытался внушить юноше, что из двух зол всегда следует выбирать меньшее.

К концу беседы адвокат вынужден был признаться в своей полной беспомощности. Уэстин наотрез отказывался понимать, какие силы противостоят ему.

Покидая тюрьму, Кэйджен встретил Эллендера.

— Ну, удалось вам чего-нибудь добиться от него? — спросил тот.

— Ничего. И вам не удастся.

— Посмотрим, посмотрим!

— Что ж, посмотрим.

Эллендер презрительно усмехнулся:

— Теперь вам остается только заявить, что он не совершал убийства, не так ли?

— Не знаю и, честно говоря, знать не хочу. В конце концов у меня нет особой необходимости пресмыкаться перед К. Т., как пресмыкаетесь все вы. Элен была самой настоящей шлюхой, а этот мальчишка просто бедняга, который не может позаботиться даже о самом себе. Не надо было ему заходить в дом, вот и все.

— Да, но стрелял-то все-таки он... Ваша позиция меня в общем-то устраивает, она не помешает нам обделать дельце без сучка и задоринки!

Эллендер хотел пройти дальше, но Кэйджен схватил его за руку.

— Послушайте, Эллендер! — воскликнул он.— Еще раз говорю вам, что вы не получите от Уэстина признания! Я понял его и убежден, что он никогда не даст нужных вам показаний.

Эллендер с подозрением взглянул на него:

— Уж не вы ли постарались настроить так своего подзащитного?

— Ерунда! Вы ведь всегда можете устроить мне какую-нибудь пакость. Ничего я ему не говорил, а вот вам говорю: признания от него вы не получите! Почему бы вам не оставить его в покое?

— Замолчите! — крикнул Эллендер.

Кэйджен повернулся, сунул в рот окурок давно потухшей сигары и быстро зашагал прочь.

Молча наблюдая, как Эллендер час за часом тщетно пытается вынудить Уэстина к признанию, Честер Вирлок ловил себя на мысли, что твердость юноши производит на него все более сильное впечатление. И Эллендер и Кэйджен дали ясно понять Уэстину, что вопрос о нем уже решен — подпишет или не подпишет он признание в убийстве. Вместе с тем Эллендер обещал Уэстину, если он признает себя виновным, то его приговорят «всего лишь» к двадцати годам с правом ходатайствовать об освобождении на поруки через одиннадцать лет и семь месяцев. Дальнейшее упорство, предупредил Эллендер, приведет лишь к тому, что он получит самое меньшее пожизненное заключение без права досрочного освобождения.

Убедившись, что Уэстин вполне понимает, в каком тяжелом, в сущности, безвыходном положении он находится, Вирлок как бы между прочим заметил Хиллори Смиту, что отказ Уэстина подписать признание наводит на самые серьезные размышления. Однако он упорно уклонялся даже от разговора об этом деле, во всеуслышание заявлял, что отстранен от расследования и не хочет иметь к нему никакого отношения. Звучало это весьма убедительно для всех... кроме него самого.

Продолжение следует.

Перевел с английского Ан. ГОРСКИЙ.

Народный артист СССР М. М. Яншин среди молодежи завода. Фото Э. Эттингера.

ЮБИЛЕЙ В ЗАВОДСКОМ КРУГУ

В тот вечер просторный зал нового Дворца культуры прожекторного был переполнен нарядной, по-праздничному оживленной публикой. Предстояло событие, для «прожектористов» необычное: отмечался день рождения одного из любимейших артистов — Михаила Михайловича Яншина. Многие на заводе знали об этом еще и потому, что принимали участие в работе над новым для завода экспериментальным изделием: делали электрокамин; первый экземпляр предназначался в подарок М. М. Яншину ко дню его семидесятилетия...

Юбилейное торжество М. М. Яншина в гостях у московских рабочих проходило совсем не случайно: жизнь МХАТа и лично М. М. Яншина уже много лет связана с людьми труда. Артист гордится «Знаком шахтерской славы», полученным от шахтеров Донбасса, да разве перечислишь знаки любви, внимания и признательности, которыми награждают зрители замечательного актера, восхищаясь его героями, их особой, органичной простотой, благодаря которой с ними вместе веселишься и страдаешь, думаешь и живешь... Именно эта счастливая особенность удивительного дарования М. М. Яншина и снискала ему мировую славу.

Она пришла сразу, эта слава, после первой же роли — провинциального гимназиста Лариосика в «Днях Турбиных» М. Булгакова, открывшей Яншина для театра... Тогда после премьеры к юноше подошел И. М. Москвин и сказал: «Завтра ты проснешься знаменитым»...

В великолепный ансамбль МХАТа Михаил Яншин вошел легко, но в то же время с удивительной для молодого артиста мудростью и тактом, умея ни на минуту не забывать о стройности, полифонии всего театрального действия в целом, о товарищах по сцене.

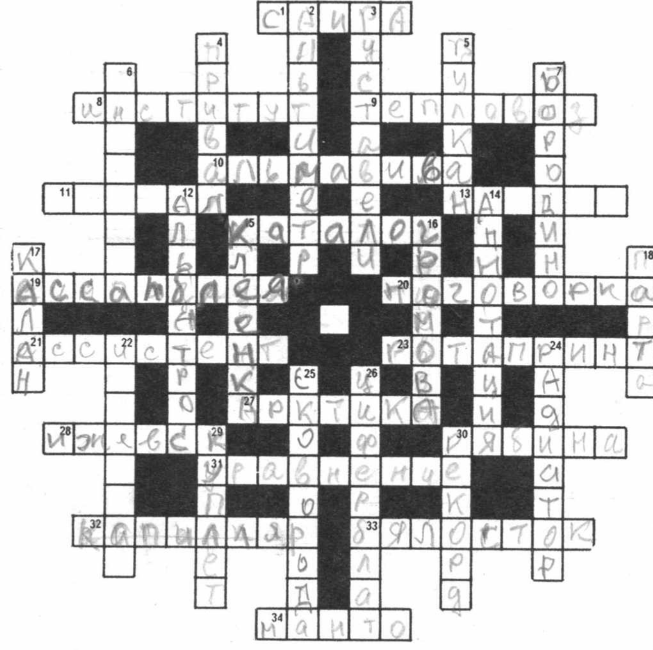
За полвека работы на сцене МХАТа — Яншин никогда не играл ни в каком другом театре, хотя много лет отдал режиссуре, будучи художественным руководителем цыганского театра «Ромэн» и Драматического театра имени К. С. Станиславского. Он исполнял множество так называемых характерных ролей, где перед артистом всегда вставала сложнейшая задача: кем быть — защитником или, напротив, судьей своего героя... И здесь на помощь ему приходила четкая, ярко выраженная в творчестве гражданственность. Поэтому-то так откровенно ироничен образ сэра Питера из шеридановской «Школы злословия», поэтому так карикатурен Градобоев в «Горячем сердце» Островского... А как виртуозно вступается Яншин за своего доктора Бублика в «Платоне Кречете». А. Корнейчука!.. Особенно близки Яншину его чеховские герои — Чебутыкин в «Трех сестрах», доктор Сорин в «Чайке»... Здесь актер проникает в самые глубины чеховских междустрочий, точно вскрывая все нюансы тончайшего психологического рисунка.

Для юбилейного спектакля М. М. Яншин выбрал тургеневского «Нахлебника», одну из крупнейших своих работ. В Петре Семеновиче Кузовкине, в этом уж поистине маленьком человеке, Яншин убежденно отстаивает большое сердце, мужественность натуры, способность на любую жертву ради любви, и жалкий, выброшенный из жизни человек остается в нашей памяти единственно правым, сильным душою в окружающей его бездушной среде... Этот именно спектакль М. М. Яншин выбрал еще и потому, что за исполнение роли Кузовкина он удостоен государственной премии имени К. С. Станиславского — своего великого учителя и друга...

В кругу самых взыскательных и самых благодарных своих зрителей — рабочих прожекторного — провел М. М. Яншин день творческого юбилея. Молодежь завода тесным кольцом окружила артиста после спектакля, слушая добрый и мудрый рассказ о жизни, отданной творчеству и людям.

Н. Зыбина

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Тихоокеанская промысловая рыба. 8. Учебное заведение. 9. Локомотив с двигателем внутреннего сгорания. 10. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 11. Озеро в Карельской АССР. 13. Горная порода, мелкие зерна корунда. 15. Перечень предметов в определенном порядке. 19. Общее собрание членов международной организации. 20. Краткое народное изречение. 21. Помощник профессора. 23. Печатная машина малого формата. 27. Северная область Земли. 28. Столица Удмуртской АССР. 30. Ягода. 31. Математическое равенство. 32. Кровеносный сосуд. 33. Административный центр воеводства в Польше. 34. Женская верхняя одежда.

По вертикали: 2. Прибор для измерения скорости ветра. 3. Автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре». 4. Отдых в пути 5. Геологическое образование, возникающее в земной коре. 6. Жанр камерной музыки. 7. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 12. Птица отряда буревестников. 14. Краткая характеристика книги, статьи. 15. Ткань, покрытая водонепроницаемой пленкой. 16. Персонаж романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». 17. Камчатский бобр. 18. Школьная мебель. 22. Соотношения двух тонов по высоте. 24. Теплообменный аппарат. 25. Украинский философ и поэт XVIII века. 26. Деталь часов. 29. Раздел песни. 30. Наивысшее достижение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали: 4. Сильвио. 8. Прессшпан. 9. Сказуемое. 10. Схема. 11. Титания. 13. Литва. 14. «Донбасс». 16. Морошка. 17. Манагуа. 18. Аллегория. 23. Теплица. 24. Баллада. 25. Динамит. 28. Бордо. 29. Диккенс. 30. Судак. 31. Кассиопея. 32. Прапорщик. 33. Актиний.

По вертикали: 1. Ливадия. 2. Бисквит. 3. Лирохбост. 5. Одоевский. 6. Эстакада. 7. Бутлеров. 12. Архангельск. 15. Смальта. 16. Маринад. 19. Диагональ. 20. Анатомия. 21. Кинескоп. 22. Анималист. 26. Линейка. 27. Инерция.

На первой странице обложки:

«Штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни...»
Кто не знает слов этой знаменитой песни! В селе Волочаевка установлен памятник героям гражданской войны и открыт музей боевой славы. Тысячи людей приходят сюда поклониться славному подвигу отцов.

Фото Г. КОПОСОВА.

На четвертой странице обложки:

Бабочки из коллекций А. В. Цветаева и Н. П. Коростелева.
Фото Г. МАКАРОВА.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

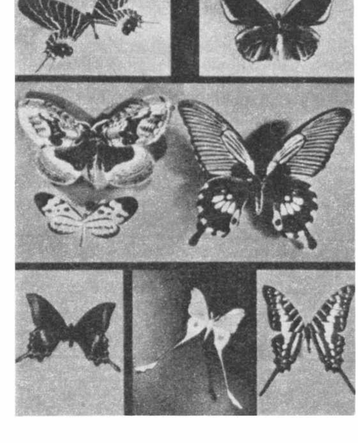
Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 9/X-72 г. А 00749. Подп. к печ. 24/X-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2262. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3606.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПОРХАЮЩИЕ ЦВЕТЫ

Ник. КОРОСТЕЛЕВ, кандидат медицинских наук

Древние римляне полагали, что бабочки — оторвавшиеся от цветов лепестки. И хотя сейчас точно известен прозаический цикл развития бабочки (взрослое насекомое — яйцо — гусеница — куколка — взрослая бабочка), поэты еще не раз воспоют порхающие цветы, а биологи, физики, химики, конструкторы, бионики и тысячи любителей природы еще немало поломают голову над разгадыванием загадок, которые столь щедро нам преподносят эти насекомые.

Припоминаю слова известного натуралиста Д. Кайгородова, сказанные им еще в 1910 году: «Не только в широких слоях публики вообще мало распространено знание бабочек, но даже любители и друзья природы часто не знают самых обыкновенных из этих крылатых созданий, так украшающих нашу природу».

Бабочек много. На земном шаре обитает около 140 тысяч различных видов, которые по зоологической номенклатуре образуют отряд чешуекрылых.

Самая большая — совка агриппа, обитающая в Бразилии. Размах крыльев у агриппы почти 30 сантиметров, как у птицы, и охотятся на нее мальчуганы, как на птицу, с луком.

Маленькая трехмиллиметровая моль — в сто раз меньше агриппы! Признанные красавцы — тропические кавалеры. Ярко-оранжевые с черным бархатом, пурпурные и нежно-голубые. За всю историю человечества не было карнавала с такими эффектными костюмами: темно-зеленый, переливающийся, переходящий в синий фрак. Может быть, яркость не та, но размерами и тонким вкусом в расцветке не уступает наш дальневосточный махаон — маака своим тропическим собратьям. А как хороша артемида! Тоже дальневосточница.

Легендарная мертвая голова. Какой мальчуган, начинающий коллекционер, не мечтал украсить ею свое собрание. А сколько всяческих легенд связано с мертвой головой! Легенды легендами, но и быль любопытна. Например, попавшее в руки насекомое издает резкий писк. Тут не мудрено и с летучей мышью спутать. И еще мертвая голова большая сластена. Забирается в улей и, не боясь хозяев, пьет мед.

Стеклянница — бабочка. Но она спасает себя от врагов, подражая крупной осе. Мало кто захочет связываться с таким «жалящим чудовищем».

Два собрата — махаон и подалирий — обязаны своими звучными именами древним мифам. У бога врачевания Эскулапа (или Асклепия), помимо двух знаменитых дочерей, Панацеи-Всецелительницы и Гигии-Здоровья, были и два сына-врача — Махаон и Подалирий.

Основатель научной систематики Карл Линней был особенно неравнодушен к бабочкам и награждал их звучными именами греческих богов и героев. Это стало традицией. Аполлон, антиопа, аргус, аретуза, арион, аглая... Мифы классической древности пленяли не одно поколение людей, и зоологи наградили этими красивыми именами одно из красивейших созданий природы — бабочек.

«Это поистине «порхающий цветок», или расписанный чудными, яркими красками, блестящий золотом, серебром и перламутром, или испещренный неопределенными цветами и узорами, не менее прекрасными и привлекательными»,— писал в свое время С. Т. Аксаков.

А ученые разных стран пристально изучают жизнь бабочек. Вот дневной павлиний глаз. Сложены крылья — надежная маскировка, раскрыл — яркие глазки. Точными экспериментами доказано, что кольца в рисунке крыльев обладают против птиц более эффективным отпугивающим действием, чем рисунок в виде полосок или в виде креста.

Военные специалисты по камуфляжу в свое время немало потратили энергии, чтоб разгадать тайну покровительственной окраски разных животных, в том числе и бабочек, чтоб создать маскировочные тенты, защитные сетки, окраску всякого рода военных снаряжений.

Бражник развивает скорость 50 километров в час. И не случайно авиаконструкторы изучали строение его тела. Есть сходство у контуров бражника и самолета.

Специалисты в области бионики изучают, каким образом бабочки улавливают ультразвуки, что позволяет им вовремя удрать от летучей мыши. О шелководстве уж и не говорю, ведь оно возникло за 2 500 лет до нашей эры.

Но, хотя автор стремится только славить бабочек, как говорится, из песни слова не выкинешь. Нельзя промолчать и о том, что в Советском Союзе зарегистрировано примерно 1000 вредных для сельского и лесного хозяйства чешуекрылых. Некоторые из них очень похожи на полезных бабочек. И крайне важно знать их тонкие отличительные признаки, места распространения, растения, на которых питаются их гусеницы, и т. д. и т. п.

И тут на помощь профессионалам-энтомологам приходит армия любителей энтомологии, тех, кто посвящает часы своего досуга собиранию бабочек. Таким страстным собирателем был великий русский физиолог И. П. Павлов.

Больше всего собирателей бабочек в Москве, но есть любопытные коллекции в Волгограде и Подольске, Минске и Вильнюсе, Дубне и Пятигорске.

Крупнейшие собрания имеют инженеры, учителя, архитекторы, врачи, художники, тренер по фехтованию, машинист-железнодорожник, директор дворца культуры, два химика, полковник авиации... Но все в один голос признают своим старейшиной Анатолия Васильевича Цветаева, бывшего главного инженера фабрики «Природа и школа», ныне пенсионера. В его честь назван даже новый вид бабочек. Масштабы коллекции Цветаева поражают. Представьте себе 1 200 ящиков, в которых находится 90 тысяч экземпляров бабочек, относящихся к 5 тысячам видов!

Я вас убедил? Вы решили начать коллекционирование? Итак, счастливой охоты!

— А я думал, вы в отпуск ушли.

Рисунок В. Шкарбана и Н. Станиловского.

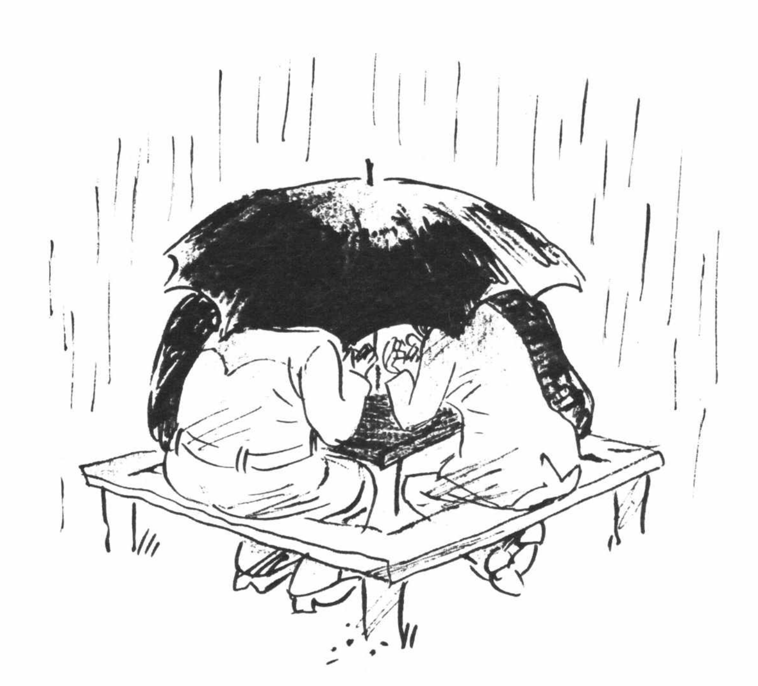
— Я показывал Андрюшке устройство телевизора.

Рисунок В. Воеводина.

Рассеянный.

Рисунок Ю. Черепанова.

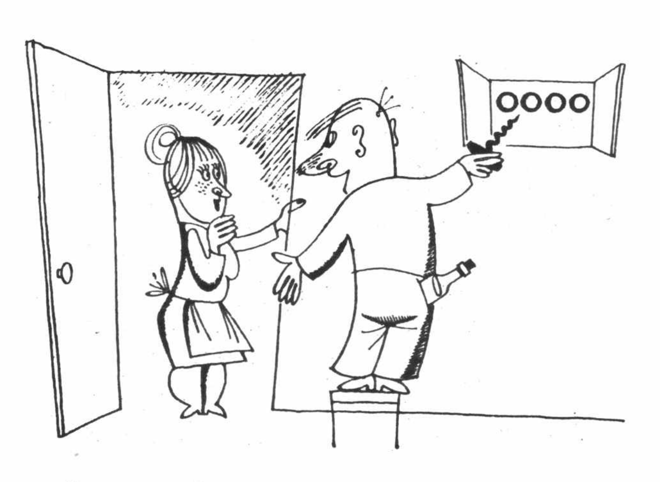
Игра состоится при любой погоде.

Рисунок Ю. Черепанова.

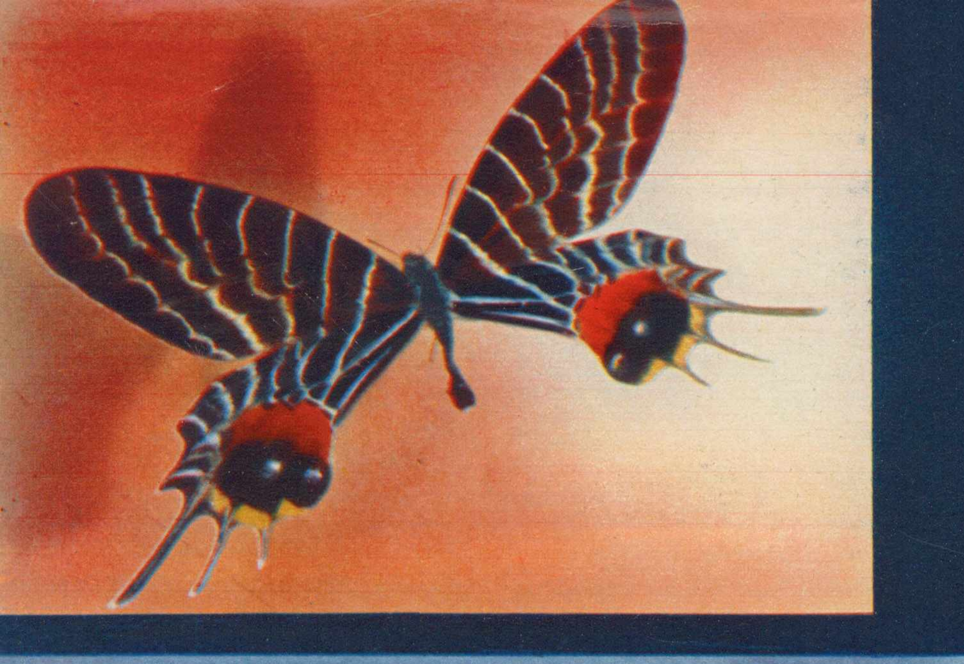
Без слов.

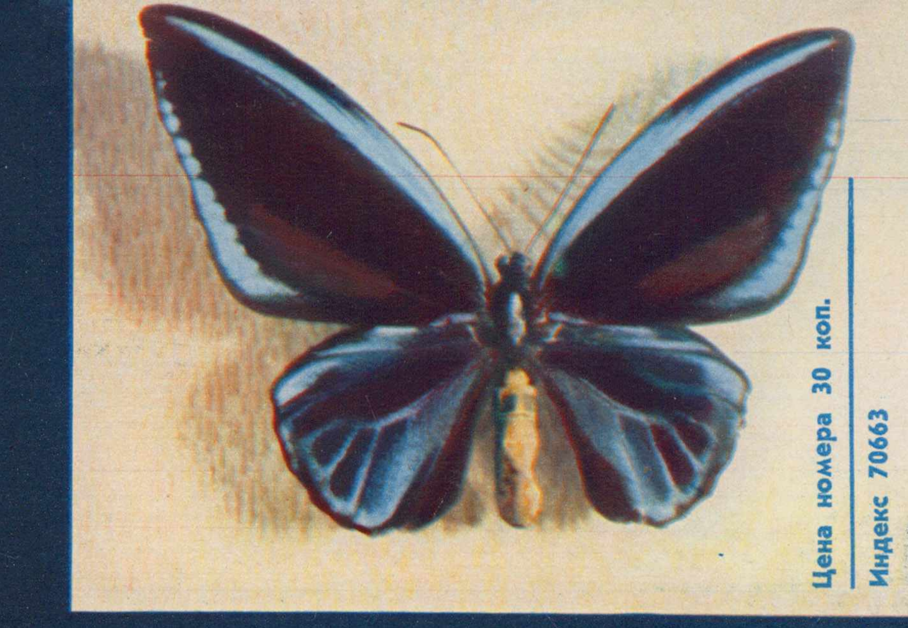
Рисунок Н. Калугина.

— Мы эти пробки мигом починим.

Рисунок О. Марковича.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

